ИСТОРИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА

1

ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

Copyright © 2024. Издательская Компания «Свет мира».

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат, воплощенных в критических статьях и обзорах. Пожалуйста, передайте все соответствующие вопросы издателю.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись, или с помощью системы хранения и поиска информации - за исключением рецензента, который может цитировать краткие отрывки в обзоре, который будет напечатан в журнале или газете - без разрешения издателя в письменной форме.

ISBN: 277-2-85933-777-9

Каталог данных

Редактирование : Издательская Компания «Свет мира».

Воспроизведено в: Турин, Италия.

Опубликовано:

Light of the World Publications Company Ltd

P.O. Box 144, Piazza Statuto, Turin, Italy

Издательская Компания «Свет мира».

П.О. Box 144, Площадь Статуто, Турин, Италия

"Lux Lucet in Tenebris"

Свет сияет во Тьме

Light of the World Publication Company Limited

Свет Мира

P.O. Box 144 Piazza Statuto, Turin, Italy

Email: newnessoflife70@gmail.com

ИСТОРИЯ

ПРОТЕСТАНТИЗМ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ПЕРВЫЙ ТОМ

EDINBURGH:

PUBLISHED BY OLIVER & BOYD

Эта страница была умышленно оставлена пустой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данного издания позже было переиздано свет Мира издательская компания лимитед...Книга проливает свет на актуальные вопросы, отражающиеся в нестихающих спорах и многочисленных моральных дилеммах. Повествование и иллюстрации специально подобраны и представлены для ознакомления читателя с событиями, имеющими отношение к исторической, научной, философской, образовательной, религиозно-политической, социально-экономической, правовой и духовной аспектам. Кроме того прослеживаются ясные и неоспоримые закономерности и взаимосвязи, в которых можно усмотреть сплетение, взаимодействие и пересечение противоположных, однако гармоничных школ мысли.

Долгий путь обуздания, конфликтов и компромисов на земле подготовил почву для возникновения новой эры. Горячие вопросы сопутствуют пришествию приближающейся новой эры, сопровождаемой суперструктурами, системами правления, основанными на правах режимами и идеалами свободы и счастья. Отражающая периоды иллюзий, стратегических подавлений и задач нового миропорядка, эта электронная книга соединяет точки между современными реалиями, духовными таинствами и пророческими откровениями. Она прослеживает хронологический путь от упадка нации к мировому господству, от разрушения старой системы к становлению новой, кратко освещая любовь, человеческую природу, а также сверхчеловеческое вмешательство.

Снова и снова знаменательные события формировали жизненный путь и историю, предвосхищая будущее. Живя во времена волнений и неопределенности, будущее с трудом поддавалось осмыслению. Благодаря этой книге читателю раскрывается панорамное видение прошлого и будущего, выдвигая на первый план критические моменты времени, которые открылись в исполнении пророчеств.

Несмотря на рождение в неутешительных условиях и страдания от суровых испытаний, группа людей в твердой решимости и сохраняя добродетель, исповедывали свою веру, оставляя неизгладимый след. Их вклад сформировал современность и проложил путь к чудесной кульминации и грядущим переменам. Поэтому эта литература служит как вдохновлением, так и практическим пособием для проникновенного и глубокого понимания скрытого за завесой социальных вопросов, религии и политики. Каждая глава повествует о состоянии как общества, так и отдельного индивида, пребывающего во тьме, готового к острым конфликтам и побужденного зловещими и тайными замыслами и скрытыми мотивами. Здесь они бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение. Однако, не смотря на это, каждая страница также излучает сверкающие лучи мужества, избавления и надежды.

В конце концов, наше горячее желание - заставить каждого читателя испытать и начать любить, а также принять правду. В мире, пропитанном ложью, двусмысленностью и манипуляциями, истина навечно останется квинтэссенционным стремлением души. Истина рождает жизнь, красоту, мудрость и благодать, приводя к возрожденной цели, энергии и искренней и личностной трансформации в будущее и жизни.

История протестантизма. Дж. Э. Уайли Книга первая

Ольга Крубер-Федорова

КНИГА ПЕРВАЯ

Развитие с первого по четырнадцатый век.

Оглавление

Книга первая. Развитие с первого по четырнадцатый век. 4
Глава 1 - Уиклифф: происхождение и образование. 4
Глава 2 - Уиклифф, папское наступление на Англию. 10
Глава 3 - Борьба Уиклиффа с Римом за независимость Англии. 18
Глава 4 - Борьба Уиклиффа монахами нищенствующих орденов. 24
Глава 5 - Монахи нищенствующих орденов против Евангелия в Англии. 36
Глава 6 - Борьба парламента с Папой. 39
Глава 7 - Папа и иерархия преследуют Уиклиффа. 44
Глава 8 - Возобновление преследования Уиклиффа со стороны иерархии. 49
Глава 9 - Взгляды Уиклифа на церковную собственность и реформу. 53
Глава 10 - Перевод Писания или английская Библия. 61
Глава 11 - Уиклифф и пресуществление. 70
Глава 12 - Обращение Уиклиффа к парламенту. 76
Глава 13 - Уиклифф на конвокации лично, и в папской курии в письмах. 79
Книга вторая. Уиклифф и его время, или начало протестантизма. 82
Глава 1- Уиклифф: происхождение и образование. 83
Глава 2 - Уиклифф, папское наступление на Англию. 89
Глава 3 - Борьба Уиклиффа с Римом за независимость Англии. 97
Глава 4 - Борьба Уиклиффа монахами нищенствующих орденов. 103
Глава 5 - Монахи нищенствующих орденов против Евангелия в Англии. 115
Глава 6 - Борьба парламента с Папой. 118
Глава 7 - Папа и иерархия преследуют Уиклиффа. 123
Глава 8 - Возобновление преследования Уиклиффа со стороны иерархии. 128
Глава 9 - Взгляды Уиклифа на церковную собственность и реформу. 132
Глава 10 - Перевод Писания или английская Библия. 140
Глава 11 - Уиклифф и пресуществление. 149
Глава 12 - Обращение Уиклиффа к парламенту. 155
Глава 13 - Уиклифф на конвокации лично, и в папской курии в письмах. 157

Книга первая. Развитие с первого по четырнадцатый век.

Глава 1 - Уиклифф: происхождение и образование.

Закон и обряд – Быстрый рост первого – Медленный прогресс и полная победа второго. – Англия – Уиклифф – Место рождения – Образование – Едет в Оксфорд – Поступает в Мертонский колледж – Его известность – Евангелист Брадвардин – Его популярность – Открывает путь Уиклиффу – Философия тех дней – Известность Уиклиффа, как схоласта. – Изучает каноническое и гражданское право. – Его обращение в веру. – Изучение богословия – Черная смерть – Поражает Грецию, Италию и другие страны. – Приходит в Англию. – Ужасные опустошения. – Касается Уиклиффа – Стоит перед лицом смерти. – Научился не бояться плотской смерти.

Со сменой веков мы видим, что мир постепенно выходит на свет. Пятый век принес огромное благословение христианству в виде катастрофы. Как дерево, которое растет слишком быстро, оно было срублено под корень, чтобы избежать пышности, могущей его погубить. Из Закона, который был в сердце, и плодом, которого было просвещенное понимание и святая жизнь, Религия из-за порочного влияния власти и богатства превратилась в Обряд, который, охватывая только чувства, оставляет душу во тьме и жизнь в оковах.

Эти два – Закон и Обряд – стали уже в четвертом и пятом веках отдаляться друг от друга, и развиваться каждый в своем роде. Обряд быстро преуспевал, и, казалось, намного превосходил своего противника. Он построил себе великолепные храмы, он включил в свое служение могущественную иерархию, он увеличивал год за годом число и великолепие своих церемоний, он выражал себя в канонах и постановлениях; и, соблазненные этим внушительным шоу, народы преклонились перед ним, и могущественные короли предоставили мечи его обороне и распространению.

Далеко не так было с его соперником. Уйдя в духовную сферу, казалось, он оставил поле деятельности противнику. Однако, это не так. Если он скрылся от взоров людей, то только для того, чтобы вновь строить с самого основания, складывая истину на истину, и в безмолвии подготовить те мощные духовные силы, которые в нужное время освободят мир. Поэтому его успех был менее заметен, но намного более реален, чем успех его противника. Каждое заблуждение, которое один вводил в свое служение, было причиной слабости, а каждая истина, которую другой добавлял к своему вероисповеданию, была источником силы. Невежественные и суеверные орды, которые один получил для своего общения, были опасными союзниками. Они могли следовать за ним в дни его процветания, покинуть и стать его врагами, когда волна народной благосклонности оборачивалась против него. Не так было с последователями другого. С очищенным сердцем и просветленным

сознанием они были готовы следовать за ним при любых обстоятельствах. Число его учеников, сначала небольшое, постепенно увеличивалось. Чистота их жизни и смирение, с которым они переносили все оскорбления, и героизм, который они проявляли при смерти, увеличивали из века в век нравственную силу и духовную славу их дела. Таким образом, когда один достиг падения через успех, другой шел через гонения и опалу к победе.

Мы пришли к началу четырнадцатого столетия. До этого у нас не было случая поговорить о Британских островах, но теперь мы должны обратить к ним свое внимание. Здесь должен появиться более яркий светильник, чем до этого когда-нибудь освещал тьму.

В Норт Райдинге графства Йоркшир, питаемым водами Тисы, находится приход Уиклиффа. В особняке этого прихода в 1324 году родился мальчик, которого назвали Джоном. Здесь его предки жили со времен Завоевания, и согласно тем порядкам, они получили фамилию по месту проживания, и мальчик, который у них родился, был известен как Джон де Уиклифф. Ничего не известно о его детстве. С раннего возраста он был предназначен для Церкви, мы заключаем это из того, что и тогда он обладал пытливым умом, отличавшим его в более зрелые годы, а также сочувствием, которое часто притягивало его к жилищам и постелям больных его прихода в Люттерворте в последующие времена. Школы начального образования были повсеместны тогда по всей Англии, и были связаны с крупными городами и религиозными домами; возможно, что юный Уиклифф получил начальное образование в одной из таких семинарий своего округа.

В возрасте примерно шестнадцати лет его отправили в Оксфорд. Здесь он сначала был студентом, а потом и членом ученого совета колледжа Мертон, почти самого старого колледжа в Оксфорде. Молодежь Англии, жаждавшая знаний, источники которых были закрыты долгое время, заполняла университеты, и когда Уиклифф поступил в Мертон, в Оксфорде было не менее 30000 студентов. Это число вызывает удивление, но нужно принять во внимание, что многие колледжы, были не выше старших классов школы. Колледж, в который поступил Уиклифф, был самым выдающимся в этом центре образования. Непревзойденная слава тех дней, когда его посещали такие выдающиеся ученые, как Уильям Оккам и Дунс Скот, проливает свет на это. Одну из его кафедр занимал знаменитый Брадвардин, который заканчивал карьеру в то время, когда Уиклифф начинал свою в Оксфорде. Брадвардин был одним из первых математиков и астрономов тех дней; но увлекшись изучением Слова Божьего, он принял учение о благодати и его кафедра стала источником более высоких знаний, чем естественные науки. В то время, как большинство его соотечественников с помощью утонченной схоластики пытались проникнуть в существо вещей и объяснить все тайны, Брадвардин был удовлетворен

принятием того, что Бог открывает в Своем слове, и его смирение было вознаграждено нахождением того пути, который другие пропустили. Подняв покрывало, он показал студентам, которые толпились вокруг него, слушая с огромным вниманием и почтительным восторгом, путь жизни, особенно предостерегая их от пелагианства, который быстро подменил поклонение внешнему религией сердца, уча людей полагаться на силу своей воли, а не на спасение, совершаемое только по милости одного Бога. Брадвардин был более великим теологом, чем философом. Слава о его лекциях прошла по всей Европе, и его евангельские взгляды, распространенные его учениками, подготовили путь для Уиклиффа и других, которые должны были придти после него. Именно с его кафедры забрезжил новый день. Быстрое усвоение, пытливый ум и хорошая память дали возможность молодому ученику Мертона добиться быстрого успеха в обучении в те дни. Философия тогда основывалась скорее на догадках, чем на фактах. Все, что можно было узнать из доступных фактов естествознания и истин Откровения, считалось не достойным дальнейшего исследования. В гордости своего гения человек отвернулся от области, лежавшей у его ног, и смело вторгся в ту область, где без направляющей его информации и твердого основания, он ничего не мог узнать. Из этой области смутных размышлений исследователь извлекал лишь образы своего собственного творчества, и, представляя эти фантазии как факты, он выдавал их за знания.

Такова была философия, предложенная для изучения Уиклиффу. Едва ли было что-то, что могло вознаградить его труд, но он жаждал знаний, и, взявшись за нее « со всей силой», он вскоре стал магистром по схоластической философии, и не боялся встретиться с самыми искусными из искусных участников диспутов школ Оксфорда. Он имел «репутацию – пишет Фокс – великого церковнослужителя, глубокого схоласта и не меньшего специалиста по всем учениям философии». Вальден, его злостный враг, писал папе Мартину V относительно него, говоря, что был «чудесно удивлен неистовством и силой его убеждений» и «авторитетными примерами», которыми они подкреплялись. К знаниям по схоластики он добавлял искусство владения церковными и гражданскими законами. Это была та сфера знаний, которая сослужила ему бо;льшую службу в последующие годы, чем другие более модные науки. Занимаясь этим, он стал сведущ в постановлениях и законах своей страны, и был готов принять участие в интеллектуальной борьбе, которая вскоре разразилась между понтификом и английской короной. «Он умел разбираться в разных вещах – пишет Лечлер, говоря о Уиклиффе – и проявлял живейший интерес ко многим разнообразным вопросам».

Но основание силы Уиклиффа было заложено более высоким учением, чем может дать человек. Только просвещение сознания и обновление сердца посредством Библии сделало его реформатором, величайшим реформатором, явившимся до

эпохи Лютера. Без этого о нем бы помнили, как о выдающемся схоласте четырнадцатого века, чья слава была бы достаточно блестящей, чтобы донести несколько тусклых лучей до нашего времени; но он никогда бы не был известен как первый, занесший топор на дикость папских злоупотреблений, и ударивший по корням этого огромного дерева, с которого другие довольствовались лишь отрубанием нескольких веток. Ему бы не принадлежала слава первенства возвышения Великого Протеста, который народы понесут дальше, пока он не обойдет всю землю, провозглашая: «Пали все идолы, разрушены до основания все оплоты тьмы и тирании, и, вот, приходит спасение, и царство нашего Господа и Его Христа, и Он будет царствовать вовеки».

Не трудно догадаться, как Уиклифф пришел к пониманию истины. Он был – сообщает нам Д'Обинье – одним из учеников евангелиста Брадвардина. Когда он день за днем слушал рассуждения своего учителя о верховной власти благодати и доступности спасения, новый свет забрезжил в сознании молодого схоласта. Он открыл более богодухновенную страницу, чем Платон. Для этого Уиклифф, возможно, стал священником, даже не изучив ни одной главы из Библии, так как обучение теологии не требовало подготовки к церковному служению в те дни.

Несомненно, теологию из-за моды изучали, но не ту теологию, чья сущность была взята из Библии, но теологию, изобретенную человеческой системой. У бакалавров теологии начальных классов были занятия по чтению Библии. Не так обстояло дело с бакалаврами средних и старших классов; на лекциях они изучали «Сентенции» Петра Ломбардского. Исполненные самомнением о своих таинственных традиционных знаниниях, они считали ниже своего достоинства толковать такую простую книгу как Священное Писание. Первые пренебрежительно назывались Библицистами; а последние почетно наименовались Сентенциариями, или Людьми сентенций.

«Не упоминалось – пишет Фокс – даже ни слова из Писания. Вместо Петра и Павла люди были заняты изучением Фомы Аквинского и Скота, а также автора сентенций». Вряд ли что-нибудь другое можно было увидеть в храмах и церквях, либо услышать в проповедях, либо, наконец, иметь целью всей их жизни, как только нагромождение одной таинственной церемонии на другую; и конца не было этому нагромождению. Среди этих раболепных предрассудков люди содрогнулись от приближения ужасного посетителя. Год 1348 был неотвратимо отмечен вспышкой страшной чумы, одной из самых губительных во всей истории. Появившись сначала в Азии, она двинулась на запад, идя по миру как бледный конь с всадником из Апокалипсиса, ужас шел впереди него, смерть – сзади. Она опустошила побережье Ливана, сделала безжизненной Грецию, и, продвигаясь все дальше на запад, ударила с ужасной силой по Италии. Флоренция, прекрасная столица Этрурии, превратилась

в склеп. Талант Боккаччо запечатлел эти ужасы, а муза Петрарки оплакивала опустошения. У последнего была причина на это, потому что Лаура была среди жертв. Перешагнув через Альпы, она вошла в северную Европу, оставив в живых, как говорят некоторые историки тех лет, только одну десятую часть населения. Это, как мы знаем, преувеличение; но оно выражает распространенное впечатление и вполне раскрывает ужасных характер этих опустошений, в которых слышались шаги приближающейся смерти. Как море, так и земля были отмечены ее губительными следами. Корабли, плывущие в океане, были поражены ею, и когда ветры прибивали их к берегу, их находили нагруженными лишь мертвецами.

Первого августа чума коснулась берегов Англии. «Начиная с Дорчестера – пишет Фокс – каждый день двадцать, иногда тридцать, сорок и более трупов привозили и складывали вместе в одну глубокую яму». Первого ноября она достигла Лондона, «где – пишет тот же хронист – ее неистовая ярость была так сильна, что с 1 февраля до начала мая на новом погосте церкви рядом со Смифилдом (дом для престарелых) около двухсот умерших хоронили каждый день, не считая тех, кого хоронили на других погостах города».

«В те дни – пишет другой ранний хронист, Кэкстон – смерть была без печали, свадьба без друзей, жизнь без поддержки; мало осталось в живых, чтобы достойно похоронить мертвых». Из лондонцев погибло не менее

100 000 человек. Опустошение, связанные с чумой, охватили всю Англию, половина населения была поражена. От людей чума перешла на животных. Разлагающиеся скелеты покрывали поля, труд землепашца был приостановлен; перестали пахать землю, собирать урожай; суды были закрыты, парламент не заседал; везде царил ужас, траур и смерть.

Эта эпидемия была предвестницей совсем другой. Буря, испепелившая землю, сменилась ливнем, который должен был удобрить ее. Чума не могла не оказать влияние на то великое движение, которое, начиная с Уиклиффа, продолжилось через череду исповедников и мучеников, пока не вылилось в реформацию Лютера и Кальвина. Уиклифф был свидетелем прохождения этого разрушителя; он видел, как человеческий род постепенно исчезает с земли, как будто время завершило свой ход, и конец мира был близко. Ему тогда было двадцать пять лет, и он не мог быть не потрясен ужасными событиями, происходившими вокруг. «Это посещение Всесильным – пишет Д'Обинье – звучала как труба Судного Дня в сердце Уиклиффа». Брадвардин уже привел его к Библии, чума привела его к ней во второй раз; и теперь, несомненно, он изучал ее страницы более тщательно, чем ранее. Он подошел к ней не как теолог, ища в ней бо;льшей мудрости, чем в мистике схоластической философии; не как ученик, чтобы очистить свой стиль с помощью чистых образцов и обогатить понятия величественностью доктрин; и даже не как

полемист в поисках оружия для нападок на господствовавшие предрассудки; он теперь пришел к Библии как потерянный грешник, ища пути спасения. С каждым днем все ближе подходил посланник Всесильного. Тень, которую отбрасывал посланник, с каждым часом становилась виднее; и мы слышим возвысевшего в неистовстве голос молодого студента, который, несомненно, в тот час чувствовал бесплодность и безрезультатность философии тех школ: «Кто освободит меня от грядущего гнева?»

Казалось, что реформаторы того времени должны были сначала испытать душевный внутренний конфликт. Они должны были прочувствовать на себе силу заблуждений, горечь рабства, в котором находятся люди, и предстать перед лицом Всемогущего Судьи, прежде чем они станут освободителями других. Только это может вызвать у них сострадание к несчастным пленникам, чьи оковы они хотели разбить, и только это давало им мужества смело выступать против угнетателей, от чьей жестокости они хотели их спасти. Такую душевную борьбу испытали и Лютер, и Кальвин; душевные страдания и муки того же характера, хотя, возможно, не в такой степени, испытал и Уиклифф перед началом своей деятельности. Грехи, несомненно, тяжелым грузом легли на него, настолько тяжелым, что он не мог поднять головы. Стоя на краю ямы, говорил он, он почувствовал, как ужасно сходить в вечную ночь и «жить в вечном огне». Радость от того, что он избежал ужасной кончины, позволила ему понять насколько ничтожной является жизнь тела, и как мало значат те мучения, которые тираны мира имеют в своей власти применить, по сравнению с гневом Вечного Бога. Именно в таком огне укреплялись реформаторы. Именно в такой школе они учились противостоять смерти и петь на костре. В такое оружие был одет Уиклифф, перед тем, как был послан в бой.

Глава 2 - Уиклифф, папское наступление на Англию.

Облик Уиклиффа – Его академическая карьера – Бакалавр теологии – Лекции по Библии – Разногласия Англии с Папой – Уиклифф защищает привилегию короля – Иннокентий III – Папа назначает архиепископа Кантерберийского – Король Иоанн уступает – Англия карается отлучением – Ужасы приговора – Папа низлагает короля – Приглашает французского короля к завоеванию Англии – Иоанн становится папским вассалом – Бароны заставляют подписать Великую Хартию – Папа отлучает баронов – Отменяет хартию – Мужество баронов спасает Англию – Требование Урбана V – Развитие Англии – Национальная оппозиция папскому вторжению – Злоупотребления Папы – Статуты о Посланнике и Посягательстве на власть короля.

Личные эпизоды жизни Уиклиффа почти не зафиксированы. То, что он сделал для своего времени и для последующих веков, занимает его историографов за исключением сугубо личных дел. Лишь некоторые из них сыграли большую роль, были памятны в глазах мира, и о которых сохранились личные воспоминания и подробности. Для него было характерно обаяние удивительного добродушия, качество редкой простоты и скромности. Эти качества сочетались с чувством собственного достоинства, которое он проявлял с легкостью, как люди дворянского происхождения носят отличительные знаки высшего общества. Не только безгрешную, но и святую жизнь он вел в век беспримерного упадка. «Из его портрета, - пишет МасКри – который сохранился, можно иметь некоторое представление о личности этого человека. Он, вероятно, был человеком благородного вида и влиятельного положения. Проницательный взгляд темных глаз, орлиный нос и четко очерченные губы с саркастической улыбкой точно совпадают с тем, что нам известно о смелом и беспощадном характере реформатора».

Нескольких предложений будет достаточно, чтобы проследить разные этапы академической карьеры Уиклиффа. Он провел двадцать лет в Мертон-колледже Оксфорда, сначала как студент, а потом как сотрудник. В 1360 году он был назначен директором Бэллиол-колледжа. Своим продвижением по службе он был обязан славе схоласта.

Став бакалавром теологии, Уиклифф имел привилегию читать лекции по книгам Писания в университете. Ему было запрещено касаться более высокой сферы сентенций Петра Ломбардского, если бы он, в действительности, хотел этим заняться. Это исключительно принадлежало старшему классу бакалавров и докторов теологии. Но толкования, которые он давал на книги Святого Писания, принесли ему самому огромную пользу. Он приобрел более глубокие знания о божественных вещах; и таким образом, был невольно подготовлен как исповедник для великой работы по реформации церкви, к которой были направлены труды его последующей жизни.

Вскоре после этого он был назначен главой Кантерберийского колледжа. Это был новый колледж, основанный Саймоном де Ислипом, архиепископом Кантерберийским. Устав этого колледжа предписывал, что его преподаватели будут наставляться четырьмя монахами и восьмью священниками. Соперничество, существовавшее между двумя орденами, скоро вызвало ссоры, и, в конце концов, привело к конфликту с университетскими властями; основатель, найдя этот план непригодным, уволил четырех монахов и заменил их священниками, а Уиклиффа назначил директором или смотрителем. В тот же год Ислип умирает, и его преемником становится Лангхем, который сам, будучи монахом, вернул уволенных монахов и, сместив Уиклиффа с должности смотрителя, назначил нового главу колледжа. Уиклифф тогда подал апелляцию Папе; но Лангхем обладал большим влиянием в Риме, и после длительной проволочки, в 1370 году, дело решилось против Уиклиффа.

В ожидании этого решения случилось так, что события открыли для Уиклиффа более широкое поле деятельности, чем колледжи Оксфорда. С тех пор не против монахов Кантерберийского колледжа или даже архиепископа Англии, но против понтифика христианского мира должен был бороться Уиклифф. Для того, чтобы понять, с чем мы будем иметь дело, мы должны вернуться на век назад.

На троне Англии тогда был король Иоанн, развратный, малодушный и жестокий монарх, но, однако, способный иногда на отчаянные и смелые поступки. В 1205 году умер Хуберт, примат Англии. В более поздних канонах Кантербери находим, что тайно, в ту же ночь, без разрешения короля, был избран Регинальд, помощник приора, архиепископом Кантерберийским и посажен на архиепископский престол до полуночи. К рассвету следующего дня он был уже на пути в Рим, куда был отправлен духовенством просить об утверждении своего избрания. Когда король узнал об этом, он был разгневан безрассудной дерзостью и намеревался избрать архиепископом епископа Норвича. Обе партии – король и каноники – послали своих представителей в Рим, чтобы изложить дело перед Папой.

Человек, который тогда был на престоле Петра, Иннокентий III, энергично поддерживаал дерзкий проект Григория VII, подчинявший права и власть королей папскому престолу, и бравший в свои руки назначение всех епископов христианского мира, с тем чтобы через епископов и священников, полностью зависивших от Ватикана, он мог бы управлять по своей воле всеми королевствами Европы. Никакой Папа не добивался такого успеха в амбициозной политике, как тот человек, перед которым король Англии с одной стороны, и каноники Кантербери – с другой, представили свое дело. Иннокентий отклонил обе кандидатуры, и каноников, и короля, и выдвинул своего кандидата; кардинал Лангтон был избран папским престолом. Но это еще не все. Король обратился к Папе; и Иннокентий

увидел в этом прецедент, который нельзя было упустить, чтобы закрепить за понтификом свое право во все последующие времена, что стало самой большой гордостью римской церкви.

Иоанн не мог не увидеть опасности и чувствовал оскорбление в шаге, предпринятым Иннокентием. Кантереберийский престол был высшим местом почета и законодательства Англии после короны. Иностранная власть назначила своего кандидата на это августейшее место. Во времена, когда церковная власть была более опасной, чем светская, это было тревожным покушением на королевскую власть и национальную независимость. Удовлетворится ли Папа назначением на Кантерберийский престол? Не захочет ли он назначить свою кандидатуру на трон, еще одно место, которое стоит выше других в королевстве? Король клялся много раз, что папский ставленник никогда не сядет на Кантерберийский престол. На какой-то момент он осмелел и начал борьбу с намерением победить. Он выставил каноников Кантербери за дверь, приказал всем прелатам и аббатам покинуть королевство и бросил Папе вызов. Не трудно было предвидеть, чем окончиться конфликт, развязанный самым слабым монархом Англии против самого надменного и сильного римского папы. Понтифик ударил по Англии отлучением; король нанес оскорбление, и вся нация должна быть наказана вместе с ним. Прежде чем понять ужас этого приговора, мы должны забыть все, чему нас научили последние три столетия, и представить себе те суеверные убеждения, которые давали отлучению огромную власть. Люди того времени, на которых падал такой приговор, видели двери рая закрытыми сильной рукой понтифика, поэтому никто, кто принадлежал к несчастному королевству, находившемуся под папским запретом, не мог войти в рай. Все, кто уходил из жизни, должны были блуждать одиноко, как бесплотные духи в каком-то унылом месте, среди неизвестных мучений, пока не умолят того, у кого есть ключи, открыть запертые ворота. Земная картина этого духовного проклятия заключалась в том, что были недоступны любые виды прощения и церковные ритуалы. Церковные двери были закрыты, свечи в алтарях были погашены; колокола переставали звонить, кресты и изображения снимали и складывали на земле; младенцев крестили в церковном пруду; венчание проходило в церковном дворе; мертвых хоронили во рвах или в открытом поле. Никто не отваживался веселиться, есть мясо, брить бороду или уделять особое внимание своей персоне или одежде. По всей земле, которая была под гневом Всевышнего, можно было видеть только признаки горя, траура и несчастья; так люди понимали запрет понтифика.

Король Иоанн мужественно переносил такое положение в течение двух лет. Но Папа Иннокентий не отвернулся от намеченной цели; он решил покарать и согнуть упрямство монарха еще более ужасным отлучением. Он объявил приговор об отлучении самого Иоанна, низвергнув его с трона и освободив его подданных от

верности ему. Чтобы исполнить приговор, нужна была вооруженная сила, и Иннокентий, бросив взгляд вокруг, остановился на Филиппе Августе, французском короле, как на самом подходящем человеке, чтобы нанести удар Иоанну, предложив за труды королевство Англии. Но в интересах Филиппа не было предпринимать такую компанию, так как та же безграничная и неуправляемая сила, которая повергала короля Англии с его трона, могла на другой день под каким-то духовным предлогом смести короля Филиппа Августа со своего трона. Но награда была соблазнительной, и монарх Франции, собрав мощную армию, приготовился перейти Ламанш и захватить Англию.

Когда король Иоанн увидел край пропасти, на котором он стоял, мужество и упрямство покинули его. Он настоятельно просил об аудиенции с Пандольфом, папским легатом, и после небольшого разговора обещал безоговорочно подчиниться папскому престолу. Кроме того, обязавшись возместить духовенству все потери, он «отдал Англию и Ирландию Богу, св.Петру, папе Иннкентию и его преемникам на апостольском престоле; он согласился сохранять эти владения в подчинении римской церкви, платя ежегодно по тысяче марок, и поставил условие, что если когда-нибудь его преемники допустят нарушение этой хартии, они должны будут немедленно, если не покаются в своем нарушении, лишиться всех прав на свои владения». Дело было закончено приношением феодальной присяги Пандольфу, как папскому легату, со всеми унизительными ритуалами, которые предусматривал феодальный закон для вассалов перед своим господином и повелителем. Говорят, что Иоанн снял корону и положил ее на землю; а легат, чтобы показать свое могущество, пнул ее ногой и подбросил как никчемную безделушку, а затем, подняв ее из грязи, одел на голову трусливого короля. Это произошло 15 мая 1213 года. В летописях Англии нет более унизительного оскорбления, чем это.

Но бароны решили не быть рабами Папы; их отвага и патриотизм смыли неописуемый позор, который низость короля навлекла на страну. Обнажив мечи, они поклялись отстоять древнюю свободу Англии или умереть, защищая. Представ перед королем в Оксфорде в апреле 1215 года, они сказали: «вот хартия, которая предоставляет права, скрепленные Генрихом II, и которые вы торжественно поклялись исполнять». Король вскипел. «Я не дам вам прав, - сказал он – которые сделают меня рабом». Иоанн забыл, что он уже стал рабом. Но бароны не должны были подчиняться высокомерным словам, на подтверждение которых у короля не было власти; он стал противен всей нации; и в 1215 году, 15 июня Иоанн подписал Великую Хартию Вольностей в Раннимиде. Она фактически говорила Иннокентию, что Иоанн нарушил клятву вассала и взял назад королевство, которое положил к его ногам.

Когда вести достигли Рима о том, что сделал Иоанн, гневу Иннокентия не было предела. Не родился еще тот, чтобы его, наместника Бога, который держал все короны христианского мира в своей руке и попирал ногой все его королевства, так оскорбляли и игнорировали! Разве он не был феодальным правителем этого королевства? Разве Англия не была по праву его? Разве ее не положили у его ног, подписанным договором? Кто были эти несчастные бароны, что они противостали воле понтифика, и поставили независимость страны выше славы церкви? Иннокентий немедленно придал анафеме этих нечестивых и мятежных людей, в то же время, запрещая королю выполнять постановления хартии, которую он подписал, или ни в коем случае не выполнять ее условия.

Но Иннокентий пошел еще дальше. Он использовал странную кару, принадлежавшую той системе, к которой относился жестокий владелец тиары, и которую в совершенстве воплощал, так как догадался об истинном характере хартии, принятой в Раммимиде. Великая хартия вольностей была значительным политическим протестом против него и его системы. Она ознаменовывала начало нового порядка политической мысли и новый тип политических прав, полностью противоположных фундаментальным принципам и требованиям папизма. Великая хартия была конституционным правом, устоявшим перед лицом папского абсолютизма, и бросившим вызов к борьбе. Иннокентий чувствовал, что должен схватить это ненавистное чудовище при рождении и задушить его в колыбели; иначе, если он даст ему вырасти, то его трудно будет победить. Оно уже похитило у него одно из самых прекрасных королевств, которые он подчинил тиаре; нападки на папские привилегии этим не закончатся; он должен растоптать его, пока его дерзость не увенчается успехом, и другие королевства и их правители, заразившись нечестивостью дерзких баронов, не начнут следовать их примеру. Поэтому излив гнев в булле с высоты апостольской власти и авторитета своих полномочий, как поставленного Богом над царствами, «чтобы искоренять, разрушать, строить и насаждать», он аннулировал эту хартию, объявив все ее обязательства и гарантии недействительными.

В подписании Великой Хартии мы видим новую силу, появившуюся на поле сражения, чтобы воевать против тирании, которая сначала портила человеческие души, а потом порабощала и тела. Божественный или евангельский принцип пришел первым, а за ним пришла политическая свобода. Первый вскормил второй, так как ни в одной стране свобода не будет иметь плодов, если она не начнется с человеческой нравственности. Иннокентий уже выступил против евангельского принципа в крестовых походах против альбигойцев на юге Франции, а сейчас среди сильных народов севера появился еще один противник, плод первого, вышедшего, чтобы поддержать борьбу против власти, которая со своего седалища на семи холмах взяла все права и поработила все народы.

Смелый поступок баронов спас независимость нации. Иннокентий сошел в могилу; более слабые люди сменили его на папском престоле; короли Англии всходили на трон, не принося клятву верности Папе, хотя они продолжали ежегодно отдавать тысячу марок, которые Иоанн согласился платить в папскую казну. Наконец, в правление Эдварда II, эта ежегодная плата была незаметно прекращена. Никакого возражения по поводу ее прекращения не последовало из Рима.

Но в 1365 году после того, как выплата была приостановлена на тридцать пять лет, она была неожиданно востребована Папой Урбаном V. Требование сопровождалось указанием о том, что из-за неуплаты не только ежегодной подати, но и всех долгов, король Эдвард III должен был явиться в Рим и держать ответ перед своим господином, Папой, за непослушание. В сущности Англии было сказано: «Во второй раз прострись перед престолом понтифика». Англия времен Эдварда III не была похожа на Англию времен короля Иоанна; и это требование, как неожиданное, так и оскорбительное, потрясло нацию до глубины. Во время столетия, которое прошло с подписания Великой Хартии, развитие Англии во всех областях было удивительно быстрым. Она объединила норманнов и саксонцев в единую нацию, сформировала свой собственный язык, развила торговлю, провела реформацию законов, основала центры образования, которые стали хорошо известными, участвовала в великих битвах и одержала блестящие победы; ее отвага была известна и ее могущества боялись европейские страны; и когда услышали, что она должна была явиться как вассал перед Папой, то страна не знала принять ли это с негодованием или со смехом.

Недальновидность Урбана в выдвижении этого требования бросалась в глаза из-за того, что политическая борьба против папства заметно усилилась после Великой Хартии. Несколько строгих постановлений было принято с целью защитить закон, собственность страны и права подданных от постоянных и амбициозных посягательств Рима. Эти постановления были необходимы. Толпы иностранцев, в основном итальянцев, вторгались в королевство, разоряли его состояние и низвергали его законы. Иностранные церковники назначались Папой в богатые приходы Англии; хотя они никогда не жили в стране и не совершали там служение, они получали доходы со своих английский приходов и тратили их заграницей. Например, в шестнадцатый год правления Эдварда III, два итальянских кардинала были назначены на должности в епархиях Кантербери и Йорка с ежегодным жалованием в 2000 марок. «Первые плоды и право Папы на назначение бенефиций – говорили люди того времени – наносят бо;льший ущерб стране, чем все королевские войны». В парламенте, заседавшем в 1246 году мы находим жалобу среди прочих недовольств на то, что «Папа, неудовлетворенный пенсом Петра, притеснял королевство, вымогая у духовенства большие пожертвования без согласия короля; что англичан вынуждали отстаивать свои права вне королевства в

противоречии с традициями и изданным законам; что клятвы, законодательные акты и привилегии не имели силы; и что в приходах, где итальянцы получали бенефиции, не было подаяний, странноприимства, проповедования, божественных служб, душепопечительства и никакой компенсации дому священника».

Мировое господство не может устоять без доходов. Амбиции и теология римской церкви шли рука об руку, поддерживая друг друга. Ни одного пункта в ее вероисповедовании, ни одной церемонии в ее служении, ни одного ведомства в ее правлении не было, чтобы не укрепить ее власть и не увеличить ее доход. Ее догматы, ритуалы и ордена были лишь предлогом для получения денег. Изображения, чистилище, мощи, паломничество, индульгенции, праздники, канонизации, чудеса и мессы были лишь поборами под разными названиями. Десятины, облачения, молитвенные просьбы, право на бенефиции, право на ожидание будущих бенефиций, буллы и бреве были многочисленными каналами для передачи состояния наций христианского мира Риму. Каждый новый святой стоил стране его рождения 100.000 крон. Рукоположение на английского архиепископа покупалось за 1.200 фунтов. В 1250 году Вальтер Грей, архиепископ Йорка заплатил 10.000 фунтов за таинственное облачение, без которого ему не разрешалось собирать соборы, изготовлять миро, освящать церкви и рукополагать епископов и служителей. Соответственно нынешней стоимости денег, эта безделушка стоила 100.000 фунтов. С достаточным основанием кармелит Баптисто Мантуа говорит: «Если римская церковь что-нибудь дает, то только безделушки. Она забирает у тебя золото, но взамен не дает ничего тверже слова. Увы! Римской церковью правят лишь деньги».

Эти и другие незаконные захваты вскоре превратили земли Англии в итальянский приходской надел. Земля обрабатывалась затем, чтобы кормить иностранных монахов, и англичане стали дровосеками и водовозами для римской иерархии. Если у кардиналов Рима должны быть пышные пиры и пурпурные ризы, а также другие более сомнительные наслаждения, то не с нас, говорили англичане, надо драть шкуру, чтобы обеспечивать это; мы требуем, чтобы был положен конец этому разрушительному замыслу, прежде чем мы будем полностью разорены. Чтобы исправить это разорение, ставшее невыносимым, парламентом был принят ряд постановлений. В двенадцатый год правления Эдварда всем иностранным монахам было приказано покинуть королевство до Михайлова дня, а их содержание отдать английским богословам.

По другому закону доходы со всех приходов, руководимых иностранными церковниками, кардиналами и другими людьми, были отданы королю при их жизни. И далее в нем говорилось (статут показывает до какой степени дошло злоупотребление), «что все иностранные враги, которые захватили приходы в

Англии (являясь в своей стране сапожниками, портными или горничными вплоть до кардиналов) должны уехать до Михайлова дня, а их приходы передать бедным английским богословам». Уже упомянутая плата в 2000 марок двум кардиналам была прекращена. «Далее постановлялось, что ни один англичанин не должен привозить в страну епископу или кому-то другому, никакой буллы или другого послания из Рима или другой страны, не показав канцлеру или лорду-хранителю пяти портов, под страхом потери всего, чем владел». Один человек, не испугавшись этого постановления, осмелился привести папскую буллу в Англию; но он едва не поплатился жизнью за свое безрассудство; он был осужден на галеры, и был бы повешен, если бы, не заступничество канцлера.

Мы вряд ли будем удивляться народному негодованию по поводу этих злоупотреблений, когда подумаем о многочисленных бедах, принесенных в результате этого. Власть короля была ослаблена, юрисдикция трибуналов была захвачена и казна разорена. Было подсчитано, что налоги, выплачиваемые Папе на церковные нужды, были в пять раз больше, чем налоги, собираемые со всего королевства для короля. И далее в результате перемещения богатства страны заграницу, образование и искусства находились в плачевном состоянии, больницы приходили в негодность, церкви разрушались, службы не велись, земли не распахивались, и этим парламент объяснял частый голод и эпидемии, случавшиеся в последнее время в стране, и повлекшие частичное сокращение населения в Англии.

Два статута, в частности, были приняты в этот период, чтобы ограничить папское вторжение; это были знаменитые статуты о Посланнике и Посягательстве на власть короля. Первый объявлял незаконным обеспечивать кандидата римского престола на церковную должность бенефициями, или принимать приходских священников, без утверждения по закону через капитулы или обычные выборы. Все назначения считались недействительными и стороны, задействованные в них, должны быть наказаны штрафом или заключением, и апелляция могла быть подана только в королевский суд. Второй статут, который был принят спустя три года, запрещал апелляции по вопросам собственности, решаемых в английских трибуналах, в суды Рима, под страхом конфискации имущества и тюремного заключения на срок, предусмотренный королем. Такие апелляции были распространены, но приведение в исполнение этого статута должно было положить им конец; однако закон против назначений на бенефиции извне не так легко было выполнить, и законоположение, хотя и было отменено, не устранило злоупотреблений.

Глава 3 - Борьба Уиклиффа с Римом за независимость Англии.

Нетерпение короля и народа – Созыв палаты лордов и палаты общин – Должна Англия склониться перед Римом? – Дебаты – Требование Папы единодушно отклонено – Англия на пути к протестантизму – Влияние Уиклиффа – На Уиклиффа нападает неизвестный монах – Его ответ – Доказывает независимость страны – Важный исход дела – Большая победа, чем при Креси – Его апелляция в Рим проиграна – Начинают считать его центром новой эры.

Когда Англия начала сопротивляться папству, она начала увеличивать мощь и богатство. Освободив шею из-под ярма Рима, она гордо подняла голову среди других народов. Иннокентий III, увенчав серию посягательств низвержением короля Иоанна, – подлое действие, не имеющее себе равных в истории Англии – сделал себя господином королевства. Но понтифик, получив довольно сильное сопротивление, устранился. Северные рыцари, мало знавшиие о теологии, но радевшие о независимости страны, стали хозяевами на своем острове и дали знать об этом надменному владельцу тиары, когда составили Великую Хартию. Обратившсь к королю Иоанну, они сказали ему, что если он станет рабом итальянского священника, то тогда он не может быть господином Норманнских баронов. Волна, однажды поднявшаяся, продолжала накатываться; были приняты два знаменитых статута о Посланнике и Посягательстве на власть короля. Существовал как бы двойной бруствер: первый должен был сдерживать поток посягательств римской церкви на Англию; а второй должен был закрыть дверь десятинам, дохода и апелляциям, которые текли все увеличивающимся потоком из Англии в Ватикан. Великобритания никогда не совершала действий против папства, но вместе с тем она развивала деятельность и укрепляла свободу. Такова была ситуация; ее душа стала возвышаться.

Этот момент выбрал Урбан V, чтобы выдвинуть свое надменное требование. Как часто папам не удавалось узнавать признаки времени! Поразительно, что Урбану тоже не удалось сделать это. Нация, хотя и была под духовным бременем Рима, но стала сопротивляться его верховной власти и непомерным поборам. Парламент стал на путь законодательства, чтобы установить границы алчному вторжению. Король также был раздражен «попранием древних законов и разрушением королевства; и со свежими лаврами битвы при Креси на голове он не собирался выплачивать Риму компенсацию, как приказывал Урбан, или платить тысячу марок за право носить корону, которое он мог защитить и мечом. В 1366 году Эдвард собрал парламент и, представив ему послание папы, попросил совета об ответе на него.

«Дайте нам один день, – сказали представители сословий –чтобы обдумать этот вопрос». Король охотно дал им это время. На следующий день собрались вновь прелаты, лорды и представители палаты общин. Должна ли Англия, которая

становится владычицей морей, склониться к ногам Папы. Наступил критический момент! Пристально вглядываемся в лица участников собрания, так как судьба Англии зависит от их решительности. Вернется ли страна к дням Иоанна, или пойдет она дальше к высшей славе, чем та, которая была достигнута при Эдварде? Уиклифф присутствовал при этом событии и сохранил конспект речей. Запись представляет собой интерес, как наиболее ранние записанные дебаты парламента, и еще больший интерес из-за важности обсуждаемых вопросов.

Первым поднялся лорд военного ведомства. «Королевство Англии – сказал он, открывая дебаты – было завоевано мечом и этим же мечом защищалось. Пусть Папа возьмет свой меч, придет и попробует взыскать подать силой, а что до меня, то я готов противостать ему. Он говорил скорее не как послушный сын церкви, а как верный подданный Англии. Вряд ли большую поддержку нашли сторонники папского требования в речи второго лорда. «Только тот имеет право – сказал он - на не церковные подати, кто имеет законное право на применение гражданских норм и может обеспечить гражданскую защиту. Папа по закону не может делать ни того, ни другого; он является служителем евангелия, а не светским правителем. В его обязанности входит давать духовный совет, а не оказывать светскую поддержку. Нужно понять, что он ограничен пределами своего духовного служения, где мы должны подчиняться ему; но если он захочет выйти за эти границы, то будет отвечать за последствия». «Папа – сказал третий оратор в том же духе, как и второй – называет себя слугой всех Божьих слуг. Очень хорошо, он может требовать компенсацию только за выполненную работу. Но где работа, которую он сделал для этой страны? Служит ли он нам духовно? Помогает ли он нам по-светски? Не истощает ли он скорее наше богатство и зачастую в пользу наших врагов? Я отдаю свой голос против подати.

« На каком основании эта подать была первоначально востребована?» - спросил другой. «Ради отпущения грехов королю Иоанну и снятия отлучения с королевства? Но предоставление духовных привилегий за деньги является откровенной симонией, это - церковное мошенничество. Пусть лорды духовно и по плоти умоют руки от такой позорной сделки. И если Папа требует подать от верховного правителя королевства, почему он просит тысячу марок, а не просит трон, землю и народ Англии? Если для его титула достаточно тысячи марок, то этот титул стоит гораздо больше. На том же основании Папа может освободить трон и посадить на него кого хочет». «Папа Урбан говорит нам,– выступает следующий – что все королевства – Христовы; и что он, как Его наместник, сохраняет Англию для Христа; но так как Папа грешен и может злоупотребить Его доверием, то мне кажется было бы лучше, если бы мы сами хранили нашу страну для Христа». «Давайте перейдем – сказал последний оратор – к существу дела. У короля Иоанна нет прав на то, чтобы подарить королевство Англии без согласия народа. Согласие на это никогда не было

дано. Золотая печать короля и печати нескольких лордов, которых Иоанн уговорил или принудил присоединиться к нему в этой сделке, не являются согласием народа. Если Иоанн подарил своих подданных как движимое имущество, то пусть Иннокентий придет и заберет свое собственность, если сможет. Мы, народ Англии, не голосовали за это, мы считаем сделку недействительной и не имеющей юридической силы с самого начала».

Так выступали на парламенте Эдварда III. Никто не проголосовал в поддержку надменного требования Урбана. Священники и представители палаты лордов и общин единодушно отказались выплачивать долг, считая его оскорбительным для Англии; эти люди выражались простым, кратким и лаконичным языком, который олицетворял их глубокую уверенность и твердую решимость. Если было нужно, их смелые слова были бы потдверждены такими же смелыми действиями. Руки баронов лежали на эфесах мечей, когда они произносили их. Во-первых, они были подданными Англии, и, во-вторых, членами римской церкви. Папа не считал добрым католиком того, кто нарушал порядок и не ставил духовную преданность выше плотской, церковь выше своей страны. Твердая позиция парламента положила конец этому вопросу. Вопрос, который в действительности поднял Папа, был не менее чем: Будет ли сувереном Англии Папа или король? Ответом парламента был: не папа, но король; и с того часа требование первого не рассматривалось, по крайней мере в открытом контексте.

Решение, к которому пришел парламент, было единодушным. Он вкратце отразил как аргументацию, так и дух речей. Всего несколько таких ответов поступило в те дни к подножью папского престола. В виду того, - говорилось в решении трех сословий государства – что ни король Иоанн, и никакой другой король, не может повергнуть королевство в рабство и зависимость без общего согласия парламента, и так как оно не получено, следовательно, то, что он сделал, противоречило клятве, данной на коронации, и, кроме того, многим другим постановлениям. Поэтому, если Папа предпримет что-нибудь против короля через суд, или с помощью документально подтвержденных фактов, то король со всеми своими подданными должен воспротивиться этому со всей силой и властью.

Так Англия еще в середине четырнадцатого века вступила на путь реформации. Представители сословий государства единодушно отвергли одну их двух отраслей папства. Догмат о наместничестве связывает духовное и плотское в одну неправильную юрисдикцию. Англия отвергла последнее, и это было шагом к сомнению и последующему отрицанию первого. Было вполне естественным для нации сначала раскрыть лживость плотской власти, прежде чем увидеть подобную лживость духовной. Урбан выставил дело на свет и никто не мог ошибиться. Требуя ежегодной уплаты тысячи марок, он перевел, как мы говорим, теорию плотской

власти в ощутимый факт. Эта теория могла оставаться еще немного без рассмотрения, если бы она не вылилась в такую неприглядную форму. Ореол, который окружал папскую структуру в средние века, начал рассеиваться, и люди осмеливались критиковать систему, чей огромный престиж прежде сдерживал их. Таково было состояние сознания, в котором находим английскую нацию. Оно предвещало скорую реформацию.

В значительной степени, и фактически в основном, именно Уиклифф способствовал такому состоянию сознания в Англии. Он был учителем лордов и представителей палаты общин. Он предлагал на обсуждение эти доктрины с кафедры Оксфорда, прежде чем они были провозглашены представителями сословий королевства. Но из-за духа и взглядов, которыми он постепенно заквашивал нацию, требование Урбана могло быть встречено по-другому. Оно не могло быть удовлетворено; положение, которое Англия заняла в Европе, уважение, оказываемое ей другими странами, делали подчинение невозможным; но без Уиклиффа это противостояние не было бы поставлено на четкую основу, и не отстаивалось бы с таким решительным патриотизмом. Твердо занятая позиция разрушила надежды Ватикана, и навсегда избавила Англию от таких возмутительных и надменных требований.

Позиция Уиклиффа в этом противостоянии была уже заметной, и то, что настроения в парламенте были эхом его учения в Оксфорде, явствует из последующего события. Папа нашел поддержку в Англии, правда не в парламенте. Монах, чье имя не дошло до нас, выступил с доказательством справедливости требования Урбана V. Этот полемист выдвинул фундаментальное заявление о том, что, как наместник Христа, Папа является верховным правителем монархов и господином их королевств. Отсюда он сделал несколько выводов: все суверены обязаны починяться ему и платить подать; особую покорность должен проявить английский монарх вследствие передачи Иоанном своего королевства Папе; Эдвард достаточно укрепил свой торн, не платя ежегодной подати; и, наконец, все священники, монахи и миряне не подчиняются гражданскому правосудию, и не обязаны являться в суд и разбирать дела в суде магистрата. Назвав Уиклиффа по имени, монах призвал к опровержению выдвинутых им заявлений.

Уиклифф принял брошенный ему вызов. Выполнение задачи было связано с огромным риском; не из-за слабости логики Уиклифа или неоспоримой логики монаха; но потому что власть, которую он атаковал, едва ли могла допустить исследование ее устоев и выставление напоказ ее лживости. И поэтому, чем успешнее побеждал Уиклифф, тем вероятнее он чувствовал неудовольствие врага, против которого он боролся. В тот момент его дело находилось на рассмотрении в Риме, и если он победит Папу в Англии, как легко будет Папе победить его в Риме!

Уиклифф хорошо осознавал эту и другие еще большие опасности; тем не менее, он вышел на поле сражения. Открывая дискуссию, он представился «личным служителем короля», из чего мы можем сделать вывод, что король обратил на него свой взор, привлеченный его эрудицией и талантами, и дал ему звание королевского капеллана.

Полемика велась со стороны Уиклиффа очень выдержанно. Он довольствовался тем, что заявил о правах светской власти, а не стал разрабатывать новую аргументацию. Это – естественные права народа, законы королевства Англии и заповеди Священного Писания. «Уже – говорит он – третья и даже большая часть Англии находится в руках Папы. Не может быть – продолжает он – двух светских суверена в одной стране; либо король – Эдвард, либо Урбан. Мы сделали выбор. Мы принимаем англичанина Эдварда и отказываемся от римлянина Урбана». Затем он возвращается к дебатам в парламенте и представляет обзор речей представителей духовной и светской власти. Таким образом, Уиклифф выдвигает на первый план видных людей королевства и закрывает себя щитом их авторитета; но, несомненно, мнение – его собственное; печать его индивидуальности и гения хорошо проявляется в нем. Из его лука была пущена стрела, которой была ранена светская власть папства в Англии. Если его мужество проявилось в том, что он не оставлял борьбу, то его рассудительность и мудрость были заметны в методах ее ведения. Это было делом короля и нации, а не просто его делом; и нужно было применить мастерскую тактику, чтобы оно не выглядело как недостойная перебранка неизвестного монаха с оксфордским ученым, а как противостояние короля Англии и римского понтифика. Служение Уиклиффа было велико. Взоры всех европейских народов были в тот момент обращены на Англию, наблюдая с неослабным вниманием за исходом спора, который она вела с властью, пытавшейся склонить весь мир к рабству. Если бы Англия склонилась перед папским престолом, и победитель при Креси принес феодальную присягу Урбану ради короны, какой бы монарх надеялся устоять, и какой народ мог ожидать избавление своей независимости от хватки тиары? Подчинение Англии могло бы способствовать такому укреплению престижа и силы папства, что вернулись бы времена Иннокентия III, и буря отлучений и запретов пронеслась бы над всеми тронами и помрачила небо над всеми королевствам, как во времена самого могущественного из Пап. Это был решительный перелом. Было видно, продолжит ли волна наступать или откатится назад. Решение Англии заставили воды папской тирании отступить, и все народы встречали его с радостью, как победу, одержанную для себя. Англия, из этого спора получила надежные и великие блага. Плоды великих битв при Креси и Пуатье давно исчезли; но что касается победы над Урбаном V, Англия до сих пор пользуется ее плодами. Но нельзя забывать, что, хотя Эдвард III и парламент были на первом плане, настоящим победителем в этой битве был Уиклифф.

Вряд ли нужно говорить, что Уиклиффу отказали в иске в Риме. Должность хранителя Кантерберийского колледжа, на которую он был назначен его основателем, и с которой его уволил архиепископ Лангхем, была окончательно потеряна. Он послал апелляцию Папе в 1367 году; но она была надолго отложена, и не ранее 1370 года было объявлено решение римского суда, подтверждавшее его отставку и назначавшее монахов Лангхема единственными владельцами Кантерберийского колледжа. Уиклифф потерял должность хранителя, но он сделал большой вклад в дело спасения независимости своей страны. Одержав эту победу, он сделал больше, чем если бы он победил во многих сражениях на поле битвы. Он сослужил великую службу Англии и понес большие наказания за свой патриотизм. Вскоре после этого, он получил степень доктора богословия, звание более почетное в те дни, чем сейчас; и кафедра богословия, на которую он был возведен, расширила круг его влияния, и проложила дорогу к исполнению его великой миссии. С того времени Уиклиффа стали считать центром новой эры.

Глава 4 - Борьба Уиклиффа монахами нищенствующих орденов.

Логическая борьба Уиклиффа – Возникновение монашеских орденов – Удивительные картины монахов и монастырей – Пороки ранних орденов – Свидетельства современников – Новы монашеские ордена – Причины их учреждения – Св.Франциск – Его молодость – Приход к Иннокентию III – Право основать орден – Быстрый рост францисканцев – Св.Доминик – Его характер – Основывает орден доминиканцев – Проповедь миссионеров и инквизиторы – Устав новых орденов – Сравнение старых и новых монахов – Их обет бедности – Как обошли обет – Потом одеяние – Огромные богатства – Величественные строения – Ужасная деградация – Заполонили всю Англию – Их незаконная деятельность – Борьба против них, начатая Армаханием – Он жалуется на них Папе – Его жалоба остается без ответа – Он умирает.

Сейчас мы кратко рассмотрим вторую великую борьбу, к которой был призван наш реформатор; и которая, судя по дате ее возникновения (она началась до завершения той, о которой мы только что рассказали) должна быть названа первой.

Она все еще продолжалась, когда его борьба против светской власти закончилась, и фактически она продолжалась, более или менее, до конца жизни. Дискуссия затронула великие принципы и оказала огромное влияние на мышление Уиклиффа, формируя взгляды на папство в целом. От рассмотрения злоупотреблений папской власти он перешел к рассмотрению ее легитимности. При каждом шагу появлялась новая неясность; и это опять отсылало его к Писанию. Каждая прочитанная страница проливала свет на его сознание и открывала какое-то новое изобретение или заблуждение людей, пока, наконец, он не увидел, что система Евангелия и папская система полностью и непримиримо расходятся во мнениях; и если он будет следовать одной, то окончательно отвергнет вторую. Это решение, как видим у Фокса, далось ему кровью и потом. «После того, как он долгое время преподавал богословие в Оксфорде - пишет хронист - и, осознав, что Евангелие Христа было фальсифицировано и искажено многочисленными отвратительными выдумками епископов, монашескими сектами и темными заблуждениями; и что он после долгих дискуссий и глубоких размышлений (вздыхая и скорбя душой о всеобщем неведении мира) не мог больше терпеть этого, и решил помочь и исправить то, что он считал выходило за рамки допустимого. Но так как он видел, что это опасное вмешательство нельзя совершить без больших неприятностей, а также нельзя было мгновенно вырвать или убрать то, что от долгого употребления и привычки, укоренилось и привилось в сознание людей, он рассудил, что все нужно делать мало помалу. Для чего, пользуясь своими первоначальными соображениями в маловажных случаях, он открыл себе дорогу к более важным вопросам. Во-первых, он резко критиковал оппонентов по логическим и метафизическим вопросам, что

впоследствии дало возможность говорить о более сложных вопросах, пока, наконец, он не коснулся таинств и других нарушений церкви».

О возникновении монашеских орденов, их быстром и поразительном распространении по всему христианскому миру и за его пределами так хорошо известно, что не нужно об этом подробно и долго говорить. Гробницы Египта, пустыня Фиваиды, горы Синая, скалы Палестины, острова Эгейского и Тирренского морей населены колониями отшельников и анахоретов, которые убежав от мира, посвятили себя жизни в уединении и духовном созерцании.

Обмирщение и развращенность приходского священства, вызванное богатством, текшим в церковь в ранние времена в связи с необходимостью, требовали установления нового порядка, который мог явить яркий пример праведности. Анахореты представляли тот самый образец, в котором, вероятно, нуждалось время. Эти люди, живя в уединении или небольшими общинами, оставили мир, дали обет бедности и послушания, и вели скромную, трудовую, скудную, целомудренную и праведную жизнь, являя пример святости Евангелия во времена упадка. Аскетизм и нищета монастырей спасали христианство от позора, который принесли изобилие и надменность соборов. Итак, мир рассуждал и научался, видя это.

Какое-то время, несомненно, монастыри были пристанищем благочестия, которое было изгнано из мира. О святости этих учреждений ходили удивительные легенды. В их стенах царил мир, в то время как внешний мир был приведен в смятение насилием. Земли вокруг них, благодаря умелому и бережному возделыванию братством, цвели как сад, в то время как остальные земли из-за небрежения и варварства превращались в пустыни; науки развивались, искусства светской жизни сохранялись, в то время как основное общество, поглощенное войнами, вяло продолжало свой мирный труд. К воротам монастырей приходили хромые, слепые, глухие, и милосердные обитатели никогда не отказывали им в помощи и снабжали всем необходимым. В общем, когда в замке соседнего барона раздавалось бряцание оружия или шум вассалов, колокольный звон монастырей утром и вечером говорил о преданности, смиренных молитвах и горячих восхвалениях, в которых отцы проводили время.

Было так чудесно и отрадно думать, что в такое жестокое время, омраченное непрерывными войнами, были, тем не менее, тихие убежища, где грохот оружия не заглушал голоса муз или спокойствия святого пения, и нам кажется, что было бы преступлением против веры сомневаться в ее истине. Но надо признаться, что наша вера в них была бы сильнее, если бы о них рассказали современные хронисты, а не, в основном, воображение поэтов, живших позже. Нам неизвестно, где искать исторические первоисточники этих восхитительных описаний. Однако мы не сомневаемся, что в них есть доля истины; что во время раннего своего

существования эти учреждения были в какой-то степени прибежищем благочестия и искусств, раздавали милостыню и обучали ремеслам. Известно, что вплоть до реформации были люди, которые прятались от мира, жили со Христом и питали свое благочестие от источников Слова Божьего. Такие люди были, однако, редки и сравнение с ними не в пользу остальных отцов.

Об одном история не оставляет сомнений: монашеские ордена быстро и в ужасной степени развратились. Было бы чудом, если бы было иначе. Эта система нарушала основные законы естества и общества, а также Библию. Как может развиваться благочестие без его упражнения? Если мир является полем соблазна, то он еще в большей мере является школой дисциплины и питомником добродетелей. «Живя там, – сообщает монахиня Кранбри, одна из потомков Сэра Томаса Мора – говорю из собственного опыта, если кто-то не пребывает в правильной молитве и других упражнениях между Богом и своей душой, то природа той монахини становится еще хуже, чем, если бы она жила в миру». Именно в обществе, а не в уединении, можно научиться самоотречению, терпению, милосердию и великодушию. В келье нечего терпеть или преодолевать, кроме холода, голода или диких зверей, которые, однако, могут развить телесные качества, но не могут способствовать добродетелям души.

На самом деле, монастыри, как известно, стали более развращенными, чем мир, который покинули их обитатели. К 1100 году один из их защитников сказал, что оставляет их. Картины, которые некоторые папские писцы оставили о них в 13 веке, например, Клемангис, мы не осмеливаемся помещать на наших страницах. Репутация их благочестия увеличила число их покровителей и усилила поток бенефиций. С богатством пришли два сопутствующих качества: роскошь и надменность. Обет нищеты не был преградой, они могли, как совместная организация, владеть любым богатством. Земли, дома, охотничьи угодья и леса; десятины с подати, с садов, с рыбных хозяйств, с коров, с шерсти и ткани, составляли приданое монастырей. Огромная и разнообразная опись предметов, которые составляли собственность братства, включала все, что хорошо было для еды и приятно для глаз: необычная мебель для помещений, изысканные облачения для служителей, лучшие дары полей, деревьев и рек для столов, тихоходные мулы днем и роскошные экипажи ночью. Их глава, аббат, по богатству равнялся королям, и превосходил их по надменности. Такими, от смиренного начала в кельях с каменной постелью и едой из травы, стали условия в монашеских орденах задолго до Уиклиффа. Будучи украшением христианства, они стали его позором, будучи опорой римской церкви, они стали ее грехом.

Приведем цитату из свидетельства того, кто не был слишком строг в обвинении поведения своего братства. Питер, аббат Клуни, жалуется так: «Наши братья не

бояться Бога и, потеряв всякий стыд, едят мясо каждый день, кроме пятницы. Бегают туда и сюда и, подобно коршунам и стервятникам, летят с огромной скоростью туда, где пахнет кухонным дымом, где они могут обонять запахи жареного и вареного. Над теми, которые не поступают как они, насмехаются и считают лицемерами и невеждами. Бобы, сыр, яйца и даже рыба не могут удовлетворить их тонкий вкус; они лишь любят котлы с мясом Египта. Кусочки вареной и жареной свинины, жирная телятина, выдра и зайчатина, лучшие гуси и пулярки, словом, всевозможное мясо и птица накрыты на столах наших святых монахов. Но зачем я это говорю? Прежняя еда стала обычной, они пресытились ею. Им захотелось чего-нибудь вкуснее. У них появились барашки, олени, кабаны и медведи. Охотники охотились для них по лесам, с помощью капканов ловили фазанов, куропаток и вяхирей, боясь, что Божии слуги (наши славные монахи) умрут с голода».

Св. Бернар в 12 веке писал в защиту монахов Клуни, обращаясь к Уильяму, аббату св. Феодора. Эта работа была написана с целью рекомендаций ордену, однако, автор не мог сдержаться от обличения беспорядков, вкравшихся в него; немного подготовив почву, он продолжает дальше как будто не может остановиться. «Я никогда не устаю удивляться – пишет он – как такая большая распущенность в еде, привычках, постелях, экипажах и лошадях могла проникнуть и установиться среди монахов». После подробного описания пышности облачений отцов, размера конюшен, богатых попон мулов и роскошной обстановки комнат св.Бернар продолжает говорить о трапезах, которые живо описывает. «Разве их рты и уши – пишет он - не в равной степени наполнены едой и искушаемыми голосами? И так как они не могут управлять своими нескоромными трапезами, может, найдется кто-нибудь, способный остановить эти пирушки? Конечно, нет. Блюдо подается за блюдом, и в постные дни, которые они объявляют, на столе появляется две вереницы жирной рыбы, плавающей в соусе. Разве вы не пресыщены этим? Повар довольно искусен, чтобы огорчать вас менее вкусными блюдами. Таким образом, тарелка с жадностью поглощается за тарелкой, одна заменяет другую, так что они наполняют животы, но редко утоляют аппетит. И все это – восклицает св.Бернар – «во имя милосердия, потому что было поглощено людьми, давшими обет нищеты, и, следовательно, должны быть причислены к «нищим».

От монастырского стола, где, как мы видим, одно блюдо сменялось другим быстро и беспорядочно, св.Бернар дает нам возможность увидеть пышность, с которой выезжали монахи». «Я позволю себе спросить – пишет он – как соль земли так испортилась. Как получилось, что люди, которые должны быть примером скромности, на деле стали примером тщеславия? Проходя мимо многого другого, какое доказательство смирения можно найти в большом кортеже лошадей с экипажем, сопровождаемом вереницей слуг и лакеев, так что кортеж одного аббата превосходит кортеж двух епископов! Пусть считают меня лжецом, если это не

правда, что я видел кортеж одного аббата в сопровождении шестидесяти лошадей. Кто может считать этих людей отцами монахов и пастырями душ? Или кто скорее не примет их за губернатора города или провинции? Почему, если господин отъехал на четыре лье, его кортеж должен достигать его дверей? Можно принять эти мощные процессии за армию или подготовку к путешествию через великую пустыню».

Нужно было кардинальное средство. Ущерб, нанесенный папству развращенностью и пресловутой расточительностью монахов, должен быть возмещен. Но как? Реформация старых орденов была безнадежным делом; нужно было создавать новые братства. Был избран этот путь. Орден францисканцев был учрежден Иннокентием III в 1215 году, а доминиканцы были санкционированы его преемником Гонорием III спустя несколько лет (1218г.). Целью их создания было восстановление с помощью смирения, нищеты и апостольского рвения доверия, потерянного церковью вследствие гордости, богатства и праздности более старых монахов. Кроме того, новые времена, в которые, как церковь думала, она вступала, требовали нового служения. Нужны были проповедники для опровержения еретиков, и это особенно учитывалось в уставах новых орденов.

Основатели этих орденов были очень не похожи по характеру и душевному складу.

Св.Франциск, основатель францисканцев или миноритов, как их стали называть, родился в Ассизе, в Умбрии в 1182 году. Его отец был богатым купцом этого города. Историки св. Франциска отмечают, что его рождение сопровождалось определенными знамениями, предсказавшими ему великое будущее. Его мать, когда пришло время, очень тяжело рожала, схватки продолжались много дней, так что она была на грани смерти. В этот критический момент ангел, в образе странника явился у ее двери и попросил милостыню. Его просьба была тут же исполнена, и довольный странник сказал домашним, что нужно делать, чтобы хозяйка дома стала радостной матерью сына. Они должны были взять ее постель, вынести из дома и положить в конюшне. Указания странника были выполнены, схватки скоро прекратились и ребенок впервые увидел свет среди «зверей». «Это было первой привилегией, – отмечает один из его историков – по которой Франциск напоминал Иисуса Христа: он родился на конюшне».

Несмотря на это предсказание, предвещавшее большую, чем обычная, святость, Франциск рос «дебоширом», - пишет Д'Эмилиан – и, ограбив отца, был лишен наследства, что его не очень волновало». Он был охвачен ужасной лихорадкой, и безумие, которое она вызвала, кажется, никогда не оставило его полностью. Он лег на ложе болезни веселым развратником и мотом, а встал с него одержимым идеей святости и благочестия, заключавшейся в бедности.

Он детально разработал свою теорию. Он раздал свою собственность, обменялся одеждами с нищим, которого встретил на дороге; и грязный, истощенный, покрытый пылью и лохмотьями, со странным огнем в глазах он бродил по стране вокруг родного города Ассизы, сопровождаемый толпой мальчишек, которые улюлюкали и глумились, как они считали, над сумасшедшим. После того, как к нему присоединились семь учеников, он отправился в Рим, чтобы представить свой план Папе. По прибытии он нашел Папу Иннокентия III, совершавшего прогулку на террасе своего дворца в Латеране.

Какой сюжет для живописца! Самый надменный из понтификов, человек, которому, подобно Юпитеру, достаточно только было кивнуть головой и короли слетали с трона, страны карались отлучением, прохаживался взад и вперед под сводчатой галереей своего дворца, строя, несомненно, новые и более мощные планы, чтобы показать славу и укрепить господство папского престола. Иногда его взор устремлялся к Апеннинам, возвышавшимся великой стеной в Кампаньи, которая лежала перед ним, не черным пространством, как сейчас, а удивительным садом, сверкающим виллами и пестрым от виноградников, оливковых и фиговых деревьев. Если впереди дворца была эта чудесная панорама, то позади него была другая, представлявшая лицевую сторону той, куда был устремлен взор понтифика. Ужасная брешь, покрытая остатками того, что когда-то было храмами и дворцами, и простиравшаяся от Латерана до Колизея, портила красоту города понтифика. Это неприглядное зрелище было напоминанием о борьбе за инвеституру, и, естественно, перенесла Иннокентия в мыслях назад, во времена Гильдебранда и яростной борьбы, которая была развязана в христианском мире его рвением к трону.

Какой поток богатств хлынул в Рим в столетие, прошедшее с тех пор, когда Григорий VII правил тем скипетром, который сейчас был у Иннокентия III. Не было ни одного понтифика, ни одного десятилетия, которые не были бы свидетелями громадного роста Вавилона, возвысившего таланты и умелое управление всех Пап, от Григория до Иннокентия. К этому времени структура была завершена, так как невозможно представить ее более высокое развитие. Рим был более могущественным господином всего мира, чем даже при Цезаре. Его власть проникла в сердца и души народов. И снова он рассылал своих легатов, как прежде проконсулов, чтобы управлять подвластными королевствами, снова издавал эдикты, которым подчинялся весь мир, снова короли и князья подавали прошения у его ворот, снова по его дорогам шли многочисленные послы и ходатаи из разных частей христианского мира; из самых отдаленных областей приходили паломники и ярые поклонники, чтобы помолиться у его святых гробниц; день и ночь от его ворот тек непрерывный духовный поток, чтобы освежить мир; епископские посохи и мантии, священнические должности и мистические звания, индульгенции и освобождения от обетов, мощи и амулеты, бенефиции и анафемы; взамен подать со всей земли

поступала в ее сокровищницы. О таких приятных предметах размышлял Иннокентий, когда к нему подошел Франциск Ассизский.

Взгляд понтифика падает на странную фигуру. Иннокентий останавливается, чтобы лучше рассмотреть человека. Одежда нищего, похож на приведение, взгляд дикий; но, несмотря на такую внешность, что-то есть в нем, что говорит: «Я пришел с миссией, поэтому осмелился явиться сюда. Я не пришел, чтобы просить милостыню, а чтобы дать ее Папам». Мало кто из королей мог своей властью положить большие дары к ногам римской церкви, чем этот человек в лохмотьях. Заинтересованный тем, что может тот сказать, Иннокентий разрешил странному посетителю обратиться. Франциск поспешно изложил свой план; но Папа не понял его значения и не наделил Франциска полномочиями к его исполнению; он приказал ярому поклоннику уйти; разочарованный и подавленный Франциск ушел, думая, что его план был пресечен в корне.

Этот случай произвел на понтифика более глубокое впечатление, чем он осознавал. Когда он ночью лежал на ложе, нищий, казалось, вновь предстал перед ним и ходатайствовал о своем деле. Пальма, как думал Иннокентий во сне, неожиданно выросла у его ног до огромных размеров. Во втором сне Франциск как будто протянул руку, чтобы поддержать Латеран, которого грозили сбросить». Когда Папа проснулся, он приказал найти этого странного человека из Умбрии и привести к нему. Он собрал кардиналов, чтобы они тоже смогли услышать план. Иннокентию и его конклаву идея Франциска понравилась; и кому, думали они, можно было поручить ее выполнение как не ярому поклоннику, который ее предложил? Этому человеку в лохмотьях римская церковь дала поручение. Вооруженный санкцией понтифика, дававшей ему право основать, организовать и привести в действие орден согласно своему плану, Франциск оставил Папу и кардиналов и отправился начинать работу.

Энтузиазм, который так сильно горел в его мозгу, зажег такой же энтузиазм в других. Вскоре св.Франциск нашел дюжину людей, желавших разделить его взгляды и принять участие в выполнении плана. Дюжина быстро переросла в сотню, а сотня в тысячи, и рост продолжался таким темпом, что история вряд ли знает другой такой пример. Перед смертью св.Франциск был доволен, увидев 5000 монахов, собравшихся в его монастыре в Италии на всеобщий капитул, и так как каждый монастырь был представлен лишь двумя посланниками, то собрание представляло 2500 монастырей. Фанатик- одиночка стал армией; его ученики заполнили все страны христианского мира; каждую цель и идею они подчиняли целям и идеям своего начальника; и связанные обетом, они совершали служение, которому посвятили себя, с неутомимым рвением. Этому ордену принадлежали пять Пап и сорок пять кардиналов.

Св.Доминик, основатель ордена доминиканцев, родился в Арагоне в 1170 году. По характеру он отличался от св.Франциска. Он обладал отчаянным энтузиазмом и огромным рвением, но к этим качествам добавлялся холодный расчет, твердая воля, суровый нрав и глубокие деловые знания. Доминик был свидетелем опустошительных действий ереси в южных провинциях Франции. У него также была возможность отметить бесполезность богато оснащенных миссий, которые римская церковь время от времени посылала для обращения альбигойцев. Он видел, что миссионеры оставляли после себя больше еретиков, чем до своего прихода. Церковники высокого сана в митрах, верхом на богато украшенных мулах в сопровождении пышной свиты священников, монахов и других людей, слишком гордые е невежественные для проповедования, способные лишь ослеплять толпы людей великолепием церемоний, неопровержимо свидетельствовали о богатстве римской церкви, но не могли с такой же силой свидетельствовать об истине ее принципов. Вместо епископов верхом на лошадях Доминик призывал монахов в деревянной обуви на проповедь еретикам.

Отправившись в Рим, он также представил Иннокентию свой план, предложив создать армию, которая обойдет всю Европу в интересах папского престола; построенная по другому принципу она сможет, как он надеялся, дать более подробную информацию о еретиках. Так как их одежда скромна, привычки аскетичны, речь также проста, как и у крестьян, к которым они обращаются, то такие миссионеры вскоре отвратят еретиков от заблуждений, в которые те впали по заблуждению; живя на подаяние, они ничего не будут стоить папской казне. Иннокентий по той или иной причине, вероятно, из-за того, что он недавно санкционировал францисканцев, отказал ему. Но Папа Гонорий был более покладистым; он утвердил предложенный Домиником орден; и хотя сначала этот орден, как и францисканский, был небольшим, рост доминиканцев по популярности и многочисленности был таким же быстрым.

Доминиканцы были поделены на две группы. Первая занималась проповедью, вторая же уничтожала тех, кого первая не смогла обратить. Первая отвращала от ереси, вторая истребляла еретиков. Это удачное распределение труда, как предполагалось, могло обеспечить более тщательное выполнение задания. Число проповедников быстро увеличивалось, через несколько лет их голоса были слышны почти во всех городах Европы. Их знания были невелики, но энтузиазм зажигал в них красноречие, и зачарованные толпы слушали их пламенные речи. В столетия, предшествовшие реформации, францисканцы и доминиканцы делали для папства то же, что и иезуиты после нее.

Прежде чем начнем говорить о борьбе с этими братствами, к которой Уиклифф был призван, необходимо отметить особенности их устава и организации,

помогавшие им справиться с крайней нуждой в начале их карьеры, и способствовавшие их существованию. Монахи более ранних орденов были затворниками. Они не имели никакой связи с миром,

который покинули, и ничем ему не служили, кроме того, что являли пример аскетического благочестия, предложенного для подражания. Сферой их деятельности была келья или стены монастыря, где все свое время они должны были проводить в молитве и созерцании.

Новые ордена не были ограничены пространством. Правда, у них были монастыри, но скорее всего они были гостиницами или временными жилищами, где монахи могли отдохнуть во время миссионерских путешествий. Сферой их деятельности был весь мир; они должны были ходить по провинциям и городам, и обращаться ко всем, кто хотел их слушать. Проповедь была возрождена. Белый или черный священник редко вставал за кафедру; они были слишком невежественны, чтобы писать проповеди, и слишком ленивы, чтобы проповедовать написанную для них проповедь. Они наставляли паству служением обрядов, молитвами и ектеньями на языке, непонятном народу. Уиклифф уверяет, что в его время «было много невежественных викариев, которые не знали десяти заповедей, не могли читать псалтирь, не знали ни одного стиха из нее». Монахи нищенствующих орденов, с другой стороны, прибегали к родному языку, и близко сойдясь со всеми слоями общества, возродили забытую практику проповеди, и усердно занимались этим по воскресеньям и в будние дни. Они ходили повсюду, во все дни, выступая с проповедью на рынках, перекрестках и часовнях.

В одном монахи нищенствующих орденов заметно и выгодно отличались от прежних орденов. Последние были скандально богатыми, а первые весьма и поучительно бедными. Они жили на подаяние, и в буквальном смысле были нищими, отсюда их название «нищенствующие». Христос и его апостолы, как утверждалось, были нищими; поэтому это занятие было древним и святым. Более ранние ордена, как и францисканцы, и доминиканцы, также давали обет бедности, но разница между ранними и более поздними орденами заключалась в том, что первые не могли владеть личной собственностью, но общей могли и владели в огромных размерах; последним, как в частности, так и в целом, запрещалось по обету владеть какой-либо собственностью. Они даже не могли иметь и пенса; и так как в их скромной одежде и скудной еде ничего не противоречило обету бедности, репутация их святости была высока и соответственно влияние на все слои общества. Они, казалось, были самыми подходящими людьми для времени, когда брошен был их жребий, и для определенной для них работы. Они действительно были солдатами Папы, домашней армией Ватикана, прошедшей весь мир двумя отрядами, образовав одну единую армию, которая продолжала увеличиваться, и, не имея преград на

своем пути, бдительно и победно воевала с ересью, увеличивая славу и владения папского престола.

Если рост нищенствующих орденов не имеет аналогов по быстроте, то также беспримерно быстро было их падение. Скала, о которую они разбились, была та же, что и у их предшественников, а именно богатство. Но как богатство могло проникнуть, когда двери монастырей были накрепко закрыты самым строгим обетом бедности? Ни отдельный человек, ни орден не моги принять и хранить ни пенса. Тем не менее, это – факт; их богатства чудовищно возросли, и поэтому их падение было еще быстрее, чем падение бенедиктинцев и августинцев в прежние века.

Первоначальный устав оставался неизменным, обет бедности не был отменен, они продолжали жить на подаяния верующих, носить одежду из грубой шерсти; белую – доминиканцы, подпоясанную широким поясом, и коричневую – францисканцы, подпоясанную веревкой с тремя узлами: в обоих случаях странно снабженную многими просторными карманами, в которых небольшие изображения, клочки бумаги, амулеты и четки перемешивались с кусками хлеба, сыра, мяса и другой еды, собранной как подаяние.

Но, несмотря на все признаки бедности и на соблюдение обета, их запасы увеличивались каждый день. Как это могло случиться? Среди братьев были умные люди, которые учили их отличать собственников от управляющих. Как собственники, они не могли ничего иметь, но как управляющие, они могли владеть каким угодно богатством, и распределять его согласно целям и потребностям ордена. Это изобретательное отличие открыло ворота монастырей, и сразу же золотой поток от их почитателей стал течь в них. Они не стали, как другие монашеские братства, земельными собственниками (этот вид собственности выходил за рамки той интерпретации, согласно которой они материально видоизменили свой обет), но в других видах они получили большую свободу. Великолепие их сооружений превзошло великолепие сооружений бенедиктинцев и августинцев. Церкви, для украшения которых искусство архитектора и талант художника делали все возможное, монастыри и обители, в которых и монархи достойны были жить, появились во всех странах для монахов нищенствующих орденов. С богатством пришли и различные пороки: праздность, высокомерие, моральное разложение и злоупотребление тех огромных прав и привилегий, которые папский престол даровал им, находя их пригодными для себя. «Ужасное предчувствие,– восклицает Мэтью Пэрис всего спустя сорок лет после их учреждения – что через 300 или 400 лет старые монашеские ордена не так деградируют, как эти братства».

Таково было состояние нищенствующих монахов при Уиклиффе.

Более того, можно сделать вывод, что в его время пороки этих орденов были намного больше, чем во времена Мэтью Пэриса, веком ранее. Он понял, что на королевство напала чума, которая ежедневно распространялась и ежечасно опустошала его. В 1360 году Уиклифф начал открыто выступать против них. Доминиканцы появились в Англии в 1321 году. В этом году Гилберт де Фресни с двенадцатью братьями обосновались в Оксфорде. Те же причины, которые благоприятствовали их росту на континенте, действовали и в Англии, и этот небольшой отряд быстро пополнял свои ряды, так что скоро они кишели по всему королевству. Сорок три обители доминиканцев были открыты в Англии, где из-за их черных одеяний с капюшонами обычно назывались черными монахами».

Обретя силу, они нападали на законы и привилегии Оксфордского университета, где они обосновались, требуя независимости своей юрисдикции. Это вызвало борьбу между ними и властями колледжа. Первым, кто выступил против их посягательств, был Фитцральф (Армаханий), который был назначен канцлером Оксфорда в 1333 году, а в 1347 году стал архиепископом Армы. Фитцральф заявлял, что под этой «заразной язвой», как он называл нищенствующие ордена, все, что было добрым и справедливым, – науки, ремесла, послушание и нравственность – гибнет. Он отвез жалобу в Авиньон, где тогда жили Папы, в надежде преобразовать это вопиющее зло. Заголовки обращения, которое он послал понтифику, были следующие: монахи распространяли вредное учение, нарушавшее заповеди Иисуса Христа; из-за их махинаций служителей церкви становится меньше; университет деградируют; студенты не могут найти книг, чтобы продолжить занятия; монахи пополняют свои ряды, крадя и заманивая детей; они лелеют амбиции под ложным смирением; они скрывают богатства, симулируя нищету; и хитрыми способами пробираются в правители, архиепископы, кардиналы, канцлеры королевств и личные советники монархов.

Необходимо привести образец обращения к понтифику, как это записал Фокс. «Благодаря привилегиям, – пишет Армаханий – данным Папами монахам нищенствующих орденов, совершаются чудовищные преступления». Среди этих злоупотреблений он приводит следующие: «Пастыри не знают в лицо свою паству. Также противоборство и иногда драки возникают между монахами и светскими кураторами относительно званий, передачи церковной собственности светским лицам, и других льгот. Также разные молодые люди, как в университетах, так и в родительских домах, умело заманиваются монахами, их исповедниками, вступить в ордена; оттуда они не могут выбраться, даже при желании, и к огорчению своих родителей и своему сожалению. Не меньшее неудобство и опасность представляют вышеуказанные монахи духовенству, так как миряне, видя, что их детей крадут в университетах, отказываются отсылать их учиться, а лучше оставляют их дома заниматься ремеслом или пахать, чем видеть детей соблазненными и захваченными

в университетах, о чем свидетельствует опыт. Так как в мое время в оксфордском университете было 30,000 студентов, а сейчас нет и 6,000. Причиной этого спада является не что иное, как заманивание уже упомянутыми монахами».

Вследствие этой необычной практики монахов, все отрасли науки и образования пришли в упадок в Англии. «Так как нищенствующие монахи – продолжает архиепископ – из-за привилегий, полученных от Пап, проповедовать, исповедовать, погребать, а также прав на конфискацию имущества, так увеличили свои богатства и владения, прося милостыню, уговаривая, похищая и прикрываясь христианским учением, что скупили все книги, которые могли развить любые науки, богословие, законодательство или физику. Поэтому во всех монастырях были большие библиотеки полные всевозможных книг, а так как монастырей было много, и в каждом монастыре становилось все больше монахов, то по этой причине очень мало книг или почти ничего не осталось для студентов».

«Он сам послал в университет четырех из своих священников или капелланов, которые сообщили ему, что не нашли ни одной Библии, и ни какой другой пригодной для изучения книги по богословию, с тем и вернулись назад».

Напрасно архиепископ совершил столь долгое путешествие. Напрасно он отправил жалобу понтифику в Авиньон. Папа знал, что эти обвинения были обоснованы, но какая от этого была польза? Монахи были необходимы Папе; он их создал, они зависели от него, они жили для него, они были его послушным орудием; и по сравнению со служением, совершаемым для папского престола, интересы английской литературы были просто пылью. Не следует и пальцем пошевелить, чтобы сократить привилегии или проверить злоупотребления нищенствующих орденов. Архиепископ, поняв, что он ездил напрасно, вернулся в Англию, и спустя три года умер.

Глава 5 - Монахи нищенствующих орденов против Евангелия в Англии.

Радость монахов – Уиклифф возобновляет борьбу. – Требует отмены орденов – Невежество монахов – Их роскошь – Их алчность – Угнетение бедняков – Волнения в Англии – Встали вопросы относительно Евангелия. – Спасение от монахов или от Христа? Были ли Христос и апостол монахами? – Трактат Уиклиффа «Возражения монахам» - С него начался его путь как реформатора. – В этом трактате проповедует Евангелие для Англии. – Критикует власть ключей. – Спасение только от Бога – Спасение без денег

Радость монахов, когда они услышали, что их враг умер, была огромной, но непродолжительной. В тот же год, когда умер архиепископ (1360 г.), восстал Уиклифф и начал борьбу с нищенствующими орденами, которую он вел почти всю свою жизнь. «Джон Уиклифф, – пишет неизвестный автор – единственное украшение того времени, начал в Оксфорде в 1360 году от рождества Христова на своих лекциях указывать на злоупотребления духовенства и их открытые пороки. Так как в это время правил король Эдвард III, он защищал этого смелого борца за истину от тиранов Содома».

Уиклифф видел дальше, чем Армаханий. Само учреждение ордена противоречило Писанию и было порочным; и пока он существует, он будет источником нарушений; поэтому никакого соглашения, как реформация, предложенного его предшественником, быть не может; он требовал ликвидации. Монахи, наделенные Папой правом самостоятельной юрисдикции, отменяли законы и постановления Оксфорда, где они разместили свою штаб-квартиру. Они пренебрегали законами государства; они вовлекали молодежь обманом в свершение своих «дурных поступков»; они расхаживали по стране; и так как они никому не разрешали проповедовать кроме себя, их проповеди состояли, как говорит Уиклифф, «из басен, мировых событий и рассказов об осаде Трои».

Более того, Папа дал им право отпускать грехи, и они делали это с таким рвением и отпускали грехи так легко, что грешники разного толка стекались к ним за индульгенциями, это повлекло за собой ужасающий рост безнравственности и преступности. Они перехватывали и пожирали милостыню, которую следовало давать людям «прикованным к постели, немощным и согбенным». В нарушении провозглашенного замысла своего основателя и собственного обета бедности их доходы ежедневно увеличивались. По мере возрастания богатства они расширяли великолепные здания, богатые трапезы и другие источники удовольствий, или отсылали богатство заграницу, что разоряло королевство. Но дело было не только в деньгах, они подозревались в разглашении национальных секретов врагам государства. Подчиняться Папе, молиться св.Франциску и давать милостыню монахам было сущностью их благочестия. Это было лучше всех знаний и

добродетелей, так как открывало небесные врата. Уиклифф ничего не видел в будущем, кроме крушения церкви и государства, если нищенствующим орденам позволят продолжать свою деятельность.

Полемика, в которую Уиклифф сейчас вступил, была в значительной степени благотворной, как для него самого, так и для страны. Она затронула самые основы христианства, и вынудила людей изучать Евангелие. Монахи нищенствующих орденов ходили по Англии, продавая индульгенции от Папы. Люди задавались вопросом: Можно ли искупить грехи за небольшие деньги? С кем мы должны иметь дело: с Иннокентием или Богом? Это приводило их к Евангелию, чтобы узнать из него основания для принятия грешников Богом. Поэтому полемика была не только спором между церковниками и мирянами; не только столкновением между юрисдикциями власти Оксфорда и нищенствующих орденов, но проблема состояла в противостоянии нищенствующих орденов и Евангелия. От монахов или от Иисуса Христа должны мы получить прощение грехов? Англия того времени нуждалась в понимании именно этого вопроса.

Аргументы, с помощью которых монахи старались оправдать выгодное ремесло, помогали внести спасительный элемент в полемику. Они ссылались на разрешение Спасителя просить милостыню. Они говорили, что Христос и апостолы были нищими и жили на подаяние. Это заставило людей заглянуть в Новый Завет и посмотреть, действительно ли там так было. Невольно они призвали к праву личного суждения и афишировали книгу, о которой в своих собственных интересах, им лучше было промолчать. Уиклифф был склонен к более глубокому изучению Библии. Система истины Святого Писания раскрывалась перед ним все больше и больше; он видел, как далеко отошла римская церковь от Евангелия Христа, и какая бездна отделяет спасение кровью Агнца и спасение индульгенциями Папы. И теперь профессор богословия Оксфорда вырос до реформатора Англии, великого пионера и основателя реформации христианского мира.

Приблизительно в это время он опубликовал «Возражения монахам нищенствующих орденов», с которых начался его путь как реформатора. В этом трактате он обвиняет монахов «в пятидесяти ересях и заблуждениях, и даже больших при тщательном рассмотрении». Следует отметить, что в этом трактате реформатор особенно не спорит с монахами о проповеди Евангелия соотечественникам. «Прощение исходит только от Бога; - говорит Уиклифф -самое злостное нарушение монахов заключается в их притворном исповедовании, во время которого с помощью многочисленных богохульных приемов они стараются очистить тех, кого они исповедуют, и сделать их чистыми от всякой нечистоты в глазах Божьих, оставив в стороне заповеди и законы Господа». «Нет большей ереси, чем верить, что ты получил прощение грехов за деньги; или если священник кладет тебе руку на

голову и говорит, что прощает тебя; так как тебе нужно сокрушаться с сердце твоем, исправлять пути свои перед Богом, не простит ли тебе Господь». «Многие думают, что если дадут пенс духовнику, им простят нарушения всех Божиих заповедей и не надо следить за их соблюдением. Но я с уверенностью заявляю, хотя у вас есть священники и монахи, чтобы петь вам, хотя вы ежедневно слушаете много месс, основываете церкви и колледжи, ходите в паломничество всю жизнь, отдаете всю добро своим духовникам, это не приведет ваши души на небеса». «Пусть Бог по Своей безграничной милости разрушит эту гордость, жадность, лицемерие и ересь лжепрощения и подвигнет людей исполнять Свои заповеди и даст им веру в Иисуса Христа».

“Я заявляю, что индульгенции Папы, если они таковы, за которых их выдают, являются явным богохульством. Монахи приукрашивают это богохульство, говоря, что Христос всемогущ, а Папа - Его наместник на земле, и поэтому обладает такой же властью, что и Христос. Против этого ужасного богохульства я хочу возразить. Ни Папа, ни Господь Иисус Христос не могут дать заповеди или отпустить грехи человеку, но только один Бог определяет Своей справедливой волей».

Таким образом, Уиклифф чутьем истинного реформатора ударил по духовному принципу, служащему Папе краеугольным камнем его царства. Первые удары Лютера также были нанесены по этому принципу. Он начал свой путь, бросив вызов продавцам индульгенций римской церкви. «Обладание ключами» дало Папе власть над общественным сознанием; так как он мог прощать грехи, открывать или закрывать врата рая, являясь богом для людей. Уиклифф понимал, что он может разрушить эту огромную структуру духовной и плотской власти, воздвигнутую понтификами, и, в которой, как в огромной тюрьме, они держали замурованными души и тела людей, только раскрыв ложное учение, на котором она основывалась. И этому учению он, прежде всего, бросил вызов. Не думайте, говорил он своим соотечественникам, что Бог дал «ключи» Иннокентию из Рима; не думайте, что монахи носят небо в своих сумах; не думайте, что Бог посылает прощение, завернутое в клочки бумаги, которые носят с собой монахи, и которые продают за серебряную монету. Слушайте голос Евангелия: «не тленным серебром или золотом искуплены вы…, но драгоценной Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца». Бог прощает людей не за деньги или жертву. Итак, Уиклифф начал проповедовать «лето Господне благоприятное», и провозглашать «освобождение плененных, открытие темниц, находящимся в узах».

Глава 6 - Борьба парламента с Папой.

Обзор политических событий – Иностранные церковники назначаются на английские бенефиции. – Статуты о кандидатах на бенефиции и о нарушении папской юрисдикции должны были прекратить злоупотребления. – Деятельность продолжается. – Примеры – Коррорлевские уполномоченные направлены вести переговоры с Папой относительно злоупотреблений. – Уиклифф избран одним из уполномоченных. – Переговоры провалились. – Тем не менее, Уиклифф извлекает пользу, увидев папство изнутри. – Арнольд Гарниер – «Хороший парламент» - Его борьба с Папой – Более значительная победа, чем при Креси. – Уиклифф становится смелее. – Ярость монахов

Мы уже говорили о посягательстве папского престола на независимость Англии в 13 веке; о передаче Папе королевства королем Иоанном, об обещании английского короля платить Папе ежегодно тысячу марок; о требовании Урбана V платить подати, прерванные на тридцать лет; о смелом ответе парламента Англии; и о вкладе Уиклиффа в решение, к которому пришли светские духовные власти, чтобы отказать Папе в подати. Мы также рассказали, что сопротивление парламента посягательствам Папы на права Англии на этом не закончились; что несколько строгих законов были приняты, чтобы защитить права короны и собственность подданных; и по этому поводу специально были разработаны статуты о Посланнике и Посягательстве на королевскую власть. Нарушения, которые эти законы должны были исправить, давно уже были источником раздражения для страны. В Англии были некоторые бенефиции, которые по полноте своей власти, Папа сохранял для себя, и это были, в основном, более богатые приходы. Но было неудобно ждать, когда освободится вакансия, поэтому Папа, назвав кандидата посланником, назначал его заранее. Права капитула, или короны, или другого любого руководителя, игнорировались, и законный претендент должен был откупиться или позволить папскому ставленнику, часто иностранцу, пользоваться бенефициями. Самые лучшие должности и бенефиции доставались итальянцам, французам и другим иностранцам, которые были, пишет Льюис, «просто мальчики, не знавшие не только английского языка, но и латыни, и которые не только никогда не видели своих церквей, но и отдали их на попечение другим за самую маленькую плату; получали доходы, доставляемые в Рим или другое место своими поверенными, которым они отдавали десятину». Для контроля за этим нарушением был разработан статут о Посланниках, а закон о Посягательстве, последовавший за ним, был предназначен его укрепить, и окончательно прекратить отток состояния страны, запрещая кому-нибудь привозить в страну буллу или послание папы с назначением на английские бенефиции.

Жалобы, однако, продолжались, и становились все нетерпимее. Парламент направил новый протест королю, излагая невыносимый характер этих притеснений, и вред, наносимый царской власти, прося его что-нибудь предпринять по этому поводу. Поэтому в 1373 году король назначил четырех комиссаров для поездки в Авиньон, где находилась резиденция Папы Григория XI, чтобы изложить ему жалобу английского королевства с просьбой воздерживаться в будущем от вмешательства в права на бенефиции. Послы были вежливо приняты, но ответа не получили. Парламент возобновил жалобу и просьбу " найти средство против действий папы, так как он собирает первые плоды с церковных должностей, причем богатство уходит из страны, а это недопустимо». В 1374 году была созвана королевская комиссия для установления количества церковных бенефиций и должностей в Англии, занимаемых иностранцами, и определения их точной стоимости. Было обнаружено, что число приходов, находившихся в руках итальянцев, французов и других иностранцев было так велико, что, если, пишет Фокс, их все записали, то они бы составили половину списка. Духовенство Англии быстро становилось иностранным и просто номинальным. Суммы, выкачиваемые из королевства, были огромны.

Король решил еще раз решить этот вопрос с папской курией. Он назначил еще одну комиссию, и свидетельством растущего влияния Уиклиффа явилось то, что его имя было вторым в списке ее участников. Первым стоял Джон, епископ Бангора, который был в предыдущей комиссии, вторым - Джон де Уиклифф, профессор богословия. Дальше шли имена: Джон Гутер, декан Сечоу, Саймон де Моултон, доктор юридических наук, Уильям де Буртон, рыцарь, Роберт Билькнап и Джон де Хенингтон.

Папа отказался принять королевских послов в Авиньоне. Нравы папской курии в то время не выносили тщательного осмотра. Было безопаснее, когда взгляды иностранцев созерцали их издалека. Папа выбрал Брегг в Нидерландах и отправил туда своих нунциев, чтобы вести переговоры с английскими посланниками. Переговоры растянулись на два года: результатом был компромисс, Папа, со своей стороны, обязался воздержаться от резерваций бенефиций, а король, со своей стороне, обещал больше не вести переговоров по своему приказу…Такая договоренность оставила за Папой право на бенефиции в Англии почти равные бенефициям суверена. Папа не отказался от своего права, а просто воздержался от его использования (обычная и удобная тактика папской политики), и это все, чего можно было добиться от переговоров за два года. В Англии этот результат никого не удовлетворил; его посчитали за ложное перемирие, которое не могло долго продолжаться; оно и не продолжалось; едва посланники вернулись домой, Папа начал так вольно обращаться с бенефициями и доходами, как будто он никогда не был связан по рукам обещанием и договором.

Есть причина подозревать, что интересы Англии были преданы на переговорах. Епископ Бангора, кому было доверено ведение посольства, по возвращении домой был немедленно переведен в диоцез Герефорда, а затем в 1389 году в диоцез св.Давида. Его повышение, в обоих случаях как папского посланника, было похоже на вознаграждение за содействие. Уиклифф вернулся домой недовольным потерянным временем и незначительным результатом. Но эти два года были для него далеко не потерянными. Уиклифф общался с видными людьми церкви из Италии, Испании и Франции, которые пользовались доверием Папы и кардиналов. Это позволило ему проникнуть в суть элиты, которая была недоступна его взору у него на родине. Другие уроки также были поучительны, хотя и неприятны, но очень важны. Он был недалеко от папской курии и мог наблюдать принципы, царствовавшие там, и мотивы, управлявшие ее политикой. Хотя он не встречался с Папой, он встречался с его представителями, и по слугам мог судить о хозяине; и, когда он вернулся в Англию, надо было провозгласить на крыше то, что до этого он говорил на ухо. Алчность, тщеславие и лицемерие были богами, которым поклонялись в римской курии, эти качества украшали папский престол.

Так провозглашал Уиклифф. В своих лекциях он говорил о Папе, как об «антихристе, надменном земном священнике Рима и самым проклятым из всех воров». В одном из сохранившихся трактатов он пишет так: «Они (Папа и его сборщики) вывозили из страны скудные заработки народа, ежегодно по тысяче марок королевских денег, для таинств и церковных дел, которые осуждены как ересь симонии, и заставляют весь христианский мир одобрять и поддерживать эту ересь. Конечно, наше королевство имело горы золота, и никогда никто не брал себе из них, и только этот всемирный церковный сборщик со временем может разорить эту гору, так как он увозит деньги из страны и ничего не посылает взамен кроме Божьего проклятия из-за своей симонии». Вскоре после возвращения из Брегга, Уиклиффа назначают ректором Люттерворта в Лисестершира, и так как повышение по службе исходило не от Папы, а от короля, это было знаком королевского одобрения его действий в комиссии и его растущего влияния при дворе.

Парламент, найдя, что переговоры ни к чему не привели, пошел на более решительные меры. Папа воспользовался небрежностью короля относительно исполнения статутов, направленных против злоупотреблений папского престола, много обещал, но ничего не делал. Он продолжал назначать иностранцев на английские приходы, несмотря на противоречивое соглашение. Если бы и дальше позволили такие посягательства, то вскоре он бы получил еще большие права, и назначал бы и на светские должности, и захватил бы власть во всем королевстве. Парламенту было ясно, что надо вести борьбу за независимость страны, но не было никого, кроме них, кто бы вел ее. Они издали обвинительный акт против посягательств Папы. В документе они изложили многочисленные бедствия,

нанесенные стране иностранной тиранией, которая вкралась в страну под духовным предлогом, и которая алчно поглощала плоды земли и произведения нации. Парламент продолжал заявлять, что доходы, получаемые Папой от королевства в пять раз превосходили доходы короля, что он умудрился сделать так, что одна и та же должность приносила ему шесть податей. Чтобы увеличить доходы он часто передвигал епископов с одной кафедры на другую; он ставил на приходы невежественных и никчемных людей, обходя достойных англичан, что препятствовало развитию знаний и добродетелей; что все было продажным в «порочном городе Риме»; что английские патроны, развращенные этим губительным примером, пользовались симонией без стыда и совести; что папский сборщик открыл в столице заведение с таким штатом служителей, как будто это был один из дворов великой страны, «передающих ежегодно Папе двадцать и даже более тысяч марок»; что Папа получал из Англии доходов больше, чем любой другой христианский король со своего королевства; что в том самом году он собрал первинки со всех бенефиций; что он часто вводил особую подать с духовенства, которую иногда тратил для поддержки врагов страны; что «Бог дал Папе Своих овец, чтобы он пас их, а не стриг или брил»; что «следовательно, было бы хорошо возобновить статуты против обеспечения Рима; и что “ни одного папского сборщика или поверенного не должно оставаться в Англии под страхом смерти; и что ни один англичанин, под угрозой такого же наказания, не должен быть таким сборщиком или поверенным, или оставаться при папской курии».

В феврале 1372 года в Англии появился папский агент, которого звали Арнольд Гарниер; он ездил по Англии со свитой слуг и шестью лошадями; и так как два с половиной года его никто не останавливал, он вернулся в Рим со значительной суммой денег. У него была королевская лицензия на возвращение в Англию, которой он позже и воспользовался. От него потребовали поклясться, что при сборе папских податей он будет соблюдать права и интересы короны и страны. Он принес клятву в 1372 году в Вестминстерском дворце в присутствии советников и важных лиц короны. Опасения патриотов не уменьшились ни в коей мере из-за поспешной клятвы папского агента; Уиклифф специально написал трактат, показав, что тот поклялся с тем, чтобы поступать противоречиво и необоснованно».

Именно Уиклифф вдохнул этот дух в палату общин Англии и вдохновил их на борьбу за права короля и свои собственные, как смелых подданных независимого королевства. Мы узнаем живой и резкий стиль в этом документе парламента. Папа был взбешен, когда увидел, что вызов к борьбе был брошен таким смелым образом. Он поспешил с презрением принять его, назначив итальянца на английскую бенефицию. Но парламент стоял твердо, палата лордов встала на сторону палаты общин. «Мы поддержим корону - говорили они - против тиары». Лорды приняли схожий курс; сохраняя за собой суждение на церковные постановления Папы, они

заявляли, что эти постановления не касаются светской власти, и поэтому папская власть не имеет преимуществ перед королевской.

Народ объединился в поддержку представителей сословий королевства. Он однозначно выразил свое мнение, когда назвал парламент, который принял строгие эдикты против булл и агентов Папы, «хорошим парламентом». Папа вяло продолжал спор несколько лет, но вынужден был окончательно сдаться перед решительной позицией нации. Статуты перестали оставаться мертвой буквой. Они применялись при каждой попытке папского назначения в Англию. Так отстояли права суверена и независимость страны; и одержанная победа была более ценной и длительной по своим последствиям, чем знаменитые победы при Креси и Пуатье, и прославила это время и это правление.

Это было вторым крупным поражением, которое испытала римская церковь. Англия отказалась быть вотчиной римской церкви, перестав платить подать Урбану; и сейчас восстав против папской юрисдикции, она объявила себя госпожой своей территории. Духовенство чувствовало откуда шли эти категорические отказы. Истинный автор движения, увеличившегося с каждым днем, не пытался скрываться. С тех пор как он вернулся из Брюгга, он чувствовал в себе новую силу, ведшую его вперед в этой войне. Не библейское основание и богохульное высокомерие папства еще больше открылось ему; и он начал противостоять ему со смелостью, красноречием и силой аргумента, которыми ранее не обладал. Многими путями он поднимал нацию: на научной кафедре в Оксфорде, на церковной кафедре в Люттенворте, в парламенте, чьи дебаты и эдикты он вдохновлял, и при дворе, чью политику он частично формировал. Его настроения находили отражение в общественном мнении. Вал накатывался. Иерархия подняла тревогу. Они позвали на помощь, и папа взялся за их дело, которое было не только их, но и его. «Великое число монахов разных орденов - пишет Фокс - пришло в ярость и бешенство, и (как шершни с жалами) напали на этого доброго человека со всех сторон, борясь (как говорится) за алтари и животы. За ними последовали священники, а затем архиепископ, которым в то время был Саймон Садбери».

Глава 7 - Папа и иерархия преследуют Уиклиффа.

Труды Уиклиффа проверяются. – Его учение представлено Папе. – Изданы три буллы против него. – Приказано явиться перед епископом Лондонским. – Джон Гонт сопровождает его. – Уиклифф перед судьями – Волнения – Ссора герцога Ланкастерского с епископом Лондонским – Толпа врывается. – Суд прекращается. – Смерть Эдварда III – Заседание парламента – Уиклиффа вызывают на совет. – Вопрос касается папских доходов с английских диоцезов, подчиненных ему. – Решение – Англия выходит из дома рабства.

Человек, который являлся источником такого губительного для папства движения, должен быть уничтожен. Труды Уиклиффа тщательно проверялись. В работах Уиклиффа не трудно было найти доктрины, направленные против власти и богатства римской церкви. Оксфордский профессор учил, что у Папы не больше власти отлучать или прощать людей, чем у простого священника; что ни епископ, и ни Папа не вправе отлучать кого-либо, если только он своими грехами не отвратит себя от Бога; что короли не должны давать вечные пожертвования церкви; что, когда их дарами злоупотребляют, они должны иметь право вернуть их; и что Христос не дал Папам светской власти и никакого превосходства над правителями. Эти высказывания из трудов Уиклиффа отослали Папе ГригориюXI.

В папской курии посчитали, что эти доктрины очень дурно пахнут. Они ударяли по той сфере привилегий понтифика, которой владельцы тиары всегда придавали большое значение. Если мир будет иметь такие же настроения как у Уиклиффа, прощай светская власть Пап и лучшая часть их царства. Дело предвещало Риму ужасную катастрофу, если вовремя его не остановить. За высказывание подобного учения Арнольд Брешиарский принес искупление в огне. Уиклиффа долгое время игнорировали, на него надо было немедленно обратить внимание.

Три отдельные буллы были изданы в один день, 22 мая 1377 года, и отправлены в Англию. В этих буллах было выражено удивление по поводу бездеятельности английского духовенства, которое до сих пор не уничтожило эту чудовищную ересь, выросшую на их земле, а также ему было приказано безотлагательно предпринять шаги, чтобы заставить замолчать автора ереси. Одна из булл была адресована Саймону Садбери, архиепископу Кентерберийскому и Уильяму Кортени, епископу Лондонскому; вторая была адресована королю, а третья - Оксфордскому университету. Все они были об одном и том же. В булле, адресованной королю, говорилось о величии Англии, «славной могуществом и богатством, но более известной благочестием своей веры, и ее воплощением, чтобы светиться светом Святого писания». Писание не было еще переведено на родной язык, и комплимент папы по этому поводу вряд ли был уместен.

Университету было приказано следить, чтобы тернии не росли среди пшеницы, и, чтобы с его кафедр не звучали высказывания «мерзкие и отвратительные, ведущие к разрушению статуса всей церкви и даже гражданского правительства». Булла, адресованная епископам, была написана более резкими выражениями. Папа очень бы не хотел, чтобы ректор Люттерворта и профессор богословия был «специалистом по заблуждениям», и не столкнулся бы с отвратительным злом, не только открыто его провозглашая, но и извергая из мерзкой темницы своей груди разные учения, лживые и ошибочные выводы, самые порочные и отвратительные ереси, чтобы он не развратил верных и не увел их с правильного пути на путь погибели». Поэтому они должны были арестовать Джона Уиклиффа и заключить его в тюрьму, отправить все доказательства и свидетельства его ереси Папе, заботясь о том, чтобы документ был, как следует, запечатан и отправлен с верным посыльным, и, чтобы все это время они содержали заключенного под стражей и ждали дальнейших указаний. Итак, Папа Григорий накинул на Уиклиффа волчью шкуру, чтобы пустить по его следу своих доминиканцев.

Епископы в своем рвении предварили приказы Папы. Прежде чем буллы достигли Англии, гонения на Уиклиффа уже начались. По требованию Кортени, епископа Лондонского, Уиклифф должен был явиться 19 февраля 1377 года в часовню Девы Марии собора св.Павла, чтобы держать ответ за свое учение. Уиклифф в сопровождении двух влиятельных друзей, Джона, герцога Ланкастерского, больше известного как Джон Гаунтский, и лорда Перси, Пэра-Маршала Англии, появился недалеко от того места, где проходило собрание. Герцог Ланкастерский и Уиклифф впервые познакомились, вероятно, в Брюгге, где им довелось исполнять одну миссию. Ланкастер высоко ценил заслуги Уиклиффа в политике и, возможно, даже в религии. Одобряя его взгляды, он решил поехать с ним и присутствовать на трибунале епископов. «Перед судьями стоял худой Уиклифф, одетый в длинную легкую мантию из черной ткани, какую носили тогда доктора, магистры и студенты Кембриджа и Оксфорда, подпоясанный по талии; его лицо, обрамленное длинной густой бородой, имело острые и смелые черты, ясный пронзительный взгляд, тесно сжатые губы, которые выражали решимость; вся его внешность выражала серьезность, значимость и твердый характер».

Троим друзьям нелегко было пробраться сквозь толпу. Когда они пробирались, возникло волнение, возмутившее суд. Перси первым пробился в часовню Девы Марии, где собрались церковные судья, одетые в рясы и носящие знаки отличия своего служения.

«Перси - резко сказал епископ Кортени, более раздраженный при виде смиренного ректора Люттерворта в сопровождении влиятельных друзей, чем

шумом, вызванным их появлением, - если бы я знал какого учения ты придерживаешься в церкви, я бы не дал тебе войти сюда».

«Он будет придерживаться этого учения - заявил резко Джон Гаунтский - даже если вы скажете нет».

«Садись, Уиклифф, - сказал Перси, оказывая небольшое почтение суду, который своими правами был обязан иностранной власти - садись, тебе ведь предстоит ответить на многие вопросы, поэтому необходимо передохнуть на мягком сидении».

«Он должен и будет стоять, - еще более раздраженно сказал епископ Кортени, - неблагоразумно, чтобы кто-нибудь на суде сидел в присутствии своего ординария».

«Предложение лорда Перси благоразумно - вставил герцог Ланкастерский - а что касается вас, - сказал он, обращаясь к епископу Кортени, - то вы выросли настолько надменным и горделивым, что я собью спесь не только с вас, но и со всего прелатства в Англии».

На эту угрозу епископ спокойно ответил, «что его упование не на земных друзей, а на Бога». Этот ответ еще больше воспламенил гнев герцога, и перебранка стала еще острее, пока, наконец, Джону Гаунтскому не сказали, что «если он будет так обращаться к епископу, его вытащат из суда за волосы».

Трудно сказать, куда бы зашел спор между герцогом и епископом, если бы на сцене не появились другие действующие лица. Толпа у дверей, услышав, что внутри что-то происходит, прорвалась сквозь заслон и хлынула в часовню. Яростный спор между Ланкастером и Кортени потонул в еще более громких криках толпы. Все пришло в волнение и возмущение. Епископы представляли себе скромного ректора Люттерворта, смиренно стоящего и даже трепещущего у барьера суда. Теперь настала их очередь трепетать. Вызов в суд, подобно опасному заклинанию, которое ударяет рикошетом того, кто использует его, спровоцировал такую бурю, которую они не могли успокоить, несмотря на все свое умение и власть. Не могло быть и речи о продолжении процесса. Епископы поспешно удалились; Уиклифф вернулся домой; «итак, - пишет некто - собрание, прерванное скандалом и шумом, разошлось до 9 часов».

Исход дела благоприятствовал реформации. Иерархия получила отпор; дело Уиклиффа стали более широко обсуждать и лучше понимать. В этой критической ситуации в высших кругах произошли события, которые могли защитить реформатора и его взгляды. Эдвард III, который славно правил и долго в этой славе жил, умер 21 июня 1377 года. Его еще более знаменитый сын, Черный Принц, который ранее сошел в могилу, оставил трон наследнику, мальчику 11 лет, ставшему преемником своего деда под именем Ричард II. Его мать, вдовствующая королева

Уэльская, была женщиной по духу близкой настроениям Уиклиффа, и не боявшейся, как увидим, заявлять об этом. Новый суверен, спустя два месяца после вступления на трон, созвал свой первый парламент. Он состоял почти из тех же людей, что и «хороший парламент», который принял строгие эдикты против «содержания» и других злоупотреблений Папы. Новый парламент еще более склонялся продолжать войну с Папой, чем предыдущий. Он вызывал Уиклиффа на свои заседания. Его влияние быстро росло. Доверенное лицо королей, советник парламента, он стал влиятельным в Англии. Не удивительно, что Папа наметил его для уничтожения.

Пока буллы, намеревавшиеся сокрушить Уиклиффа, были еще в пути, парламент ясно высказал доверие ему, как умному и честному человеку, представив ему на рассмотрение следующий вопрос: «Может ли английское королевство, в случае необходимости, задержать или не посылать состояние королевства ради своей защиты, чтобы не отправлять его в чужую страну, хотя Папа требует этого под страхом осуждения».

Нам это кажется простым делом, но для наших предков в 14 веке оно было сопряжено с большими трудностями. В то время самые лучшие и смелые люди Англии боялись церковной угрозы, которой Папа сопровождал свои требования, и не смели отвергнуть их, пока Уиклифф не уверил их, что в этом вопросе у Папы нет прав приказывать, и в котором они не навлекают на себя греха или опасности за непослушание. Ничего лучше не может показать ту рабскую зависимость, в которой пребывали наши отцы, и медленные кропотливые шаги, которыми они выходили из дома рабства.

Всвязи с чем возник вопрос, поднимаемый Уиклиффом? Он касался дела, которое особенно раздражало англичан. Папы тогда находились, как они это называли, в «Вавилонском пленении», в Авиньоне. Все время правления Эдварда III папство, изгнанное из Рима, имело свое резиденцию на берегах Роны. Одним из результатов этого было то, что когда папское кресло освобождалось, его занимал француз. Симпатии Папы-француза были, несомненно, на стороне своей страны, и в войне, которая тогда велась, естественно было предположить, что, по крайней мере, часть денег, поступавших Папе из Англии, шли на поддержку французской стороны в войне. Из страны не только выкачивалось ее богатство, но оно еще против нее и оборачивалось. Разве можно было это дальше терпеть? Полагали, что в то время на руках папских сборщиков была огромная сумма денег для отправки в Авиньон, чтобы использоваться так же, как и ранее отправленные туда деньги, а именно для уплаты жалования солдатам, воевавшим против Англии. Разве не лучше было оставить это золото дома? Ответ Уиклиффа был утвердительным, и основания его мнения были кратко и просто изложены. Он доказывал не на основании канонических законов или законов Англии, но на основании Библии. Бог, он сказал,

наделил каждое общество властью на самосохранение; а любая власть, данная Богом любому обществу или народу, может быть использована с той целью, с какой она была дана. Это золото принадлежало Англии, и могло быть, несомненно, оставлено для нужд и обороны Англии. Но на это могут возразить: не является ли Папа, наместник Бога, верховным правителем любой мирской власти, диоцеза или церковной организации христианского мира? Именно на основании своей верховной власти он требовал эти деньги и бросил Англии вызов при угрозе их задержания. Но кто, продолжал Уиклифф, дал Папе светскую власть? Я не нахожу этого в Библии. Апостол Петр мог дать Папе лишь то, чем владел сам, а у него не было светской власти. Папа, аргументировал Уиклифф, должен выбрать между апостольством и царствованием. Если он предпочитает быть королем, то он ничего не должен требовать от нас, как апостол; а если он пребывает в апостольстве, то тогда он тоже не может требовать денег, так как ни Петр, никто другой из апостолов не налагали подати на христиан; они жили на добровольные пожертвования тех, кому служили. То, что Англия давала Папе, была не подать, а милостыня. Но милостыню можно просить только в том случае, если проситель нуждается. Так ли дело обстоит с папством? Разве не переполнена его казна? Разве Англия не беднее из них двоих? Она испытывает огромные нужды, вызванные двойными расходами: папскими поборами и тяготами войны. Пусть благотворительность начнется с дома, пусть Англия, вместо того, чтобы посылать свои деньги беднякам из Авиньона, одетым в пурпур и роскошно живущих каждый день, оставит золото для своих нужд. Так реформатор вел своих соотечественников шаг за шагом, по мере того, как они могли идти.

Глава 8 - Возобновление преследования Уиклиффа со стороны иерархии.

Прибытие трех булл – Антипапская политика Уиклиффа – Полное ниспровержение католицизма. – Новый вызов в суд – Предстает перед епископами в Ламберте. – Толпа народа. – Их уважительное отношение к Уиклиффу – Послание суду от вдовствующей королевы – Беспокойство епископов – Моментальное прекращение заседания – Сравнение беспорядков в Англии четырнадцатого века с Французской революцией девятнадцатого века. – Суть защиты Уиклиффа – Власть связывать и отпускать.

Между тем, три папские буллы прибыли в Англию. Булла, адресованная королю, нашла Эдварда в могиле. Булла, отправленная в университет, была встречена холодно. Не напрасно Уиклифф преподавал в его залах много лет. Более того, университет ценил высоко свою известность, чтобы погасить самый яркий свой светильник. Но булла, адресованная епископам, нашла их в другом настроении. Прелаты были охвачены тревогой и гневом. В основном при содействии Уиклиффа Англия была избавлена от абсолютного подчинения папскому престолу. Именно он положил конец папским назначениям, отстояв, таким образом, независимость английской церкви. Он также отстоял право нации распоряжаться своей собственностью, бросая вызов церковному террору, с помощью которого Папы пытались забрать ее в свою казну. Таким образом, руководимый своими советниками, и, укрепленный своими правами, парламент шел вперед, предпринимая одну смелую меру за другой. Прозорливый гений этого человека, его безукоризненная честность, невозмутимое, осторожное и, однако, яростное бесстрашие делали скромного ректора Люттерворта грозным соперником. Кроме того, глубокое понимание папской системы позволило ему повести за собой парламент и народ Англии так, что они пришли к отрицанию не только светских притязаний, но и духовной власти римской церкви. Акции протеста, направленные против папской власти, были, по видимому, ограничены политической сферой, но они были основаны на принципах, касавшихся и духовной власти. Они не могли иметь другого результата, кроме полного уничтожения всей системы власти римской церкви в Англии. Это и предвидела иерархия; поэтому прибытие папских булл было встречено ими с восторгом, и они, не теряя времени, приступили к действию.

Архиепископ вызвал к себе Уиклиффа в апреле 1378 года. Суд должен был заседать в часовне архиепископа в Ламбете. Содержание папских булл, которыми оперировали прелаты, было приведено в предыдущей главе. Следуя шагам ранее осужденных ересиархов (говорилось в папском послании), он не только не повторил их заблуждения, но и добавил свои собственные, и с ним надо обращаться, как люди обращаются с «обычным вором». Прелаты благоразумно решили не подчиняться

последнему предписанию. Издать такой приказ было достаточно безопасно в Авиьоне или Риме, но не безопасно было исполнить его в Англии. Друзей реформатора, включая все сословия, начиная от короля и ниже, было так много, чтобы равнодушно наблюдать, как Уиклиффа схватят и посадят в тюрьму, как обычного негодяя. Поэтому прелаты удовлетворились тем, что вызвали его к себе, надеясь, что это приведет естественным путем к темнице, куда они хотели его водворить. В тот день такая же большая толпа, и еще более дружелюбно настроенная к Уиклиффу, чем та, которая осаждала двери собора св.Павла в первый его вызов, окружила дворец Ламбет, на правом берегу Темзы, напротив Вестминстера, где проходило несколько соборов со времен Ансельма Кантерберийского. Уиклифф находил широкую поддержку как патриот, но его требования, как богослова и реформатора, не были пока признаны и полностью поняты. Отсюда и выступление в его поддержку.

Для архиепископа эта толпа была лишь верным предзнаменованием спокойного завершения судебного процесса. Садбери зашел слишком далеко, чтобы отступать. Уиклифф явился, но рядом с ним не было Джона Гаунтского. Дебаты перерастали из политической сферы в духовную, куда мужественный и доблестный барон, испытывавший страх только перед ересью и, особенно, последующими наказаниями, боялся вступать. Бог учил Своего раба идти одного, полагаясь только на Него. У ворот Ламбета Уиклифф понял, что если бароны оставили его, то народ был на его стороне. Толпа почтительно расступилась, чтобы пропустить его; и граждане, постепенно вступая вслед за ним, заполнили часовню, проявляли жестами и скорее энергичными, чем подобострастными, речами свою причастность делу и свое намерение постоять за героя. Казалось, что любое высказывание Уиклиффа поднимало бурю среди судей. Архиепископ и судьи обсуждали, как выдворить или утихомирить незванных гостей, когда вошел посыльный и усугубил их испуг. Это был Сэр Льюис Клиффорд, который был послан королевой-матерью с запрещением епископам выносить приговор реформатору. Прелаты окончательно испугались. И процесс тут же прекратился. «Как тростинка, колеблемая ветром, - так описывает Уолсингем эту сцену - их речь стала елейной, был нанесен удар по их достоинству и всей церкви. Они были так напуганы, что, казалось, что они ничего не слышали и не могли произнести никакого упрека». Самым спокойным и хладнокровным в этом собрании оказался Уиклифф. Во второй раз он вернулся целым и невредимым с судебного заседания своих влиятельных врагов. Он, как будто, был подхвачен и унесен вихрем.

Огромный список обвинений был вручен Уиклиффу по поводу его высказываний. Утомительно было бы их перечислять; также нет необходимости детально рассматривать приготовленные им ответы, которые он собирался зачитать суду, когда разразилась буря. Заседание быстро закрылось. Но необходимо отметить

суть его защиты, потому что это позволить определить нам степень освобождения самого Уиклиффа, ведь этапы просвещения реформатора являются этапами реформации. Мы сейчас стоим у колыбели протестантизма в Англии и видим нацию, пробудившуюся от глубокого сна, голосом Уиклиффа, и сделавшей первое усилие на дороге к освобождению. Если небольшой шум будет сопровождать эти усилия, соберутся толпы, возвысят свои голоса и испугают прелатов на судейском месте, то эта грубость пусть останется у дверей тех, кто утаил наставления, которые научили бы народ реформировать религию, не нарушая законы, и осудить обман, не выражая сильных чувств к отдельным личностям. Было бы лучше для Англии, чтобы она оставалась в оковах, нежели нарушила покой почтенных церковников, срывая их? Возможно, были и такие, которые предпочитали апатию рабства. Но, в конечном счете, как безопасны были волнения, которые сопровождали пробуждение народа в Англии в 14 веке по сравнению с трагедиями, революциями, резней и войнами, среди которых мы видим страны (спавшие, когда Англия пробуждалась) с тех пор, когда они начали бороться за свое освобождение.

Документ, врученный Уиклиффом судье, лишен схоластической формы, (так как по стилю этой школы он начинается с нескольких аксиом, оканчивается несколькими противоречиями и делает выводы посредством длинной серии исследований и отличительных признаков) и по существу является следующим: Папы не обладают никакой политической властью и их сфера влияния является только духовной; их духовная власть не является абсолютной, чтобы они могли быть судимы только Богом; напротив Папа может впасть в грех, как и другой человек, и если это происходит, он должен быть обличен и возвращен на правильный путь своими кардиналами; а если они слабы, чтобы призвать его к отчету, то низшие по сану священники и даже миряне «могут в профилактических целях обличать, призывать к суду и заставлять вести более праведную жизнь»; Папа не владеет имуществом священников и церковными домами, которые некоторые священники передали ему, чтобы уклониться от уплаты налогов, взимаемые суверенами для нужд государства с их собственности; ни один священник не вправе навязывать мирское требование путем церковного осуждения; власть священника прощать или осуждать является лишь пастырским служением; прощение будет бесполезным, если вместе с этим не последует прощение от Господа, также и отлучение не навредит никому, если тот не вызовет своим грехом гнев великого Судьи.

На этом последнем пункте Уиклифф часто настаивал; он проникает глубоко, ударяя по одному из столпов, на которых стоит папское государство, и вырывая из его рук ужасный трезубец, которым он управляет миром - власть анафемы. Этот важный пункт, «владение ключами», как он формально называется, и о котором Уиклифф учил, выражен в четырнадцатой статье. «Мы должны верить, - пишет Уиклифф - что только тогда христианский священник связывает или разрешает,

когда он просто исполняет закон Христов, потому что противозаконно вязать или разрешать не силой этого закона, и поэтому только в соответствии с ним.

Если бы Уиклифф рассеял веру во власть папы вязать и разрешать, он бы окончательно снял оковы, связывавшие сознание нации. Зная, что основная причина рабства страны заключалась в подчинении ее сознания, Уиклифф при освобождении ее души, фактически одним махом достиг освобождения Англии.

Глава 9 - Взгляды Уиклифа на церковную собственность и реформу.

Вечное наследство – Чрезмерные богатства – «Мертвая рука» - Пагубные последствия – Представлено и объяснено Уиклиффом. – Его мнение относительно церковной собственности. – Десятина – Новизна взглядов – Его план реформы – Как он предлагал провести ее. – Рим – рынок. – Независимость и мужество Уиклиффа – Его план подробно рассматривается на парламенте после его смерти. – Прогресс Англии – Ее выход из дома заключения. – Величественное зрелище – Песнь торжества.

Был еще и другой вопрос, к которому Уиклифф часто обращался, так как считал его вторым по значению после «владения ключами». Это - церковная собственность. Церковь уже стала не только несметно богатой, но она, хотя и провозгласила догму, которая стала крепкой преградой к обладанию даже одним пенсом, обеспечила, чтобы ее накопления продолжались, пока стоит мир. То, что дают церкви - дают Богу, говорилось в каноне; это посвящено, освящено и отделено как святое, и не может быть использовано никогда для мирского предназначения; и кто забирает какую-нибудь часть из этого у церкви, обкрадывает Бога и совершает святотатство. И тот человек, кем бы он ни был, бароном или духовного звания, который осмелился отнять хоть один акр из ее владений или один пенс из ее казны, отлучается от церкви законом. Это состояние нельзя было даже взять обратно, оно было единственно абсолютным и вечным наследием церкви.

Недовольство этим возрастало из-за огромных владений, приобретенных благодаря податям и поборам. У духовенства не было никаких интересов к стране, кроме того, чтобы грабить ее. Третий Латеранский собор запретил всем мирянам, под угрозой обычного наказания, взыскивать налоги с духовенства, накладывать контрибуцию на них или их церкви. Если нужды государства будут велики, а земли мирян не достаточны, то священники по доброй воле могут предоставить добровольные субсидии. Четвертый вселенский Латеранский собор обновил этот закон, наказывая отлучением от церкви игнорирующих его, и милостиво разрешив священникам помогать государству в тяжелом положении, если они считали это необходимым, и Папа не был против. Существовало «царство священников», собственников половины земли, каждый дюйм которой был за священной оградой, чтобы никто и пальцем не мог коснуться ее без согласия понтифика, ее правителя-иностранца.

В этих несметных богатствах Уиклифф увидел источник многих зол. Страна разорялась, правительство ослабевало. Владения церкви постоянно росли, а земли, которые покрывали нужды государства и обеспечивали доходами корону, постепенно сокращались. Обладание таким богатством было не менее губительно для тех, кто ими владел, чем для тех, у кого оно было отнято. Откуда проистекали

многие пороки церкви: надменность, роскошь и праздность священников? Очевидно из этого огромного богатства. Для священного употребления! Так это провозглашалось. Чем больше увеличивалось богатство, тем менее священные цели оно преследовало, и тем более чудовищным было пренебрежение обязанностями, возложенных на его обладателей.

Но собственные слова Уиклиффа лучше передадут нам его настроения по этому вопросу, и степень, которой достигло это зло.

«Прелаты и священники - пишет Уиклифф - кричать и пишут, что король не имеет юридических прав и власти над людьми и имуществом святой церкви. И, когда король и лорды осознав, что милостыня их предков тратиться на роскошь, надменность, обжорство и другие ненужные дела, захотели забрать излишек имущества и помочь стране, самим себе и ее жителям, эти мирские служители закричали во всю глотку, что те будут прокляты за удерживание собственности святой церкви, так как палаты лордов и общин не являются частью святой церкви».

И опять он жалуется, что собственность, которая не считалась достаточно святой, чтобы употребляться на «обжорство и тщеславие», однако, признавалась святой для использования на нужды государства и оборону королевства.

«По новому закону декреталий - пишет он - они постановили, что наши священники не будут платить ни субсидии, ни налоги для поддержания короля и королевства без разрешения и согласия мирского священника Рима. И много раз этот надменный мирской священник был врагом нашей страны, и тайно поддерживал наших врагов в войне против нас нашим же золотом. И поэтому они выбрали священника-иностранца, и самый надменный из священников стал господином всей собственности своих служителей в королевстве, что составляет большую часть».

Уиклифф был не просто критиком нарушений, но и реформатором системы, и поэтому он выдвинул принцип, угрожавший самим основам величайшего зла.

Акры, простирающиеся по половине поверхности Англии, церковные и монастырские здания, десятины и доходы, которые представляют «имущество» церкви, не являются, утверждал Уиклифф, собственностью церкви ни по закону, и ни по здравому смыслу. Она не купила ее, не завоевала ее на полях сражений, и не получила ее как феодальный безоговорочный дар. Это милостыня английской нации. Церковь является лишь управляющей этой собственностью; страна является истинной владелицей, а страна обязана через короля, парламент, ее представителей наблюдать, чтобы церковь посвящала свое состояние тем целям, для которых оно было ей дано; и если страна обнаружит, что она злоупотребила или отклонилась от этих целей, она может забрать его. Церковнослужитель, который живет безнравственно и не выполняет своих обязанностей, лишается должности вместе с

имуществом, и один закон распространяется как на отдельного человека, так и на всю организацию или церковь. Такова, вкратце, доктрина Уиклиффа.

Но далее реформатор проводит разграничение между землями аббатства или монастыря, и землями соседнего барона. Первые были государственной собственностью, а вторые - частной; первые содержались для духовных целей, а вторые - для мирских; и насколько плоды первых, учитывая как земные, так и вечные интересы человечества, превосходили плоды вторых; и как страна была обязана следить и стоять на страже любых искажений и нарушений первых. Барон мог пировать, охотиться, выезжать в сопровождении любого количества вооруженных людей; он мог проводить свои дни в труде или праздности, как он пожелает. Но епископ должен воздерживаться от этих удовольствий и мирской суеты. Он должен предаться чтению, молитве, служению Слова Божьего; он должен просвещать невежественных, навещать больных, и проявлять себя во всем как истинный слуга Иисуса Христа. Но, в то время как Уиклифф так разграничивал церковную и светскую собственность, он считал, что относительно королевских податей владения епископов и владения баронов равнозначны. Суверен вправе брать налоги как с одних, так и с других, и оба обязаны были нести свою долю расходов для обороны страны. Далее, Уиклифф считал решение короля по всем вопросам церковной собственности окончательным. И пусть никто не боится - говорил Уиклифф - придерживаться этих взглядов и действовать согласно им, опасаясь папского осуждения. Духовная буря не поразит никого, чье дело право.

Даже десятины не могли быть востребованы, считал Уиклифф, церковной властью. Десятая часть всего, что давала земля, по Божией заповеди, откладывалась на поддержание церкви при Моисее. Но этот закон, учил Уиклифф, больше не действовал. «Ритуал» и «устройство» такого распределения прошли, а осталось только поучение. И это поучение Уиклифф свел к словам апостола: «Пусть тот, кого наставляют в слове, служит тому, кто учит всему благому». Усиленно настаивая на обязанности наставляемых обеспечивать своих духовных учителей, он, не колеблясь, заявлял, что если священник не справляется со своим служением, то люди не обязаны содержать его; а если он будет пытаться вымогать деньги, обещая рай или угрожая анафемой за работу, которую он не выполнял, и у людей, которых он никогда не учил, то они должны относиться к обещанию и к угрозе, как пустым и несерьезным. «Праведные люди говорят, - пишет Уиклифф - что прелаты обязаны проповедовать Евангелие более, чем их подданные обязаны платить им десятину; так как Бог требует, прежде всего, этого, как полезного для обеих сторон. Следовательно, прелатов скорее надо предать анафеме за оставление проповеди, чем прихожан за неуплату десятины, даже если прелаты хорошо выполняют служение.

Во времена Уиклиффа это были новые и необычные взгляды. Чтобы вместить такие взгляды, требовалось неординарное независимое мышление. Они находились в противоречии с принципами того времени; они были противоположны взглядам, на основании которых церковь и государство действовали тысячу лет; и они вели к разрушению всей церковной структуры христианского мира. Если их применить, то все существующие церковные организации должны быть перестроены. Но, почему бы это не осуществить? Уиклифф не устранял такую возможность.

Он предложил, и не только предложил, но и настоятельно просил короля и парламент о том, чтобы вся церковная собственность была преобразована согласно изложенных им принципов. Пусть церковь откажется от всех ее владений: земель, роскошных строений, десятин, многочисленных сборов, и вернется к простоте первых дней, и будет зависеть только от добровольных пожертвований людей, как первые апостолы и проповедники Евангелия. Такой план изложил Уиклифф людям 14 века. Можно хорошо представит удивление, с которым его слушали.

Действительно ли Уиклифф не терял надежды, что его план сработает? Действительно ли он думал, что влиятельные аббаты и состоятельные прелаты пожертвуют своими приходами, собственностью и почетом по призыву долга и, обменяв богатства на зависимость, и пышную праздность на труд, пойдут учить бедных и невежественных людей как кроткие служители Евангелия. В мире не было веры для такого самоотречения. Если бы это произошло, это было бы самым удивительным в истории фактом. Уиклифф и сам не надеялся, что такое произойдет. Он слишком хорошо знал церковников того времени, их жадность и надменность, от их главы в Авиньоне и ниже до босоногого нищенствующего монаха в Англии, чтобы ожидать такого чуда. Его труд не мог быть определен случайным успехом. Была нужна реформация; нужно было попытаться спасти церковь и государство; и такая реформа была, как он полагал, предложена в Писании, и была утверждена Христом и его апостолами. Хотя она была быстрой и всесторонней, опрокидывавшей практику тысячи лет, осуждавшей принципы прошлых веков, и обязательно провоцировавшей враждебность самой богатой и влиятельной структуры христианского мира, он полагал, что она осуществима, если у людей будет достаточно сил и мужества. Кроме того, он считал ее совершенной и единственной реформой, которая может противостать злу. Поэтому, хотя знать оставила его, а Папа обрушил на него свой гнев, и епископы вызвали его на суд, он бесстрашно продолжал трудиться, представив свой план во всей его широте взору всей страны, и возложив его к подножью трона. Но Уиклифф, человек, как действия, так и здравого смысла, не собирался осуществлять революцию одним ударом. Он знал, что любые большие перемены должны проходить постепенно. То, что он предложил, заключалось в том, что при освобождении бенефиций, новые кандидаты не получали прав на церковную собственность, и так в короткое время, без ущерба

и неприятностей, облик всей Англии преобразится. «Хорошо известно, - пишет он - что король Англии по своему законному праву после смерти аббата или епископа, или любого другого владельца большой собственностью, вступает во владение этой собственностью как суверен, и новые выборы не начинаются без согласия короля, и церковная собственность в таком случае не переходит от последнего владельца к его преемнику без такого согласия. Пусть король откажется выполнять то, что было большим упущением его предшественников, и в короткое время все королевство будет освобождено от бедствий, которые изливались из этого источника».

Можно возразить, что лишая церковь ее собственности означало нанести ущерб религии и цивилизации. Абстрактный вопрос здесь неуместен, давайте рассмотрим вопрос с практической точки зрения или как он представлялся Уиклиффу. Изъятие церковной собственности из служения было почти завершено. Что касается религиозных наставлений и духовных интересов нации, то богатство мало этому способствовало, как если бы оно совсем не существовало. Оно служило только для поддержания роскоши высшего духовенства и избытков, царящих в домах духовных лиц. Тогда вопрос, практически, заключался не в том: изымать ли эту собственность из церковного пользования, а в том: изымать ли ее из действительного пользования, которое, конечно, не церковное, и посвящать другим более полезным для государства целям? На этот счет у Уиклиффа была определенная точка зрения; он видел лучший способ содержания духовенства, и думал, что может разработать вариант не худший существующего. «Так происходит, потому что жалкие существа этого мира – пишет он – отстранены от веры, надежды и милосердия, и погрязли в ереси и богохульстве хуже язычников. Вот почему служитель, простой сборщик пенсов, который не умеет читать, не понимает и стиха из псалтири и не знает на память Божьих заповедей, доставляет буллу от руководства, и заявляет вопреки Божьему постановлению и здравому смыслу, что он может управлять душами. И чтобы действовать согласно этой лживой булле, он будет терпеть убытки, трудиться, бороться и получать плату, и отдаст золото нашей страны иностранцам и врагам; многие будут убиты руками врагов к их утешению и нашему поражению».

Где-то в другом месте он описывает римскую церковь как рынок, где продавались приходы, и где тот, кто предлагал самую высокую цену, получал самую жирную бенефицию. Добродетели, благочестие и знания не ценились на этом рынке. Единственной монетой, находившейся в обращении, было золото. Но тех людей, которые торговали там и вернулись, облаченные в духовное служение, он описывает следующим образом: «Поэтому, насколько Слово Божие и отблеск неба в душах людей лучше всего земного, настолько эти земные прелаты, которые отказались от святой обязанности учительства, хуже воров; более кощунственны, чем простые грабители, которые взламывают церкви, крадут чаши и облачения, но никогда так много золота».

Какое не было бы мнение читателя о настроениях Уиклиффа по этому вопросу, существует лишь одно мнение о независимости его мышления и верности тому, что он считал истиной. Обращаясь назад в историю и оглядывая этот мир, он видел лишь единодушное несогласие со своей доктриной. Все эпохи были против него, все учреждения христианского мира были против него. Только Библия, верил он, была с ним. Опираясь на нее, он смело заявлял о своем мнении. Риск был велик, так как он сделал своими врагами всю иерархию христианского мира. Особенно он вызвал гнев духовного правителя, которому в то время могли безнаказанно бросить вызов лишь несколько королей. Но он верой видел Невидимого, и поэтому не боялся Григория. Зло, которое доставляло это богатство, беспорядки и слабость, которыми оно поражало государство, безнравственность и невежество, которыми оно портило общество, и вечная гибель, в которую оно ввергало души людей, глубоко волновали его. И даже если богатство, от которого он искренне уговаривал их отказаться, было бы в миллион раз больше, чем на самом деле, то оно было, по его мнению, пылью по сравнению с огромным ущербом, связанным с его хранением, и огромным благом, которое они бы приобрели, расставшись с ним.

Не только людям того времени эта мера Уиклиффа казалась слишком экстравагантной. Несомненно, перехватило дух у тех, кто касался этого золота; но более трезвые и рассудительные люди нации начали видеть, что это было, не так уж нереально, как казалось, и вместо разрушения, могло быть спасением учреждений образования и религии. Спустя 24 года после смерти Уиклиффа палатой общин была предложена большая часть церковной реформы. Проект был подан в виде петиции парламента королю, который сводился к следующему: корона должна владеть всей церковной собственностью; она должна назначать священников, в количестве пятнадцати тысяч, для церковного служения в королевстве; она должна назначить каждому ежегодное содержание; излишек церковной собственности должен передаваться для различных государственных нужд, одной из которых было строительство и содержание богаделен.

Те, у кого была власть, не могли или не хотели понимать благоразумие Уиклиффа. Те, кто понимал, не имели власти, чтобы действовать согласно с ней, и поэтому имущество церкви оставалось нетронутым; а оставшись нетронутым, оно продолжало расти, и вместе с ним все то зло, что оно порождало, пока, наконец, это стало невыносимым. Тогда даже папское правление признало мудрость слов Уиклиффа и стало действовать согласно его плану. В Германии, согласно Вестфальскому договору, в Голландии, в нашей стране многие из самых богатых бенефиций были секуляризованы. Когда, в более позднее время, большинство католических монархов запретили иезуитов, имущество этой богатой организации было захвачено правителями. В этих памятных примерах мы не находим и следа собственности, а только возобновление государственного содержания

общественным служителям, когда их служение или образ действий не был более полезен.

Эти примеры являются лучшим свидетельством глубокого здравомыслия взглядов Уиклиффа; чем больше мы задумываемся о том времени, в котором они сформировались, тем больше мы поражаемся дальновидностью, всесторонностью, смелостью и верой реформатора.

В этих событиях мы видим выход Англии из страны рабства. Уиклифф был единственным вождем этого славного выхода. Аарона не было с этим Моисеем. Но нация следовала за своим героическим руководителем и твердо шла по великому пути своего освобождения. С каждым годом увеличивалось расстояние между ней и покидаемым рабством, и приближалась свобода. Какая перемена по сравнению с днями короля Иоанна! Тогда Иннокентий попирал страну ногой. Англия была его смиренным вассалом, вынужденная откупаться от его интердиктов и проклятий своим золотом, и склоняться даже до земли перед его легатами; но сейчас, благодаря Уиклиффу, Англия стоит прямо и встречается с надменным понтификом на равных.

Какую замечательную логическую последовательность можно проследить в процессе освобождения страны! Первый шаг должен был сбросить политическую зависимость страны от папского престола; второй шаг должен был отстоять независимость своей церкви от той, которая горделиво объявляла себя «матерью и госпожой всех церквей»; третий шаг должен был доказать единоличное и бесспорное пользование своей собственностью, запретив увозить за море золото страны в пользование ее врагам. И теперь был предпринят еще один шаг. Было сделано предложение ослабить власть суеверий в королевстве сокращением разросшихся доходов, безрассудного лозунга кощунства, единственного оружия, с помощью которого церковь пыталась защитить богатство, приобретенное не самыми честными средствами, и которое она использовала не на благо.

Англия была первой из европейских стран, вырвавшейся из тюрьмы, в которую поместил все народы коронованный король на семи холмах. Жестокий надзиратель провозгласил полное и окончательное лишение независимости и прав всех народов. Но, Тот, Кто «открывает глаза слепым» и «поднимает согбенных», пожалел тех, кого угнетатель определил на вечный плен и открыл двери темницы. Мы в песнях прославляем исход в древности. Мы превозносим мощь Десницы и силу Мышцы, которая разбила могущество фараона, «открыла медные врата и сокрушила железные запоры», разделила море и вывела евреев из рабства. Это было образом того, что происходило в действительности. Англии идет вперед, первой из всех стран, под руководством Уиклиффа, ободряя мир своим примером, что все пленные народы, которые были вместе с ней в рабстве, каждый в свой срок, будут свободны, как она.

Если посмотреть, были ли в истории бо;льшее препятствие и бо;льшая драма? Мы забываем чудеса первого исхода, когда говорим о большем масштабе и более продолжительной славе второго. Когда мы размышляем о горечи и низости рабства, из которого вышла Англия, о славном наследовании свободы и Богом данной религии, к которой она направила свои стопы; мы не находим слов, чтобы выразить благодарность и хвалу, кроме слов божественного псалма, давно написанного и одновременно предсказавшего и прославившего это знаменательное освобождение: «Он вывел их из тьмы и сени смертной, и расторгнул узы их. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих».

Глава 10 - Перевод Писания или английская Библия.

Опасность для Уиклиффа – Смерть Георга XI – Смерть Эдварда III – Как следствие безопасность Уиклиффа. – Папская схизма – Разделение христианского мира – Какой Папа истинный? – Папская гроза – Уиклифф возвращается в Люттерворт. – Его взгляды продолжают распространяться. – Высший авторитет Писания – Болезнь, беседа с монахами – Решает переводить Библию. – Ранние переводы – Беда и другие – Перевод Уиклиффа – Его красота – День реформации почти наступил. – Переписывание и публикация. – Произведенное впечатление – Право читать Библию – Священники угрожают. – Уиклифф защищает. – Преобразования в Англии завершены.

Пока Уиклифф боролся, чтобы разорвать сначала все свои оковы, а затем оковы нации, Бог производил работу в высших планах для его сохранения. С каждым днем число врагов росло. Щит Джона Гонта больше не прикрывал его голову. Вскоре рядом с ним не оказалось ни одного друга, он остался открытым и беззащитным перед яростью врагов. Но, Тот, Кто сказал древнему патриарху: «Не бойся, Я – с тобой», защищал Своего избранного борца. Уиклифф нанес Григорию несмываемое оскорбление; он вырвал Англию, как жертву, из его зубов; он изгнал его сборщиков податей, которые непрестанно кружили над страной, как стаи бакланов. Но, не ограничившись обрезанием когтей папства и пресечением его жадности в будущем, он думал, как можно заставить его отчитаться за прошлое и отдать богатства, которые оно многими сомнительными путями уже поглотило, посылая аббатов и бедных, как первые апостолы и проповедники, монахов. Этого нельзя было стерпеть. За сотую долю этого, сколько людей принесло искупление на костре! Не удивительно, что Уиклиффа выделили, как человека, предназначенного к уничтожению. С этой целью Григорий послал три буллы, университету, церковной иерархии, королю: всем понтифик приказал арестовать и заключить в тюрьму еретика, что было прямым путем на костер. Уиклифф был фактически мертв; так, несомненно, считали в Авиньоне.

Смерть готова была обрушиться; но удар был предназначен Григорию XI. Вместо костра в Оксфорде, был похоронный катафалк в Ватикане. Папа незадолго до этого, вернулся в Рим из, так называемого, «Вавилонского пленения», но вернулся только с тем, чтобы умереть (1378 г.). Смерть пришла во второй раз не только в Ватикан; похороны были и в Вестминстере. Когда Кортени, епископ Лондонский собирался вызвать Уиклиффа в суд, Эдвард III, чьей старостью хотел воспользоваться епископ против реформатора, тоже умер, а регентом королевства стал Джон Гонт. Итак, когда папские сети затягивались вокруг Уиклиффа, рука, которая их раскидовала, была схвачена смертью. И комиссия посланников, назначенная ныне покойным Григорием, которой было поручено осудить Уиклиффа, распалась.

Другими словами, смерть Папы дала передышку реформатору и юной реформации Англии. Кардиналы собрались в Квиринале 7 апреля 1378 года, чтобы избрать преемника Григория. Так как большинство священного собрания представляли французы, то толпы римлян, боясь, что они посадят кого-нибудь из своего народа на освободившийся престол, и что папская курия опять переедет в Авиньон, собрались вокруг дворца, где заседали кардиналы, и громкими криками и угрозами потребовали, чтобы Папой был выбран римлянин. Ни один кардинал не выйдет из зала живым, угрожали бунтовщики, если их требование не будет удовлетворено. Был избран итальянец, епископ Барии, и толпа успокоилась; вместо того, чтобы побить кардиналов камнями, она встречала их возгласами «Виват!» Но новый Папа был суровый, скупой, деспотичный и самолюбивый; кардиналы вскоре возмутились, и, убежав из Рима, встретились и избрали француза, Роберта, епископа Женевского, так как папская власть объявила прежние выборы недействительными по причине давления, оказанного на них. Так образовался знаменитый раскол на папском престоле, который в течение полувека разделял и позорил папский мир.

Христианский мир наблюдал с чувством, граничащим со страхом, двух Пап на престоле Петра. Кто был истинным наместником, и у кого были ключи от рая? Это стало вопросом века и самым важным вопросом для людей, которые верили, что вечное спасение зависит от ответа на него. Общественное сознание было взволновано; один собор восставал против другого; один епископ воевал с другим епископом; короли и правительства были вынуждены принимать участие в разногласии. Германия, Англия и некоторые небольшие страны центральной Европы были на стороне первого Папы, который вступил в Ватикан под именем Урбана VI. Испания, Франция и Шотландия поддерживали второго, который объявил себя Папой в Авиньоне под именем Клемента VII. Итак, на рассвете Евангельского дня в христианском мире, Бог расколол папскую голову надвое и разделил папский мир.

Если бы не раскол, Уиклифф, по всем человеческим понятиям, был бы уничтожен, и его работе в Англии пришел бы конец. Теперь же у Пап была другая забота, нежели чем преследовать ересь. Из Рима в Авиньон, и из Авиньона в Рим быстро летали яростные папские молнии. Высоко над головой скромного ректора Люттерворта сверкали молнии, и гремел гром. Пока гремели грозы Уиклифф вернулся к своему служению, несомненно, довольный тем, что избежал на какое-то время нападок врагов, и может успокоиться на груди любимой паствы. Однако он не оставался праздным. Пока Папы посылали друг другу проклятья и проливали реки крови (так как к этому времени они привлекли мечи в поддержку конкурирующих требований на обладание звания наместника Христа), пока ужасные скандалы и омерзительная коррупция раздирали церковь, а страшные преступления и беспорядки приводили в смятение государство (понадобилась бы еще «одна

Илиада», как пишет Фокс, чтобы рассказать о всех несчастьях и бедах, обрушившихся на мир во время раскола), Уиклифф сеял у мирных вод Эйвона и в сельских усадьбах Люттерворта то божественное семя, которое приносит плоды праведности и спокойствия в этом мире и вечную жизнь в мире грядущем.

Именно сейчас, перед Уиклиффом открылась вторая часть его великого пути. До сих пор его усилия были направлены на разрушение политических оков, в которых папство держало его соотечественников. Но более крепкие оковы сковывали их души. И соотечественникам надо было скорее разорвать их, хотя, возможно, они уже меньше натирали; и этой более великой цели Уиклифф посвятил всю оставшуюся жизнь и силу. Это является примером того, что его собственное освобождение предшествовало освобождению соотечественников. «Схизма», с истекающими из нее скандалами и преступлениями, помогла более ясно открыть ему истинный характер папства. Он опубликовал трактат «О папской схизме». Он обратился к нации с вопросом, говорят ли люди, называющие друг друга антихристами, правду; и разве настоящее не является возможностью, данной им Господом, чтобы взять оружие, вырванное из рук иерархии, и использовать его для разрушения деспотичных и чудовищных законов и обычаев, при которых Англия так долго стенала. «Дьявол – писал он – теперь правит не в одном, а в двух священниках, чтобы люди могли легче победить их обоих именем Иисуса Христа».

С этого времени прослеживается быстрый прогресс во взглядах реформатора. Именно тогда он опубликовал свою работу «Об истине и смысле Писания». В этой работе он подтверждает «высший авторитет Писания», «право на личное суждение», и что «достаточно закона Христа, чтобы управлять церковью Христа». Это должно было развенчать Папу и разрушить до основания его царство. Здесь он впервые намекает на стремление перевести Библию на среднеанглийский язык, это работа должна была венчать его труды.

Уиклифф старел, но реформатор скорее устал от изнуряющих нападок своих врагов и непрерывных и постоянно возраставших трудов, чем от прожитых лет, так как ему не было и шестидесяти. Он заболел. С беспредельной радостью монахи приняли весть о том, что их злейший враг умирает. Его должно быть охватывает ужас и раскаяние за то зло, что он причинил им, и они поспешили к его одру, чтобы принять покаяние и сожаление. Мгновенно небольшая группа бритоголовых монахов из четырех орденов собралась у ложа больного. «Они начали хорошо», пожелав ему «выздоровления от болезни», но быстро поменяли тон и стали уговаривать его, как человека, находящегося на краю могилы, исповедоваться и выразить искреннее сожаление о зле, принесенном их ордену. Уиклифф лежал, молча, пока они не закончили, потом, попросив слугу приподнять его на подушке, и устремив на них проницательный взгляд, громко сказал: «Я не умру, но буду жить,

и возвещать о порочных делах монахов нищенствующих орденов». Монахи в удивлении и смущении выскочили из комнаты.

Как Уиклифф предсказал, так и получилось. Он поднялся с постели, чтобы осуществить самую смелую дерзость, как считали враги, и самое славное служение, как высоко оценивают это друзья человечества. Работа, которой была дана такая разная оценка, состояла в том, чтобы перевести Библию для народа Англии на их родной язык. Правда, было уже несколько копий Слова Божьего в Англии, но они были написаны на языке непонятном простому народу, поэтому откровение Божие человеку было сокрыто от людей, как будто Бог его никогда не говорил.

Кроме неведения воли Божией, Уклифф обнаружил множество пороков, поразивших королевство. «Я наполню королевство Англии светом, – говорил он – и духовный террор, внушаемый священниками, и рабство, в котором они держат людей через суеверный страх, исчезнут, как исчезают ночные призраки при восходе солнца. Я вновь открою предопределенный канал святого действия между землей и небом, и лицо земли обновится». Это была великая идея.

До седьмого века мы не встречаем попыток дать Библию народу Англии на родном языке. Кэдмон, англо-саксонский монах впервые дал англичанам вкусить то, что содержится в Библии. Нельзя назвать его работу переводом. По всей вероятности Кэдмон обладал поэтическим даром, и, полагая, что начальные эпизоды боговдохновенной истории подходили для драмы, написал поэму, которая, начинаясь с Творения, повествовала о событиях, связанных с библейскими патриархами, чудесами исхода, хождением по пустыне, пока не заканчивалась у врат Палестины и входом колен в Землю Обетованную. Такая книга, ни в коей мере, не учила пониманию воли Божией и жизненному пути. Далее следовали попытки других людей перефразирования, но не перевода фрагментов Слова Божьего, среди которых были Альфрик и Альфред Великий. Первый кратко изложил несколько книг Ветхого Завета; последний в девятом веке собрал группу эрудированных людей для перевода Писания, но едва работа началась, как великий король умер, и работа была прекращена.

Попытка Беда в восьмом веке заслуживает внимания. Говорят, что он перевел на англо-саксонский язык Евангелие от Иоанна. Он был поражен смертельной болезнью, после того, как начал перевод, но он очень хотел закончить его, прежде чем предаст свой дух. День за днем он трудился над своей задачей, хотя болезнь прогрессировала, а сил становилось все меньше и меньше. Было предопределено, что его жизнь и работа закончатся одновременно. Наконец, наступил день, когда этот почтенный человек почувствовал, что это был его последний день. Однако осталась еще одна не переведенная глава. Он позвал к постели своего личного секретаря. «Возьми ручку, - сказал Беда, чувствуя, что дорога каждая минута –

быстро возьми ручку и пиши». Секретарь читал стих за стихом из Вульгаты, и после того, как Беда переводил их на англо-саксонский язык, быстро записывал. Когда они так вместе трудились, их работу прервало появление чиновников, которые пришли узнать о распоряжениях умирающего. Преданный писарь был опять за работой. «Дорогой учитель – сказал он – остался один стих». «Быстрее» - сказал Беде. Он был прочитан на латыни, переведен на англо-саксонский и записан. «Свершилось» - сказал торжественно секретарь. «Ты истинно сказал: свершилось» - мягко и благодарно отозвался умирающий. Затем спокойно подняв руки и сказав: «Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу», испустил дух.

Со времени правления Альфреда до дней Уиклиффа не было больше попыток, если не считать Ричарда Ролла, отшельника Хемпольского, в том же веке, что и Уиклифф, который дал подстрочный перевод одного из отрывков Библии. И даже, если переводы, о которых упоминалось, были более ценными и полными, но они не выполнили намеченной авторами цели; они редко выходили за пределы кельи, или хранились как большая редкость в библиотеках знати, за чей счет они создавались. Они не попадали в руки людей.

Идея Уиклиффа заключалась в том, чтобы дать всю Библию народу Англии на разговорном языке, чтобы каждый человек в королевстве мог читать на родном языке чудесные Божии творения. Ранее никто в Англии не думал об этом. Как те, которые отворачиваются от солнца, чтобы освещать свой путь свечой, так и люди тех дней поворачивались к традиции, схоластической философии, папской непогрешимости; чем больше они следовали этому, тем дальше уходили с верного пути. Бог был в мире, Божественный свет был в скинии Слова, но никто не подумал отдернуть занавеску и дать свету осветить человеческий путь. Такую цель поставил перед собой Уиклифф. Если бы он смог добиться этого, он бы поставил права Англии на прочный фундамент, и возвел страну на такую высоту, чего бы, не сделали и сотни блестящих побед.

Однако у него оставалось не так уж много лет для совершения этой великой работы. Оставалось лишь не менее десятка лет, подорванные болезнями. Но его умственная энергия не была подорвана; его опыт и таланты были в самом расцвете. Чем была вся его прошлая жизнь, как не подготовкой к этой славной задаче его вечера? Он был хорошим знатоком латыни. Он обосновался в тихом доме приходского священника в Люттерворте. Он открыл Вульгату, книгу, которую изучал всю свою жизнь, и отрывки, из которой уже переводил. Вокруг него мир сотрясался в конвульсиях; двое Пап бросали друг в друга анафемы. Уиклифф, не потревоженный ревем бури, совершал свою великую работу. День за днем он выполнял предназначенную ему задачу. В то время как стих за стихом переводился на английский язык, реформатор успокаивался мыслью, что еще один луч пробьет

тьму, окутавшую его родину, что еще одна стрела будет выпущена, чтобы разрушить оковы душ соотечественников. За четыре года реформатор закончил ее. Небесное послание было теперь на разговорном языке Англии. Рассвет реформации почти наступил.

У Уиклиффа был помощник в его великой работе. Весь Новый Завет был переведен им самим; но полагают, что Николас де Херефорд из Оксфорда перевел Ветхий Завет, который, однако, был частично исправлен Уиклиффом. Этот перевод - очень точный и живой. Старо-саксонский придает драматизм некоторым абзацам. Перевод Уиклиффа служил не только религиозным целям, но первостепенным и наивысшим. Он значительно способствовал формированию английского языка, усовершенствовав его структуру и расширив словарь. Величие и чистота учения отразились в языке, на который оно было переведено, предав ему простоту, красоту, пафос, точность и силу, неизвестные до сих пор. Уиклифф называется отцом английской прозы, как Чосер – отцом английской поэзии. Никто в его дни не писал так много, как Уиклифф. Когда он писал для простых людей, он научился быть простым и четким. Он был целеустремлен, и энтузиазм его души давал ему точные и яркие выражения. Он писал на высокие темы и его стиль соответствовал возвышенности предмета; он был прямым, ясным, свободным от причудливых метафор и инфантилизма, которые портили произведения других писателей его дней. Но его перевод Библии превосходил все его другие сочинения по мягкости, плавности и достоинству. Хорошо поэтому поводу сказал Лехлер: «Если мы сравним, однако, Библию Уиклифа не только с его собственными сочинения на английском языке, но и с другой английской литературой до и после него, напрашивается еще более важный вывод. Перевод Уиклиффа означает в своем роде довольно значительную эпоху в английском языке, как перевод Лютера – в истории немецкого языка. Библия Лютера открыла период нового высокого немецкого языка, как Библия Уиклиффа стоит на вершине средневекового английского языка. Правда, Джеффри Чосер, отец английской поэзии, а не Уиклифф всегда считался пионером средневековой английской литературы. Но с более вескими основаниями более поздние филологи присудили это звание прозе Библии Уиклиффа. Правда, у Чосера были свои редкие особенности: живость описания, очаровательное изящество выражений, подлинный английский юмор и мастерское владение языком, но такие качества предназначались для людей культуры. Они не были адаптированы к речи народных масс. Чтобы распространять новый язык, нужно было что-то такое, от чего зависело и счастье, и горе людей, и что неотразимо захватывает все, как самое высокое, так и низкое, и как говорит Лютер: «наполняет сердце». Только нравственная духовная истина, охваченная новым вдохновением, должна найти признание и распространение в новой форме речи. Как Лютер активизировал в Германии развитие тевтонского языка, так Уиклифф и его школа стали через Библию

основоположниками среднеанглийского языка, в котором заключались фундаментальные особенности нового английского языка 16 века».

Реформатор завершил великий труд в 1382 году. Какая эпоха в истории Англии! Какое это имело значение, когда тюрьма или темница могли сомкнуться над ним? Он зажег свет, который нельзя было погасить. Он вложил в руки своих соотечественников истинную Хартию Вольностей. Та хартия, которую бароны добились от короля Иоанна в Ранмимиде, мало бы чего стоила, если бы не эта более сильная хартия, появившаяся потом. Уиклифф теперь видел саксонцев, направляемых огненным столпом, твердо шагающих к свободе. Могло пройти одно или пять столетий до окончательного освобождения, но с Библией на родном языке, никакая сила не могла вернуть их в рабство. Двери дома рабства были распахнуты.

Когда работа по переводу была закончена, началась почти такая же трудная работа по изданию. В то время не было печатного станка для тиражирования тысяч копий, как сейчас. И не было издательских домов для распространения этих тысяч по всему королевству. Автору самому приходилось всем этим заниматься. Были разные способы издания книг. Самым распространенным способом было поместить одну рукопись в зале какого-нибудь монастыря или в библиотеку какого-нибудь колледжа, куда все могли придти и почитать, и если книга нравилась, заказать для себя копию, почти так же, как художник в те дни выставлял картину в зале или галерее, где ее достоинства находили поклонников и часто покупателей. Другие ставили небольшие возвышения на перекрестках, в местах общественного отдыха и читали отрывки из своих работ окружавшей их публике и те, кому нравилось прочитанное, покупали рукописи. Но Уиклиффу не надо было прибегать за помощью ко всем этим уловкам. Интерес к этому человеку и его работе привлек сотни опытных рук, которые, хотя и трудились для размножения рукописей, не могли обеспечить всех желающих. Некоторые заказывали полные копии, другие довольствовались отрывками; во многих случаях одни и те же рукописи служили нескольким семьям, и за очень короткое время Библия Уиклиффа получила самое широкое распространение и внесла новую жизнь во многие английские дома. Как день приходит к усталому путнику, пробиравшемуся всю ночь сквозь заросли и болота, то же происходило и с теми англичанами, которые читали Слово Божие, данное им на родном языке. Когда они пробирались сквозь смертельные ловушки суеверий или колючие заросли схоластической философии, неожиданно их осветил великий свет. Они возрадовались великой радостью. Они увидели открытый путь к престолу милости Божьей; и отставив многих посредников, предложенных римской церковью для руководства по нему, но которые, на самом деле, только скрывали его, они смело вошли через единственного Посредника и стояли в присутствии Того, Кто сидел на престоле.

Церковная иерархия, когда узнала, что сделал Уиклифф, оцепенела от страха. Они утешали себя мыслью, что движение умрет вместе с Уиклиффом, и что ему осталось жить несколько лет. Но они видели, что еще одна поддержка, сильнее, чем Уиклифф, пришла на поле сражения; что еще один проповедник был предназначен занять его место, когда голос реформатора смолкнет. Этого проповедника они не могли привязать к столбу и сжечь. Тихой поступью он уже шел по всей Англии. Когда голова величавого аббата или надменного прелата отдыхала на подушке, этот проповедник, который не смыкал глаз ни днем, ни ночью, выполнял свое служение, входя в дома и завоевывая сердца людей. Они подняли великий вопль. Уиклифф напал на церковь, он хотел уничтожить религию.

Это подняло вопрос о праве людей читать Библию. Этот вопрос был новым для Англии по той простой причине, что до сих пор не было Библии, которую можно было читать. И по той же причине не было закона, запрещавшего людям читать Библию, так как считалось бесполезным и неблагоразумным издавать закон против нарушения, которое невозможно было совершить. Романский перевод на разговорном языке юга Европы средневековья существовал два столетия, и римская церковь запретила его употребление. Английский был первым из современных языков, на который было переведено Слово Божье, и хотя этот перевод должен был попасть под запрещение церковью, как и романский, иерархия, застигнутая врасплох, не была готова выдвинуть свои обвинения, и Слово Божье тем временем широко распространялось. Воды жизни текли по всей стране, и места злачной пажити стали украшать пустыню Англии.

Но если не правовой, то духовный интердикт был обнародован немедленно, направленный против чтения Библии людьми. Генрих де Найтон, каноник из Лейстера, издал смешанный вопль скорби и осуждения. «Христос - говорил он – дал Свое Евангелие духовенству и богословам церкви, чтобы они могли направлять мирян и более слабых людей в соответствии со временем и нуждами людей. Но магистр Джон Уиклифф перевел его с латыни на английский и сделал доступным мирянам и женщинам, умеющим читать, а раньше оно было только для самых образованных из духовенства, и даже для тех из них, кто лучше его понимал. Таким образом, бисер Евангелия разбрасывается и топчется свиньями; и что раньше ценилось как духовенством, так и мирянами, выставляется сейчас как насмешка для обоих».

К сожалению, священники и их последователи, которые составляли основную часть населения, подняли большой шум против Уиклиффа. Он был еретиком и кощунником; он совершил преступление, неизвестное в предыдущие века; он ворвался в храм и украл священные сосуды; он поджег Дом Божий. Такими

выражениями говорили о человеке, который принес величайший дар своей стране, не получавшей такого раньше.

Уиклиффу пришлось бороться одному. Рядом с ним не было ни пэра, ни другого влиятельного человека. Должно быть в жизни всех великих реформаторов, а Уиклифф находился в первых рядах, наступал момент, когда покинутые всеми и болезненно воспринимавшие свою изоляцию, они должны были показать совершенство и превосходство веры, опираясь лишь на Одного Бога. Такой момент настал для реформатора 14 века. Во время шторма Уиклифф стоял один. Он был уравновешен и спокойно смотрел в лицо разъяренным врагам. Он выдвигал против них те же обвинения, которые они бросали в него. Вы заявляете, – говорил он – что это – ересь, если говорить о Святом Писании по-английски. Вы называете меня еретиком, потому что я перевел Библию на язык, доступный людям. Вы знаете на кого вы возносите хулу? Разве Святой Дух не дал Слово Божие сначала на родном языке народов, которым оно было адресовано? Почему вы выступаете против Святого Духа? Вы говорите, что церковь Божия находится в опасности из-за этой книги. Как это может быть? Разве не из Библии мы узнаем, что Бог учредил такую общину, как церковь? Разве не Библия утверждает свой авторитет в церкви? Разве не из Библии мы узнаем, кто является Домостроителем и Владыкой церкви, какими законами она должна управляться, и какие права и привилегии у ее членов? Если не Библия, какой хартией должна церковь руководствоваться? Это вы подвергли церковь риску, спрятав божественное предписание, монаршее послание ее Царя, из-за авторитета, которым она обладает, и веры, которую она заповедует.

Распространение Писания облачило протестантское движение в одежды света. Обладая духовным мечом, который есть Слово Божие, оно продолжало шагать, оставляя за собой, как памятники своей доблести, во многих английских домах слепые глаза отверстыми и порочные сердца очищенными. Величественное, как утро, спускающееся с небес, оно шагало в бесшумной славе по земле, таков был успех книги Божьей. Везде оставался след света, куда бы оно ни приходило, в оживленный город, в высокий зал барона, в скромную крестьянскую хижину. Если бы Уиклифф жил тысячу лет и занимался только проповедованием, он бы даже не надеялся увидеть то благо, которое принесло бесшумное действие английской Библии.

Глава 11 - Уиклифф и пресуществление.

Уиклифф стар. – Война продолжается. – Критика пресуществления – История догмы – Учение Уиклиффа о Евхаристии – Осуждено университетским судом. – Уиклифф обращается к королю и парламенту и уезжает в Люттерворт. – Бунт Уатта Тайлера – Архиепископ Садбери обезглавлен. – Кортени выбран архиепископом. – Он вызывает Уиклиффа. – Синод в монастыре доминиканцев. – Землетрясение – Архиепископ заверяет напуганных епископов. – Осуждено учение Уиклиффа о Евхаристии. – Архиепископ убеждает короля. – Первый эдикт о гонениях – Друзья Уиклиффа отходят.

Отдыхал ли теперь реформатор? Он был старым и больным, и нуждался в отдыхе. Его день был бурным, хорошо бы было вечером вкусить немного покоя. Он страстно желал, если возможно, и если на это есть воля Божия, увидеть полное освобождение страны и преображенную Англию, пока он не закрыл глаза и не сошел в могилу. Это было, чувствовал он, днем испытания. Этот день сначала пришел в Англию. О, если бы она была мудра и в этот день знала, что способствует ее покою! Если бы не конфликт, который был совсем близко, то она могла заплатить многими слезами и кровью в течение многих лет, а может быть и столетий. Уиклифф решил, что не должно быть передышки в войне. Он только что закончил одну битву и готовился к другой. Он собирался напасть на доктринальную систему римской церкви.

Он пришел уже к мнению, что система римских доктрин и обряды ее поклонения являются антихристианскими, «новой религией, созданной грешниками», и «препятствовавшей законам Христа, данным апостолам»; но в начале новой битвы он выбрал одну конкретную догму объектом нападения. Эта догма о пресуществлении. Именно в ней суеверие римской церкви достигло своей кульминации; именно скорее в ней, чем в какой-нибудь другой догме, находится источник ее чудовищной власти и ее огромного влияния. Готовясь к этому удару, Уиклифф знал, что он должен быть в десять раз сильнее, чем против другой, менее важной части системы. Если бы он сокрушил жертву священника, то вернул бы жертву Христа, которая сама является Евангелием, потому что через нее «прощение грехов» и «жизнь вечная».

Пресуществление, как мы уже показали, было изобретено монахом Пасхазием Радбертом в девятом веке; оно попало в Англию с кортежем Вильгельма Завоевателя и его англо-нормандских священников; оно ревностно проповедовалось монахом Ланфранком и аббатом св.Стефана из нормандского Кана, который поднялся на Кантерберийский престол с именем Уильям; и со времени Ланфранка до дней Уиклиффа этого догмата придерживалось англо-нормандское духовенство Англии. Вряд ли можно было ожидать, что они узко и критично исследовали основание

доктрины, которая значительно содействовала их власти; а что касается мирян тех дней. То им было достаточно слова церкви, что эта доктрина истинна.

Весной 1381 года Уиклифф вывесил в Оксфорде двенадцать положений, отвергавших догму о пресуществлении, и вызвал всех, имевших противное мнение, на дискуссию с ним. Первое из этих положений было следующим: «Хлеб евхаристии, который видим на алтаре, не является ни Христом, ни какой-нибудь Его частью, а только Его символом, имеющим силу. Он признавал, что слова при освящении наделяют святые дары мистическим и священным свойством, но они никак не меняют их свойств. Хлеб и вино остаются хлебом и вином, как и до освящения. Христос назвал святые дары «хлебом» и «Моим телом»; они были «хлебом» и они были «телом» Христа, как и Он – истинный человек и истинный Бог, без какого-либо смешения двух природ; поэтому святые дары являются и «хлебом», и «телом» Христа – «хлебом» реально, а «телом» Христа метафизически и духовно. Вот, вкратце, взгляд, которого придерживался Уиклифф на евхаристию в начале дискуссии, и на этом основании он продолжал стоять на протяжении всей дискуссии.

Сильное возбуждение было в Оксфорде. Были удивленные взгляды, был гул разговоров, головы склонялись в серьезных, приглушенных разговорах; но никто не принял вызова Уиклиффа. Все кричали, что это ересь, все были единодушны в этом вопросе, но никто не отважился это доказать тому единственному человеку в Оксфорде, который нуждался, чтобы ему это доказали. Канцлер университета, Уильям де Бартон, созвал совет двенадцати (четыре богослова и восемь монахов). Совет единодушно осудил взгляды Уиклиффа, как еретические, и пригрозил разными суровыми наказаниями тем, кто будет учить этому в университете или слушать это учение.

Совет, созванный в спешке, собрался довольно секретно, так как Уиклиффу ничего не было известно о том, что происходит. Он был в аудитории, объясняя студентам истинную природу евхаристии, когда дверь открылась, и посланник совета появился в зале. Он держал в руках решение богословов, которое и зачитал. В нем предписывалось Уиклиффу молчать о своих взглядах на евхаристию под страхом тюрьмы, прекращения любой научной деятельности и отлучения от церкви. Это было равносильно исключению из университета. «Но, - вставил Уиклифф – вы должны сначала доказать, что я ошибаюсь». Единственным ответом было напоминание о решении суда, которому, как было сказано, он должен был подчиниться, или понести наказание. «Тогда – сказал Уиклифф – я обращаюсь к королю и парламенту». До созыва парламента оставалось какое-то время; и реформатор, связанный по рукам и ногам на своей кафедре, решил уехать в Лоттерворт. Сфера полномочий канцлера не распространялась на его приход. Он провел несколько спокойных месяцев в служении «истинного хлеба» «своей

любимой пастве»; он заботился о распространении посредством церковной кафедры и пера тех божественных истин, которые получил из источника откровения, так как не мог более возвысить голос в Оксфорде. Более того, он нуждался в Божественном хлебе для поддержки. «Приди ко Мне и отдохни» было языком этого Божественного Провидения. В причастии со своим Господом стиралась боль прежних конфликтов, и он готовился к новым. Его путь, поэтому был далеко не гладким, но то, что ему осталось пройти, было еще тяжелей. Это, однако, должно быть по воле Божьей; одно он знал, и как радостна была эта мысль, он найдет покой в конце пути!

Новые и нежданные тучи собирались на небе. Прежде, чем Уиклифф подал апелляцию в парламент, в Англии разразился мятеж. Причины и результаты мятежа нас интересуют только в той степени, в какой они отразились на судьбе реформатора. Уатт Тайлер и распутный священник по имени Болл приехали в Англию и возбудили страсти толпы своими яростными речами, зачитывая текст, написанный на их знаменах:

«Когда Адам трудился, Ева пряла,

Кто ж джентльменом был тогда?»

Такие волнения не ограничились Англией, они перешли во Францию и другие страны континента, и как неожиданная зияющая бездна, они показали внутреннее состояние общества в 14 веке. Как не похоже было оно на свою поверхность; театр войн и пышных зрелищ, которые, как думают историки, стоит изображать. Ничего не было в учении Уиклиффа, чтобы возбудить вспышки народного гнева, однако, оно провоцировало его врагов на проявление гнева у его дверей, говоря: «Смотри, что получается из того, когда разрешают учить этим чуждым и развращающим доктринам». Было бы излишне оправдывать Уиклиффа или Евангелие в этом отношении.

Но в какой-то степени эти события были связаны с реформатором. Толпа арестовала архиепископа и обезглавила его. Кортени, злостный враг Уиклиффа, был назначен на освободившуюся кафедру. И теперь надо было ждать более решительных мер против него. Однако Бог защитил Своего достойного реформатора, что могло казаться упущением Рима. Булла с назначением Кортени на архиепископскую кафедру прибыла, но вместе с ней не прибыло облачение. Облачение, как известно, является самым важным из всех знаков и отличий, посредством которых Папа наделяет епископов властью действовать от его имени. Кортени был слишком послушным сыном Папы, чтобы намеренно нарушить хоть одну из самых маленьких заповедей своего отца. Он горел от нетерпения, чтобы сокрушить голову ереси в Англии, но совесть не позволяла ему идти даже против Уиклиффа, пока облачение не даст ему права на полное введение в должность.

Отсюда и освежающий покой и духовное утешение, которыми Уиклифф продолжал наслаждаться в своем сельском приходском доме. В это время Уиклифф выстрелил еще одну стрелу – «Врата».

Наконец облачение прибыло. Архиепископ, обладая таинственным и могущественным символом, мог применить всю власть своей должности. Он немедленно собрал синод, чтобы подвергнуть ректора Люттерворта испытанию. Суд собрался 17 мая 1382 года, в месте плохого предзнаменования, (если учесть с кем Уиклифф вел смертельную войну) в монастыре доминиканцев в Лондоне. Судьи собрались, включая восемь прелатов, четырнадцать законоведов канонических и гражданских законов, шесть богословов, четырех монахов и пятнадцать монахов нищенствующего ордена. Они заняли свои места и собирались приступить к делу, когда воздух наполнился зловещим звуком и здание, в котором они собрались, начало колебаться. Землетрясение сотрясало монастырь и весь Лондон.

Пораженные и испуганные члены суда, обратившись к председателю, попросили об отсрочке. Действительно казалось, что «звезды на своих путях» боролись против архиепископа. Первый раз, когда он призвал Уиклиффа, народ ворвался в зал, и суд разошелся в замешательстве. То же самое произошло во второй раз, когда Уиклифф пришел в суд; бушующий народ наполнил зал, и судьи были выдворены с места заседания. В третий раз вызывают Уиклиффа, и суд заседает в месте, где легко принять меры предосторожности от проникновения народа, и что?! Земля неожиданно поколебалась от землетрясения. Но у Кортени было теперь облачение, и он был выше всех ничтожных страхов. Повернувшись к своим братьям-судьям, он прочитал им небольшую проповедь о земных обыкновениях и мистическом значении землетрясений, и попросил их быть мужественными и продолжать. Это землетрясение – сказал он – служит предзнаменованием очищения королевства от ереси. Так как в недрах земли заключено много губительных духов, которые выходят при землетрясении, и так очищается земля, но не без больших разрушений; так и в сердцах испорченных людей много ересей, и с помощью их осуждения королевство должно быть очищено, но не без раздражений и великих волнений». Суд посчитал, подчиняясь авторитету архиепископа, землетрясение хорошим знаком, и продолжил суд над Уиклиффом.

Судебный исполнитель зачитал двадцать шесть постулатов, отобранных из трудов реформатора. Суд провел три дня в «добром разбирательстве» их. Он единодушно осудил десять из них, как еретические, а остальные, как заблуждения. Среди тех, которые были названы, как еретические, особенно выделяли рассуждение о пресуществлении, о жаловании церковной иерархии, о верховной власти Папы, которая по признанию Уиклиффа могла исходить от императора, но не от Христа. Решение суда было отправлено епископу Лондонскому и всей его братии, викарным

епископам Кантерберийского диоцеза, а также епископу Линкольнскому, с приложением приказов Кортени, как «архиепископа всей Англии», чтобы они следили за нераспространением этих вредных учений в своих диоцезах.

Кроме этих двух посланий, третье было отправлено в Оксфордский университет, который был, по мнению архиепископа, рассадником ереси. Канцлер Уильям де Бартон, который председательствовал на суде, осудившим Уиклиффа год назад, умер, и его место занял Роберт Риге, который по-дружески относился к реформатору. Среди профессоров и студентов были многие, перенявшие настроения Уиклиффа, и, которых надо было предупредить о «ядовитом змее», чьи соблазны они начали уже слушать. Когда архиепископ увидел, что к его совету не прислушались в этом учебном заведении, а напротив, продолжали играть с огнем, он решил спасти их, несмотря, на них самих. Он передал жалобу молодому королю Ричарду II. «Если мы разрешим этому еретику – писал он – обращаться постоянно к человеческим страстям, то наше разрушение неизбежно; мы должны заставить замолчать лоллардов». Короля это убедило. Он дал «распоряжение сажать в королевскую тюрьму всех, кто будет придерживаться осужденных высказываний».

Реформации продолжалась, но в тот момент казалось, что реформатор находиться на грани уничтожения. У него было много друзей, их число увеличивалось с каждым днем, но им недоставало мужества, и они оставались в тени. Его лекции в Оксфорде распространяли Евангелие по школам, Библия, которую он перевел, насаждала Евангелие в домах англичан. Но как увеличивалось число последователей реформации, так и возрастало число врагов реформатора. Иерархия одна восставала и преследовала его, а теперь одетая в броню рука короля поднялась, чтобы сокрушить его.

Когда об этом узнали, все друзья покинули его. Джон Гонт ушел от него раньше. Этот правитель смело стоял рядом с Уиклиффом, пока тот просто противостоял посягательствам иерархии на права короны и независимость нации. Эту область дискуссии герцог еще мог понять. Но когда она перешла в доктринальную сферу, и смелый реформатор не довольный срезанием нескольких наростов, приложил топор к корню, чтобы отвергнуть таинство и разрушить алтарь, храбрый правитель встревожился; он почувствовал, что ступил на незнакомую почву, и опасался, что может быть затянут в бездонную яму ереси. Поэтому Джон Гонт поспешил удалиться. Но также и другие, от которых можно было ожидать лучшего, задрожали перед наступающей бурей, и отошли от реформатора. Доктор Николас Херефорд, который помогал ему переводить Ветхий Завет, и Джон Эштон, самый красноречивый из тех проповедников, которых Уиклифф посылал по всей Англии, дорожили своей безопасностью, а не защитой наставника, и не честью дела, которому они предались. Такое отношение, несомненно, огорчило, но не сломило

Уиклиффа. Его сердце и надежда ни на йоту не ослабли. Он избрал момент, чтобы сделать шаг вперед, и нанести еще более сокрушительные удары по папству, чем когда-нибудь ранее.

Глава 12 - Обращение Уиклиффа к парламенту.

Заседание парламента – Уиклифф приходит и требует радикальной реформы. – Его предложения о монашеских орденах – Церковные владения и доходы – Пресуществление – Его возросшая смелость – Его взгляды находят отклик в парламенте. – Эдикт о гонениях отменяется.

Парламент собрался 19 ноября 1382 года. Уиклифф мог послать апелляцию королю на решение университетского суда, осудившего его двенадцать постулатов. Но прелаты опередили его. Они уговорили суверена одолжить им меч государства, чтобы направить его против Уиклиффа и против тех, кто сомневается в великой тайне пресуществления. Итак, они могли сжечь его завтра, но сегодня он был жив, и двери парламента были открыты. Уиклифф поспешил войти с апелляцией и жалобой. Иерархия тайно обвиняла его перед королем, и он открыто вызвал их на парламент.

Жалоба, представленная Уиклиффом, касалась четырех структур, и все требовали кардинальных реформ. Первая жалоба касалась монашеских орденов. Реформатор требовал, чтобы их освободили от противоестественного и аморального обета, который сделал их позором церкви и паразитами в обществе. «Так как Иисус Христос пролил кровь, чтобы освободить свою церковь, - сказал Уиклифф – я требую этой свободы. Я требую, чтобы любой мог покинуть эти мрачные стены (монастыря), где царит деспотичный закон, и мог обрести простую и мирную жизнь под небесным сводом».

Вторая часть жалобы имела отношение к собственности церкви. Порочность и праздность духовенства Уиклифф в основном объяснял его огромным богатством. Он не ждал, что сами священники откажутся от своих непомерных доходов; поэтому он призывал вмешательство государства, заявляя, несмотря, на противоположное мнение священников, что как собственность, так и субъекты духовенства находились под юрисдикцией короля. «Мировые судьи – утверждал он – есть Божие установление»; он отметил, что апостол Павел, который «ставит всех людей в подчинение королям, никого не избавлял от этого». Аналогичной этой была и третья часть документа, которая касалась десятин и приношений. Пусть десятины и приношения будут в размере, достаточном для поддержания получателей, чтобы совершать сакральные обязанности, а не в таком, чтобы служить их роскоши и превозношению; и если священник окажется ленивым и порочным, то пусть не получает ни десятин, ни приношений. «Я требую, - сказал он – чтобы бедных жителей наших городов и деревень не обязывали обеспечивать обмирщенных священников, зачастую порочных и еретиков, средствами, удовлетворяющими их бахвальство, обжорство и безнравственность, покупая себе выездных лошадей,

дорогие седла, уздечки со звенящими колокольчиками, богатые одежды и мягкие меха, в то время как они видят жен и детей своих ближних, умирающих от голода».

Последняя часть документа шла еще дальше. Она касалась доктрины, занимающей центральное положение в римской церкви, доктрины о пресуществлении. Его взгляды на эту догму не были особо определены в его обращении к парламенту, хотя он сделал это немного позже перед конвокацией, он довольствовался пожеланием свободы в распространении истинной доктрины о Евхаристии в Англии. В своем Триалоге, написанном в это же время, он приводит ясный взгляд на догму о пресуществлении. Ее последствия были особенно вредными и далеко идущими. Это было не просто заблуждение, но заблуждение, которое ослабляло разум человека, принимавшего его, и колебал уверенность в свидетельстве здравого смысла, и, таким образом, готовил к принятию любого абсурда и заблуждения, как бы это не противоречило рассудку и здравому смыслу. Доктрина о «реальном присутствии», понимаемая в плотском смысле, заявлял он, является отродьем Сатаны, которого он рисовал, размышляющим о своем изобретении, так: «Введу я пока один раз в заблуждение верующих церкви, с помощью антихриста, моего наместника, заставив их отрицать, что причастие – это хлеб, и склоню их воспринимать это как простую акциденцию. Тогда не останется ничего, что бы я не заставил их принять, так как нет ничего, что бы больше противоречило Писанию и здравому рассуждению. Пусть жизнь прелата остается такой как прежде, пусть он будет виновен в роскоши, симонии, убийстве. Пусть людей убеждают, что он на самом деле не такой; их, возможно, уговорят признать, что Папа непогрешим, по крайней мере, в отношении христианской веры; и так как он известен как Святейший отец, он свободен от греха».

«Таким образом, очевидно, - пишет доктор Вокхем, комментируя вышеизложенное – что целью Уиклиффа было возвращение сознания человека к логичному руководству рассудком и здравым смыслом при изучении Писания и суждении о всяком христианском учреждении; и если доктрина о пресуществлении претит ему, то значит, эта догма находится в противоречии с благородным замыслом. Для него было очевидно, что пока церковные власти подчиняются этого чудовищному принципу, то, возможно, не будет предела интригам церковного обмана и угнетения.

Враги реформатора, должно быть, пришли в замешательство от этой смелой атаки. Они склонялись к тому, что наступит час, когда Уиклифф сдастся. Херефорд, Репингдон, Эштон, все его друзья, один за другим примирились с иерархией. Священники ждали увидеть приходящего к ним Уиклиффа самым последним, склонившим свою великую голову перед ними, и тогда они поведут его в цепях, как трофей своей победы и доказательство окончательного подавления движения

реформации. Он вышел вперед, но не для того, чтобы отречься, или даже извиниться, но с еще более мужественным сердцем в результате прожитых лет и большего числа врагов, чтобы повторить обвинения и опять провозгласить перед лицом всего народа о порочности, тирании и заблуждениях иерархии. Его настроения нашли поддержку в палате общин, и парламент отменил эдикт о преследовании, который священники и король тайком приняли. Победа осталась за Уиклиффом.

Глава 13 - Уиклифф на конвокации лично, и в папской курии в письмах.

Конвокация в Оксфорде – Уиклифф вызван. – Предъявлено обвинение по вопросу о пресуществлении. – Уиклифф отстаивает учение всей своей жизни. – Он обвиняет судей. – Они пришли в замешательство. – Уиклифф спокойно уходит. – Возвращается в Люттерворт. – Вызван Урбаном IV в Рим. – Не может ехать. – Посылает письмо. – Серьезное предупреждение – Сцена в Ватикане – Портреты Христа и антихриста.

Отвергнутый парламентом, архиепископ обратился к конвокации. Здесь он скорее мог рассчитывать на раболепный суд. Кортени постарался собрать многих священников, чтобы придать известность этому заседанию, и, чтобы они были свидетелями, как он очень надеялся, ждавшей его победы. Кроме архиепископа присутствовало шесть епископов, много законодателей канонических законов и масса более низших священников. Собрание увеличилось за счет высокопоставленных гостей и молодежи Оксфорда. Место действия суда должно было многое напомнить Уиклиффу, и это не могло его не взволновать. Сорок лет прошло с тех пор, как он поступил учиться в Оксфорд. Эти стены были свидетелями трудов его юности и зрелости. Здесь он совершил наиболее выдающиеся достижения; здесь его имя упоминалось с уважением; и его популярность, как эрудированного и талантливого человека, внесла немалый вклад в известность университета. Но сегодня Оксфорд открыл свои древние врата, чтобы принять его в новом качестве. Он пришел, чтобы быть судимым, возможно, осужденным, и, если судьям удастся, быть переданным гражданской власти и подвернуться наказанию, как еретик. Результат дела мог быть такой, что тот же Оксфорд, который позаимствовал свет, отраженный от его имени, зажег бы пламя его мученической смерти.

Официальное обвинение особенно касалось пресуществления. Поддерживал ли он или отрицал кардинальную доктрину церкви? Реформатор поднял свою почтенную голову в присутствии огромного собрания; его глаза искали архиепископа Кортени, на котором он остановил свой твердый и испытующий взгляд, и начал говорить. В этом обращении на своем последнем суде он ни от чего не отрекся, ничего не смягчил, он снова повторил и подтвердил учение всей своей жизни по вопросу о Евхаристии. Его обращение изобилует разными точками зрения характерными для схоластической эпохи, но оно заслуживает похвалу за непревзойденную остроту даже от тех, кто был с ним не согласен. В нем Уиклифф безошибочно осуждает догмат о пресуществлении, утверждая, что хлеб остается хлебом, и что Христос не присутствует плотью в этом таинстве, что нет иного присутствия, кроме сакраментального и духовного.

Уиклифф защищался с редкой остротой и еще более редкой смелостью. Он не примет обвинительного приговора от такого суда. Во время одной из таких метаморфоз, которые даются только великим духовным натурам, он поставил себя на судейское место, а судей - у барьера. Пораженные, они сидели, как прикованные к сиденьям, лишенные сил, чтобы подняться и уйти, хотя слова отважного реформатора проникали горящими стрелами в их сердца. «Те, кто утверждал, - говорил он – что это таинство было аксиденцией без субстанции, были еретиками. Почему они распространяли свои заблуждения? Потому что, как жрецы Ваала, они хотели продавать свои мессы. С кем, вы думаете, - спросил он в заключении – спорите? Со стариком, стоящим на краю могилы? Нет! С истиной, которая сильнее вас, и опровергнет вас». С этими словами он повернулся, чтобы покинуть суд. У его врагов не было сил, чтобы остановить его. «Как его Божественный Учитель в Назарете, – пишет Д'Обинье – он прошел сквозь них». Уехав из Лондона, он вернулся в свой приход в Люттерворте.

Уиклифф должен был дать показания и в Риме. С семи холмов должны были услышать Папу Урбана, который, не ведая, что творит, устроил так, чтобы возвысился голос великого свидетеля перед тем, как смолкнуть навсегда. Однажды, когда он трудился пером в своем тихом приходском доме, (так как он тем больше трудился, чем становился немощнее, и так как приближалась ночь, когда он не сможет работать) он получил приказ от понтифика явиться в Рим, и ответить за свои еретические взгляды перед папской курией. Если бы он туда поехал, то никогда бы не вернулся. Но это решал не Уиклифф. Божия рука наложила на него арест. С ним случился удар; и если бы он предпринял такое утомительное путешествие, он бы умер в пути, не доехав до ворот города понтифика. Но так как он не мог поехать в Рим лично, он мог посылать письма, что послужило бы Божьим целям, а не целям Урбана. Понтифик, его конклав и весь христианский мир должны были получить еще одно предупреждение, еще один призыв к покаянию, адресованный им, пока реформатор не сошел в могилу.

Джон Уиклифф из своего приходского дома начал обращаться через горы и моря к Урбану в Риме. Ни в чем нельзя найти более глубокую иронию, чем в послании ректора Люттерворта понтифику христианского мира, а по духу ничего более христианского и праведного. Принимая Урбана за того, за кого он себя выдавал, Уиклифф продолжал писать, что нет никого, перед которым он с радостью предстал бы, чем перед наместником Христа, потому что ни от кого больше нельзя ждать большего почитания законов Христа и любви к Христову Евангелию. Ни от какого суда нельзя ждать большей справедливости, чем от того, перед которым он сейчас стоит, и поэтому, если он отклонится от Евангелия, то он уверен, что ему докажут его заблуждение, и укажут истинный путь. Наместника Христа, как он понимает, не волнует высокое положение в этом мире; о, нет, он оставляет роскошь и суету

мирским людям, и довольствуется низким положением Того, Кто быв на земле, не имел, куда голову приклонить, он не ищет никакой славы, кроме славы Господа. «Земная власть», которой он вынужден владеть, является, наверное, нежелательным бременем, от которого он бы рад избавиться. Святой отец, несомненно, не перестает призывать священников всего христианского мира следовать своему примеру, и питать хлебом жизни паству, порученную им. Реформатор в заключении повторяет свое желание, что, «если он заблуждается, поправить его, и если нужно, то смертью».

Легко представить в Ватикане хмурые лица, среди которых открывалось и зачитывалось это письмо. Если бы он писал в оскорбительных выражениях, то те, к кому это послание было обращено, видели бы только критику; но получилось так, что их обвиняли, и они как будто стояли перед реформатором. Суровой и правдивой рукой реформатор нарисовал портрет Того, чьими слугами Урбан и его кардиналы провозгласили себя, и держа его перед их взором, он спрашивает: «Вы похожи на Него? Вы в такой бедности живете? У вас такое же смирение? Имея памятники своей гордыни по обе стороны – дворцы, имения, богатые одежды, великолепные экипажи, роскошные столы, (их тирания – бич, жизнь – позор для христианства) они не посмели сказать: «Мы похожи». Итак, если они были осуждены, то осудил их Христос. Это – все, что получил Урбан, вызвав к себе Уиклиффа. Он соорудил себе кафедру на семи холмах, с высоты которой английский реформатор мог провозгласить всем народам Европы, что римская церковь является антихристом.

Ольга Крубер-Федорова

История протестантизма Дж. Э. Уайли

Книга вторая. Уиклифф и его время, или начало протестантизма.

Глава 1- Уиклифф: происхождение и образование.

Закон и обряд – Быстрый рост первого – Медленный прогресс и полная победа второго. – Англия – Уиклифф – Место рождения – Образование – Едет в Оксфорд – Поступает в Мертонский колледж – Его известность – Евангелист Брадвардин – Его популярность – Открывает путь Уиклиффу – Философия тех дней – Известность Уиклиффа, как схоласта. – Изучает каноническое и гражданское право. – Его обращение в веру. – Изучение богословия – Черная смерть – Поражает Грецию, Италию и другие страны. – Приходит в Англию. – Ужасные опустошения. – Касается Уиклиффа – Стоит перед лицом смерти. – Научился не бояться плотской смерти.

Со сменой веков мы видим, что мир постепенно выходит на свет. Пятый век принес огромное благословение христианству в виде катастрофы. Как дерево, которое растет слишком быстро, оно было срублено под корень, чтобы избежать пышности, могущей его погубить. Из Закона, который был в сердце, и плодом, которого было просвещенное понимание и святая жизнь, Религия из-за порочного влияния власти и богатства превратилась в Обряд, который, охватывая только чувства, оставляет душу во тьме и жизнь в оковах.

Эти два – Закон и Обряд – стали уже в четвертом и пятом веках отдаляться друг от друга, и развиваться каждый в своем роде. Обряд быстро преуспевал, и, казалось, намного превосходил своего противника. Он построил себе великолепные храмы, он включил в свое служение могущественную иерархию, он увеличивал год за годом число и великолепие своих церемоний, он выражал себя в канонах и постановлениях; и, соблазненные этим внушительным шоу, народы преклонились перед ним, и могущественные короли предоставили мечи его обороне и распространению.

Далеко не так было с его соперником. Уйдя в духовную сферу, казалось, он оставил поле деятельности противнику. Однако, это не так. Если он скрылся от взоров людей, то только для того, чтобы вновь строить с самого основания, складывая истину на истину, и в безмолвии подготовить те мощные духовные силы, которые в нужное время освободят мир. Поэтому его успех был менее заметен, но намного более реален, чем успех его противника. Каждое заблуждение, которое один вводил в свое служение, было причиной слабости, а каждая истина, которую другой добавлял к своему вероисповеданию, была источником силы. Невежественные и суеверные орды, которые один получил для своего общения, были опасными союзниками. Они могли следовать за ним в дни его процветания, покинуть и стать его врагами, когда волна народной благосклонности оборачивалась против него. Не так было с последователями другого. С очищенным сердцем и просветленным сознанием они были готовы следовать за ним при любых обстоятельствах. Число его учеников, сначала небольшое, постепенно увеличивалось. Чистота их жизни и

смирение, с которым они переносили все оскорбления, и героизм, который они проявляли при смерти, увеличивали из века в век нравственную силу и духовную славу их дела. Таким образом, когда один достиг падения через успех, другой шел через гонения и опалу к победе.

Мы пришли к началу четырнадцатого столетия. До этого у нас не было случая поговорить о Британских островах, но теперь мы должны обратить к ним свое внимание. Здесь должен появиться более яркий светильник, чем до этого когда-нибудь освещал тьму.

В Норт Райдинге графства Йоркшир, питаемым водами Тисы, находится приход Уиклиффа. В особняке этого прихода в 1324 году родился мальчик, которого назвали Джоном. Здесь его предки жили со времен Завоевания, и согласно тем порядкам, они получили фамилию по месту проживания, и мальчик, который у них родился, был известен как Джон де Уиклифф. Ничего не известно о его детстве. С раннего возраста он был предназначен для Церкви, мы заключаем это из того, что и тогда он обладал пытливым умом, отличавшим его в более зрелые годы, а также сочувствием, которое часто притягивало его к жилищам и постелям больных его прихода в Люттерворте в последующие времена. Школы начального образования были повсеместны тогда по всей Англии, и были связаны с крупными городами и религиозными домами; возможно, что юный Уиклифф получил начальное образование в одной из таких семинарий своего округа.

В возрасте примерно шестнадцати лет его отправили в Оксфорд. Здесь он сначала был студентом, а потом и членом ученого совета колледжа Мертон, почти самого старого колледжа в Оксфорде. Молодежь Англии, жаждавшая знаний, источники которых были закрыты долгое время, заполняла университеты, и когда Уиклифф поступил в Мертон, в Оксфорде было не менее 30000 студентов. Это число вызывает удивление, но нужно принять во внимание, что многие колледжы, были не выше старших классов школы. Колледж, в который поступил Уиклифф, был самым выдающимся в этом центре образования. Непревзойденная слава тех дней, когда его посещали такие выдающиеся ученые, как Уильям Оккам и Дунс Скот, проливает свет на это. Одну из его кафедр занимал знаменитый Брадвардин, который заканчивал карьеру в то время, когда Уиклифф начинал свою в Оксфорде. Брадвардин был одним из первых математиков и астрономов тех дней; но увлекшись изучением Слова Божьего, он принял учение о благодати и его кафедра стала источником более высоких знаний, чем естественные науки. В то время, как большинство его соотечественников с помощью утонченной схоластики пытались проникнуть в существо вещей и объяснить все тайны, Брадвардин был удовлетворен принятием того, что Бог открывает в Своем слове, и его смирение было вознаграждено нахождением того пути, который другие пропустили. Подняв

покрывало, он показал студентам, которые толпились вокруг него, слушая с огромным вниманием и почтительным восторгом, путь жизни, особенно предостерегая их от пелагианства, который быстро подменил поклонение внешнему религией сердца, уча людей полагаться на силу своей воли, а не на спасение, совершаемое только по милости одного Бога. Брадвардин был более великим теологом, чем философом. Слава о его лекциях прошла по всей Европе, и его евангельские взгляды, распространенные его учениками, подготовили путь для Уиклиффа и других, которые должны были придти после него. Именно с его кафедры забрезжил новый день. Быстрое усвоение, пытливый ум и хорошая память дали возможность молодому ученику Мертона добиться быстрого успеха в обучении в те дни. Философия тогда основывалась скорее на догадках, чем на фактах. Все, что можно было узнать из доступных фактов естествознания и истин Откровения, считалось не достойным дальнейшего исследования. В гордости своего гения человек отвернулся от области, лежавшей у его ног, и смело вторгся в ту область, где без направляющей его информации и твердого основания, он ничего не мог узнать. Из этой области смутных размышлений исследователь извлекал лишь образы своего собственного творчества, и, представляя эти фантазии как факты, он выдавал их за знания.

Такова была философия, предложенная для изучения Уиклиффу. Едва ли было что-то, что могло вознаградить его труд, но он жаждал знаний, и, взявшись за нее « со всей силой», он вскоре стал магистром по схоластической философии, и не боялся встретиться с самыми искусными из искусных участников диспутов школ Оксфорда. Он имел «репутацию – пишет Фокс – великого церковнослужителя, глубокого схоласта и не меньшего специалиста по всем учениям философии». Вальден, его злостный враг, писал папе Мартину V относительно него, говоря, что был «чудесно удивлен неистовством и силой его убеждений» и «авторитетными примерами», которыми они подкреплялись. К знаниям по схоластики он добавлял искусство владения церковными и гражданскими законами. Это была та сфера знаний, которая сослужила ему бо;льшую службу в последующие годы, чем другие более модные науки. Занимаясь этим, он стал сведущ в постановлениях и законах своей страны, и был готов принять участие в интеллектуальной борьбе, которая вскоре разразилась между понтификом и английской короной. «Он умел разбираться в разных вещах – пишет Лечлер, говоря о Уиклиффе – и проявлял живейший интерес ко многим разнообразным вопросам».

Но основание силы Уиклиффа было заложено более высоким учением, чем может дать человек. Только просвещение сознания и обновление сердца посредством Библии сделало его реформатором, величайшим реформатором, явившимся до эпохи Лютера. Без этого о нем бы помнили, как о выдающемся схоласте четырнадцатого века, чья слава была бы достаточно блестящей, чтобы донести

несколько тусклых лучей до нашего времени; но он никогда бы не был известен как первый, занесший топор на дикость папских злоупотреблений, и ударивший по корням этого огромного дерева, с которого другие довольствовались лишь отрубанием нескольких веток. Ему бы не принадлежала слава первенства возвышения Великого Протеста, который народы понесут дальше, пока он не обойдет всю землю, провозглашая: «Пали все идолы, разрушены до основания все оплоты тьмы и тирании, и, вот, приходит спасение, и царство нашего Господа и Его Христа, и Он будет царствовать вовеки».

Не трудно догадаться, как Уиклифф пришел к пониманию истины. Он был – сообщает нам Д'Обинье – одним из учеников евангелиста Брадвардина. Когда он день за днем слушал рассуждения своего учителя о верховной власти благодати и доступности спасения, новый свет забрезжил в сознании молодого схоласта. Он открыл более богодухновенную страницу, чем Платон. Для этого Уиклифф, возможно, стал священником, даже не изучив ни одной главы из Библии, так как обучение теологии не требовало подготовки к церковному служению в те дни.

Несомненно, теологию из-за моды изучали, но не ту теологию, чья сущность была взята из Библии, но теологию, изобретенную человеческой системой. У бакалавров теологии начальных классов были занятия по чтению Библии. Не так обстояло дело с бакалаврами средних и старших классов; на лекциях они изучали «Сентенции» Петра Ломбардского. Исполненные самомнением о своих таинственных традиционных знаниниях, они считали ниже своего достоинства толковать такую простую книгу как Священное Писание. Первые пренебрежительно назывались Библицистами; а последние почетно наименовались Сентенциариями, или Людьми сентенций.

«Не упоминалось – пишет Фокс – даже ни слова из Писания. Вместо Петра и Павла люди были заняты изучением Фомы Аквинского и Скота, а также автора сентенций». Вряд ли что-нибудь другое можно было увидеть в храмах и церквях, либо услышать в проповедях, либо, наконец, иметь целью всей их жизни, как только нагромождение одной таинственной церемонии на другую; и конца не было этому нагромождению. Среди этих раболепных предрассудков люди содрогнулись от приближения ужасного посетителя. Год 1348 был неотвратимо отмечен вспышкой страшной чумы, одной из самых губительных во всей истории. Появившись сначала в Азии, она двинулась на запад, идя по миру как бледный конь с всадником из Апокалипсиса, ужас шел впереди него, смерть – сзади. Она опустошила побережье Ливана, сделала безжизненной Грецию, и, продвигаясь все дальше на запад, ударила с ужасной силой по Италии. Флоренция, прекрасная столица Этрурии, превратилась в склеп. Талант Боккаччо запечатлел эти ужасы, а муза Петрарки оплакивала опустошения. У последнего была причина на это, потому что Лаура была среди

жертв. Перешагнув через Альпы, она вошла в северную Европу, оставив в живых, как говорят некоторые историки тех лет, только одну десятую часть населения. Это, как мы знаем, преувеличение; но оно выражает распространенное впечатление и вполне раскрывает ужасных характер этих опустошений, в которых слышались шаги приближающейся смерти. Как море, так и земля были отмечены ее губительными следами. Корабли, плывущие в океане, были поражены ею, и когда ветры прибивали их к берегу, их находили нагруженными лишь мертвецами.

Первого августа чума коснулась берегов Англии. «Начиная с Дорчестера – пишет Фокс – каждый день двадцать, иногда тридцать, сорок и более трупов привозили и складывали вместе в одну глубокую яму». Первого ноября она достигла Лондона, «где – пишет тот же хронист – ее неистовая ярость была так сильна, что с 1 февраля до начала мая на новом погосте церкви рядом со Смифилдом (дом для престарелых) около двухсот умерших хоронили каждый день, не считая тех, кого хоронили на других погостах города».

«В те дни – пишет другой ранний хронист, Кэкстон – смерть была без печали, свадьба без друзей, жизнь без поддержки; мало осталось в живых, чтобы достойно похоронить мертвых». Из лондонцев погибло не менее

100 000 человек. Опустошение, связанные с чумой, охватили всю Англию, половина населения была поражена. От людей чума перешла на животных. Разлагающиеся скелеты покрывали поля, труд землепашца был приостановлен; перестали пахать землю, собирать урожай; суды были закрыты, парламент не заседал; везде царил ужас, траур и смерть.

Эта эпидемия была предвестницей совсем другой. Буря, испепелившая землю, сменилась ливнем, который должен был удобрить ее. Чума не могла не оказать влияние на то великое движение, которое, начиная с Уиклиффа, продолжилось через череду исповедников и мучеников, пока не вылилось в реформацию Лютера и Кальвина. Уиклифф был свидетелем прохождения этого разрушителя; он видел, как человеческий род постепенно исчезает с земли, как будто время завершило свой ход, и конец мира был близко. Ему тогда было двадцать пять лет, и он не мог быть не потрясен ужасными событиями, происходившими вокруг. «Это посещение Всесильным – пишет Д’Обинье – звучала как труба Судного Дня в сердце Уиклиффа». Брадвардин уже привел его к Библии, чума привела его к ней во второй раз; и теперь, несомненно, он изучал ее страницы более тщательно, чем ранее. Он подошел к ней не как теолог, ища в ней бо;льшей мудрости, чем в мистике схоластической философии; не как ученик, чтобы очистить свой стиль с помощью чистых образцов и обогатить понятия величественностью доктрин; и даже не как полемист в поисках оружия для нападок на господствовавшие предрассудки; он теперь пришел к Библии как потерянный грешник, ища пути спасения. С каждым

днем все ближе подходил посланник Всесильного. Тень, которую отбрасывал посланник, с каждым часом становилась виднее; и мы слышим возвысевшего в неистовстве голос молодого студента, который, несомненно, в тот час чувствовал бесплодность и безрезультатность философии тех школ: «Кто освободит меня от грядущего гнева?»

Казалось, что реформаторы того времени должны были сначала испытать душевный внутренний конфликт. Они должны были прочувствовать на себе силу заблуждений, горечь рабства, в котором находятся люди, и предстать перед лицом Всемогущего Судьи, прежде чем они станут освободителями других. Только это может вызвать у них сострадание к несчастным пленникам, чьи оковы они хотели разбить, и только это давало им мужества смело выступать против угнетателей, от чьей жестокости они хотели их спасти. Такую душевную борьбу испытали и Лютер, и Кальвин; душевные страдания и муки того же характера, хотя, возможно, не в такой степени, испытал и Уиклифф перед началом своей деятельности. Грехи, несомненно, тяжелым грузом легли на него, настолько тяжелым, что он не мог поднять головы. Стоя на краю ямы, говорил он, он почувствовал, как ужасно сходить в вечную ночь и «жить в вечном огне». Радость от того, что он избежал ужасной кончины, позволила ему понять насколько ничтожной является жизнь тела, и как мало значат те мучения, которые тираны мира имеют в своей власти применить, по сравнению с гневом Вечного Бога. Именно в таком огне укреплялись реформаторы. Именно в такой школе они учились противостоять смерти и петь на костре. В такое оружие был одет Уиклифф, перед тем, как был послан в бой.

Глава 2 - Уиклифф, папское наступление на Англию.

Облик Уиклиффа – Его академическая карьера – Бакалавр теологии – Лекции по Библии – Разногласия Англии с Папой – Уиклифф защищает привилегию короля – Иннокентий III – Папа назначает архиепископа Кантерберийского – Король Иоанн уступает – Англия карается отлучением – Ужасы приговора – Папа низлагает короля – Приглашает французского короля к завоеванию Англии – Иоанн становится папским вассалом – Бароны заставляют подписать Великую Хартию – Папа отлучает баронов – Отменяет хартию – Мужество баронов спасает Англию – Требование Урбана V – Развитие Англии – Национальная оппозиция папскому вторжению – Злоупотребления Папы – Статуты о Посланнике и Посягательстве на власть короля.

Личные эпизоды жизни Уиклиффа почти не зафиксированы. То, что он сделал для своего времени и для последующих веков, занимает его историографов за исключением сугубо личных дел. Лишь некоторые из них сыграли большую роль, были памятны в глазах мира, и о которых сохранились личные воспоминания и подробности. Для него было характерно обаяние удивительного добродушия, качество редкой простоты и скромности. Эти качества сочетались с чувством собственного достоинства, которое он проявлял с легкостью, как люди дворянского происхождения носят отличительные знаки высшего общества. Не только безгрешную, но и святую жизнь он вел в век беспримерного упадка. «Из его портрета, - пишет МасКри – который сохранился, можно иметь некоторое представление о личности этого человека. Он, вероятно, был человеком благородного вида и влиятельного положения. Проницательный взгляд темных глаз, орлиный нос и четко очерченные губы с саркастической улыбкой точно совпадают с тем, что нам известно о смелом и беспощадном характере реформатора».

Нескольких предложений будет достаточно, чтобы проследить разные этапы академической карьеры Уиклиффа. Он провел двадцать лет в Мертон-колледже Оксфорда, сначала как студент, а потом как сотрудник. В 1360 году он был назначен директором Бэллиол-колледжа. Своим продвижением по службе он был обязан славе схоласта.

Став бакалавром теологии, Уиклифф имел привилегию читать лекции по книгам Писания в университете. Ему было запрещено касаться более высокой сферы сентенций Петра Ломбардского, если бы он, в действительности, хотел этим заняться. Это исключительно принадлежало старшему классу бакалавров и докторов теологии. Но толкования, которые он давал на книги Святого Писания, принесли ему самому огромную пользу. Он приобрел более глубокие знания о божественных вещах; и таким образом, был невольно подготовлен как исповедник для великой работы по реформации церкви, к которой были направлены труды его последующей жизни.

Вскоре после этого он был назначен главой Кантерберийского колледжа. Это был новый колледж, основанный Саймоном де Ислипом, архиепископом Кантерберийским. Устав этого колледжа предписывал, что его преподаватели будут наставляться четырьмя монахами и восьмью священниками. Соперничество, существовавшее между двумя орденами, скоро вызвало ссоры, и, в конце концов, привело к конфликту с университетскими властями; основатель, найдя этот план непригодным, уволил четырех монахов и заменил их священниками, а Уиклиффа назначил директором или смотрителем. В тот же год Ислип умирает, и его преемником становится Лангхем, который сам, будучи монахом, вернул уволенных монахов и, сместив Уиклиффа с должности смотрителя, назначил нового главу колледжа. Уиклифф тогда подал апелляцию Папе; но Лангхем обладал большим влиянием в Риме, и после длительной проволочки, в 1370 году, дело решилось против Уиклиффа.

В ожидании этого решения случилось так, что события открыли для Уиклиффа более широкое поле деятельности, чем колледжи Оксфорда. С тех пор не против монахов Кантерберийского колледжа или даже архиепископа Англии, но против понтифика христианского мира должен был бороться Уиклифф. Для того, чтобы понять, с чем мы будем иметь дело, мы должны вернуться на век назад.

На троне Англии тогда был король Иоанн, развратный, малодушный и жестокий монарх, но, однако, способный иногда на отчаянные и смелые поступки. В 1205 году умер Хуберт, примат Англии. В более поздних канонах Кантербери находим, что тайно, в ту же ночь, без разрешения короля, был избран Регинальд, помощник приора, архиепископом Кантерберийским и посажен на архиепископский престол до полуночи. К рассвету следующего дня он был уже на пути в Рим, куда был отправлен духовенством просить об утверждении своего избрания. Когда король узнал об этом, он был разгневан безрассудной дерзостью и намеревался избрать архиепископом епископа Норвича. Обе партии – король и каноники – послали своих представителей в Рим, чтобы изложить дело перед Папой.

Человек, который тогда был на престоле Петра, Иннокентий III, энергично поддерживаал дерзкий проект Григория VII, подчинявший права и власть королей папскому престолу, и бравший в свои руки назначение всех епископов христианского мира, с тем чтобы через епископов и священников, полностью зависивших от Ватикана, он мог бы управлять по своей воле всеми королевствами Европы. Никакой Папа не добивался такого успеха в амбициозной политике, как тот человек, перед которым король Англии с одной стороны, и каноники Кантербери – с другой, представили свое дело. Иннокентий отклонил обе кандидатуры, и каноников, и короля, и выдвинул своего кандидата; кардинал Лангтон был избран папским престолом. Но это еще не все. Король обратился к Папе; и Иннокентий

увидел в этом прецедент, который нельзя было упустить, чтобы закрепить за понтификом свое право во все последующие времена, что стало самой большой гордостью римской церкви.

Иоанн не мог не увидеть опасности и чувствовал оскорбление в шаге, предпринятым Иннокентием. Кантереберийский престол был высшим местом почета и законодательства Англии после короны. Иностранная власть назначила своего кандидата на это августейшее место. Во времена, когда церковная власть была более опасной, чем светская, это было тревожным покушением на королевскую власть и национальную независимость. Удовлетворится ли Папа назначением на Кантерберийский престол? Не захочет ли он назначить свою кандидатуру на трон, еще одно место, которое стоит выше других в королевстве? Король клялся много раз, что папский ставленник никогда не сядет на Кантерберийский престол. На какой-то момент он осмелел и начал борьбу с намерением победить. Он выставил каноников Кантербери за дверь, приказал всем прелатам и аббатам покинуть королевство и бросил Папе вызов. Не трудно было предвидеть, чем окончиться конфликт, развязанный самым слабым монархом Англии против самого надменного и сильного римского папы. Понтифик ударил по Англии отлучением; король нанес оскорбление, и вся нация должна быть наказана вместе с ним. Прежде чем понять ужас этого приговора, мы должны забыть все, чему нас научили последние три столетия, и представить себе те суеверные убеждения, которые давали отлучению огромную власть. Люди того времени, на которых падал такой приговор, видели двери рая закрытыми сильной рукой понтифика, поэтому никто, кто принадлежал к несчастному королевству, находившемуся под папским запретом, не мог войти в рай. Все, кто уходил из жизни, должны были блуждать одиноко, как бесплотные духи в каком-то унылом месте, среди неизвестных мучений, пока не умолят того, у кого есть ключи, открыть запертые ворота. Земная картина этого духовного проклятия заключалась в том, что были недоступны любые виды прощения и церковные ритуалы. Церковные двери были закрыты, свечи в алтарях были погашены; колокола переставали звонить, кресты и изображения снимали и складывали на земле; младенцев крестили в церковном пруду; венчание проходило в церковном дворе; мертвых хоронили во рвах или в открытом поле. Никто не отваживался веселиться, есть мясо, брить бороду или уделять особое внимание своей персоне или одежде. По всей земле, которая была под гневом Всевышнего, можно было видеть только признаки горя, траура и несчастья; так люди понимали запрет понтифика.

Король Иоанн мужественно переносил такое положение в течение двух лет. Но Папа Иннокентий не отвернулся от намеченной цели; он решил покарать и согнуть упрямство монарха еще более ужасным отлучением. Он объявил приговор об отлучении самого Иоанна, низвергнув его с трона и освободив его подданных от

верности ему. Чтобы исполнить приговор, нужна была вооруженная сила, и Иннокентий, бросив взгляд вокруг, остановился на Филиппе Августе, французском короле, как на самом подходящем человеке, чтобы нанести удар Иоанну, предложив за труды королевство Англии. Но в интересах Филиппа не было предпринимать такую компанию, так как та же безграничная и неуправляемая сила, которая повергала короля Англии с его трона, могла на другой день под каким-то духовным предлогом смести короля Филиппа Августа со своего трона. Но награда была соблазнительной, и монарх Франции, собрав мощную армию, приготовился перейти Ламанш и захватить Англию.

Когда король Иоанн увидел край пропасти, на котором он стоял, мужество и упрямство покинули его. Он настоятельно просил об аудиенции с Пандольфом, папским легатом, и после небольшого разговора обещал безоговорочно подчиниться папскому престолу. Кроме того, обязавшись возместить духовенству все потери, он «отдал Англию и Ирландию Богу, св.Петру, папе Иннкентию и его преемникам на апостольском престоле; он согласился сохранять эти владения в подчинении римской церкви, платя ежегодно по тысяче марок, и поставил условие, что если когда-нибудь его преемники допустят нарушение этой хартии, они должны будут немедленно, если не покаются в своем нарушении, лишиться всех прав на свои владения». Дело было закончено приношением феодальной присяги Пандольфу, как папскому легату, со всеми унизительными ритуалами, которые предусматривал феодальный закон для вассалов перед своим господином и повелителем. Говорят, что Иоанн снял корону и положил ее на землю; а легат, чтобы показать свое могущество, пнул ее ногой и подбросил как никчемную безделушку, а затем, подняв ее из грязи, одел на голову трусливого короля. Это произошло 15 мая 1213 года. В летописях Англии нет более унизительного оскорбления, чем это.

Но бароны решили не быть рабами Папы; их отвага и патриотизм смыли неописуемый позор, который низость короля навлекла на страну. Обнажив мечи, они поклялись отстоять древнюю свободу Англии или умереть, защищая. Представ перед королем в Оксфорде в апреле 1215 года, они сказали: «вот хартия, которая предоставляет права, скрепленные Генрихом II, и которые вы торжественно поклялись исполнять». Король вскипел. «Я не дам вам прав, - сказал он – которые сделают меня рабом». Иоанн забыл, что он уже стал рабом. Но бароны не должны были подчиняться высокомерным словам, на подтверждение которых у короля не было власти; он стал противен всей нации; и в 1215 году, 15 июня Иоанн подписал Великую Хартию Вольностей в Раннимиде. Она фактически говорила Иннокентию, что Иоанн нарушил клятву вассала и взял назад королевство, которое положил к его ногам.

Когда вести достигли Рима о том, что сделал Иоанн, гневу Иннокентия не было предела. Не родился еще тот, чтобы его, наместника Бога, который держал все короны христианского мира в своей руке и попирал ногой все его королевства, так оскорбляли и игнорировали! Разве он не был феодальным правителем этого королевства? Разве Англия не была по праву его? Разве ее не положили у его ног, подписанным договором? Кто были эти несчастные бароны, что они противостали воле понтифика, и поставили независимость страны выше славы церкви? Иннокентий немедленно придал анафеме этих нечестивых и мятежных людей, в то же время, запрещая королю выполнять постановления хартии, которую он подписал, или ни в коем случае не выполнять ее условия.

Но Иннокентий пошел еще дальше. Он использовал странную кару, принадлежавшую той системе, к которой относился жестокий владелец тиары, и которую в совершенстве воплощал, так как догадался об истинном характере хартии, принятой в Раммимиде. Великая хартия вольностей была значительным политическим протестом против него и его системы. Она ознаменовывала начало нового порядка политической мысли и новый тип политических прав, полностью противоположных фундаментальным принципам и требованиям папизма. Великая хартия была конституционным правом, устоявшим перед лицом папского абсолютизма, и бросившим вызов к борьбе. Иннокентий чувствовал, что должен схватить это ненавистное чудовище при рождении и задушить его в колыбели; иначе, если он даст ему вырасти, то его трудно будет победить. Оно уже похитило у него одно из самых прекрасных королевств, которые он подчинил тиаре; нападки на папские привилегии этим не закончатся; он должен растоптать его, пока его дерзость не увенчается успехом, и другие королевства и их правители, заразившись нечестивостью дерзких баронов, не начнут следовать их примеру. Поэтому излив гнев в булле с высоты апостольской власти и авторитета своих полномочий, как поставленного Богом над царствами, «чтобы искоренять, разрушать, строить и насаждать», он аннулировал эту хартию, объявив все ее обязательства и гарантии недействительными.

В подписании Великой Хартии мы видим новую силу, появившуюся на поле сражения, чтобы воевать против тирании, которая сначала портила человеческие души, а потом порабощала и тела. Божественный или евангельский принцип пришел первым, а за ним пришла политическая свобода. Первый вскормил второй, так как ни в одной стране свобода не будет иметь плодов, если она не начнется с человеческой нравственности. Иннокентий уже выступил против евангельского принципа в крестовых походах против альбигойцев на юге Франции, а сейчас среди сильных народов севера появился еще один противник, плод первого, вышедшего, чтобы поддержать борьбу против власти, которая со своего седалища на семи холмах взяла все права и поработила все народы.

Смелый поступок баронов спас независимость нации. Иннокентий сошел в могилу; более слабые люди сменили его на папском престоле; короли Англии всходили на трон, не принося клятву верности Папе, хотя они продолжали ежегодно отдавать тысячу марок, которые Иоанн согласился платить в папскую казну. Наконец, в правление Эдварда II, эта ежегодная плата была незаметно прекращена. Никакого возражения по поводу ее прекращения не последовало из Рима.

Но в 1365 году после того, как выплата была приостановлена на тридцать пять лет, она была неожиданно востребована Папой Урбаном V. Требование сопровождалось указанием о том, что из-за неуплаты не только ежегодной подати, но и всех долгов, король Эдвард III должен был явиться в Рим и держать ответ перед своим господином, Папой, за непослушание. В сущности Англии было сказано: «Во второй раз прострись перед престолом понтифика». Англия времен Эдварда III не была похожа на Англию времен короля Иоанна; и это требование, как неожиданное, так и оскорбительное, потрясло нацию до глубины. Во время столетия, которое прошло с подписания Великой Хартии, развитие Англии во всех областях было удивительно быстрым. Она объединила норманнов и саксонцев в единую нацию, сформировала свой собственный язык, развила торговлю, провела реформацию законов, основала центры образования, которые стали хорошо известными, участвовала в великих битвах и одержала блестящие победы; ее отвага была известна и ее могущества боялись европейские страны; и когда услышали, что она должна была явиться как вассал перед Папой, то страна не знала принять ли это с негодованием или со смехом.

Недальновидность Урбана в выдвижении этого требования бросалась в глаза из-за того, что политическая борьба против папства заметно усилилась после Великой Хартии. Несколько строгих постановлений было принято с целью защитить закон, собственность страны и права подданных от постоянных и амбициозных посягательств Рима. Эти постановления были необходимы. Толпы иностранцев, в основном итальянцев, вторгались в королевство, разоряли его состояние и низвергали его законы. Иностранные церковники назначались Папой в богатые приходы Англии; хотя они никогда не жили в стране и не совершали там служение, они получали доходы со своих английский приходов и тратили их заграницей. Например, в шестнадцатый год правления Эдварда III, два итальянских кардинала были назначены на должности в епархиях Кантербери и Йорка с ежегодным жалованием в 2000 марок. «Первые плоды и право Папы на назначение бенефиций – говорили люди того времени – наносят бо;льший ущерб стране, чем все королевские войны». В парламенте, заседавшем в 1246 году мы находим жалобу среди прочих недовольств на то, что «Папа, неудовлетворенный пенсом Петра, притеснял королевство, вымогая у духовенства большие пожертвования без согласия короля; что англичан вынуждали отстаивать свои права вне королевства в

противоречии с традициями и изданным законам; что клятвы, законодательные акты и привилегии не имели силы; и что в приходах, где итальянцы получали бенефиции, не было подаяний, странноприимства, проповедования, божественных служб, душепопечительства и никакой компенсации дому священника».

Мировое господство не может устоять без доходов. Амбиции и теология римской церкви шли рука об руку, поддерживая друг друга. Ни одного пункта в ее вероисповедовании, ни одной церемонии в ее служении, ни одного ведомства в ее правлении не было, чтобы не укрепить ее власть и не увеличить ее доход. Ее догматы, ритуалы и ордена были лишь предлогом для получения денег. Изображения, чистилище, мощи, паломничество, индульгенции, праздники, канонизации, чудеса и мессы были лишь поборами под разными названиями. Десятины, облачения, молитвенные просьбы, право на бенефиции, право на ожидание будущих бенефиций, буллы и бреве были многочисленными каналами для передачи состояния наций христианского мира Риму. Каждый новый святой стоил стране его рождения 100.000 крон. Рукоположение на английского архиепископа покупалось за 1.200 фунтов. В 1250 году Вальтер Грей, архиепископ Йорка заплатил 10.000 фунтов за таинственное облачение, без которого ему не разрешалось собирать соборы, изготовлять миро, освящать церкви и рукополагать епископов и служителей. Соответственно нынешней стоимости денег, эта безделушка стоила 100.000 фунтов. С достаточным основанием кармелит Баптисто Мантуа говорит: «Если римская церковь что-нибудь дает, то только безделушки. Она забирает у тебя золото, но взамен не дает ничего тверже слова. Увы! Римской церковью правят лишь деньги».

Эти и другие незаконные захваты вскоре превратили земли Англии в итальянский приходской надел. Земля обрабатывалась затем, чтобы кормить иностранных монахов, и англичане стали дровосеками и водовозами для римской иерархии. Если у кардиналов Рима должны быть пышные пиры и пурпурные ризы, а также другие более сомнительные наслаждения, то не с нас, говорили англичане, надо драть шкуру, чтобы обеспечивать это; мы требуем, чтобы был положен конец этому разрушительному замыслу, прежде чем мы будем полностью разорены. Чтобы исправить это разорение, ставшее невыносимым, парламентом был принят ряд постановлений. В двенадцатый год правления Эдварда всем иностранным монахам было приказано покинуть королевство до Михайлова дня, а их содержание отдать английским богословам.

По другому закону доходы со всех приходов, руководимых иностранными церковниками, кардиналами и другими людьми, были отданы королю при их жизни. И далее в нем говорилось (статут показывает до какой степени дошло злоупотребление), «что все иностранные враги, которые захватили приходы в

Англии (являясь в своей стране сапожниками, портными или горничными вплоть до кардиналов) должны уехать до Михайлова дня, а их приходы передать бедным английским богословам». Уже упомянутая плата в 2000 марок двум кардиналам была прекращена. «Далее постановлялось, что ни один англичанин не должен привозить в страну епископу или кому-то другому, никакой буллы или другого послания из Рима или другой страны, не показав канцлеру или лорду-хранителю пяти портов, под страхом потери всего, чем владел». Один человек, не испугавшись этого постановления, осмелился привести папскую буллу в Англию; но он едва не поплатился жизнью за свое безрассудство; он был осужден на галеры, и был бы повешен, если бы, не заступничество канцлера.

Мы вряд ли будем удивляться народному негодованию по поводу этих злоупотреблений, когда подумаем о многочисленных бедах, принесенных в результате этого. Власть короля была ослаблена, юрисдикция трибуналов была захвачена и казна разорена. Было подсчитано, что налоги, выплачиваемые Папе на церковные нужды, были в пять раз больше, чем налоги, собираемые со всего королевства для короля. И далее в результате перемещения богатства страны заграницу, образование и искусства находились в плачевном состоянии, больницы приходили в негодность, церкви разрушались, службы не велись, земли не распахивались, и этим парламент объяснял частый голод и эпидемии, случавшиеся в последнее время в стране, и повлекшие частичное сокращение населения в Англии.

Два статута, в частности, были приняты в этот период, чтобы ограничить папское вторжение; это были знаменитые статуты о Посланнике и Посягательстве на власть короля. Первый объявлял незаконным обеспечивать кандидата римского престола на церковную должность бенефициями, или принимать приходских священников, без утверждения по закону через капитулы или обычные выборы. Все назначения считались недействительными и стороны, задействованные в них, должны быть наказаны штрафом или заключением, и апелляция могла быть подана только в королевский суд. Второй статут, который был принят спустя три года, запрещал апелляции по вопросам собственности, решаемых в английских трибуналах, в суды Рима, под страхом конфискации имущества и тюремного заключения на срок, предусмотренный королем. Такие апелляции были распространены, но приведение в исполнение этого статута должно было положить им конец; однако закон против назначений на бенефиции извне не так легко было выполнить, и законоположение, хотя и было отменено, не устранило злоупотреблений.

Глава 3 - Борьба Уиклиффа с Римом за независимость Англии.

Нетерпение короля и народа – Созыв палаты лордов и палаты общин – Должна Англия склониться перед Римом? – Дебаты – Требование Папы единодушно отклонено – Англия на пути к протестантизму – Влияние Уиклиффа – На Уиклиффа нападает неизвестный монах – Его ответ – Доказывает независимость страны – Важный исход дела – Большая победа, чем при Креси – Его апелляция в Рим проиграна – Начинают считать его центром новой эры.

Когда Англия начала сопротивляться папству, она начала увеличивать мощь и богатство. Освободив шею из-под ярма Рима, она гордо подняла голову среди других народов. Иннокентий III, увенчав серию посягательств низвержением короля Иоанна, – подлое действие, не имеющее себе равных в истории Англии – сделал себя господином королевства. Но понтифик, получив довольно сильное сопротивление, устранился. Северные рыцари, мало знавшиие о теологии, но радевшие о независимости страны, стали хозяевами на своем острове и дали знать об этом надменному владельцу тиары, когда составили Великую Хартию. Обратившсь к королю Иоанну, они сказали ему, что если он станет рабом итальянского священника, то тогда он не может быть господином Норманнских баронов. Волна, однажды поднявшаяся, продолжала накатываться; были приняты два знаменитых статута о Посланнике и Посягательстве на власть короля. Существовал как бы двойной бруствер: первый должен был сдерживать поток посягательств римской церкви на Англию; а второй должен был закрыть дверь десятинам, дохода и апелляциям, которые текли все увеличивающимся потоком из Англии в Ватикан. Великобритания никогда не совершала действий против папства, но вместе с тем она развивала деятельность и укрепляла свободу. Такова была ситуация; ее душа стала возвышаться.

Этот момент выбрал Урбан V, чтобы выдвинуть свое надменное требование. Как часто папам не удавалось узнавать признаки времени! Поразительно, что Урбану тоже не удалось сделать это. Нация, хотя и была под духовным бременем Рима, но стала сопротивляться его верховной власти и непомерным поборам. Парламент стал на путь законодательства, чтобы установить границы алчному вторжению. Король также был раздражен «попранием древних законов и разрушением королевства; и со свежими лаврами битвы при Креси на голове он не собирался выплачивать Риму компенсацию, как приказывал Урбан, или платить тысячу марок за право носить корону, которое он мог защитить и мечом. В 1366 году Эдвард собрал парламент и, представив ему послание папы, попросил совета об ответе на него.

«Дайте нам один день, – сказали представители сословий –чтобы обдумать этот вопрос». Король охотно дал им это время. На следующий день собрались вновь прелаты, лорды и представители палаты общин. Должна ли Англия, которая

становится владычицей морей, склониться к ногам Папы. Наступил критический момент! Пристально вглядываемся в лица участников собрания, так как судьба Англии зависит от их решительности. Вернется ли страна к дням Иоанна, или пойдет она дальше к высшей славе, чем та, которая была достигнута при Эдварде? Уиклифф присутствовал при этом событии и сохранил конспект речей. Запись представляет собой интерес, как наиболее ранние записанные дебаты парламента, и еще больший интерес из-за важности обсуждаемых вопросов.

Первым поднялся лорд военного ведомства. «Королевство Англии – сказал он, открывая дебаты – было завоевано мечом и этим же мечом защищалось. Пусть Папа возьмет свой меч, придет и попробует взыскать подать силой, а что до меня, то я готов противостать ему. Он говорил скорее не как послушный сын церкви, а как верный подданный Англии. Вряд ли большую поддержку нашли сторонники папского требования в речи второго лорда. «Только тот имеет право – сказал он - на не церковные подати, кто имеет законное право на применение гражданских норм и может обеспечить гражданскую защиту. Папа по закону не может делать ни того, ни другого; он является служителем евангелия, а не светским правителем. В его обязанности входит давать духовный совет, а не оказывать светскую поддержку. Нужно понять, что он ограничен пределами своего духовного служения, где мы должны подчиняться ему; но если он захочет выйти за эти границы, то будет отвечать за последствия». «Папа – сказал третий оратор в том же духе, как и второй – называет себя слугой всех Божьих слуг. Очень хорошо, он может требовать компенсацию только за выполненную работу. Но где работа, которую он сделал для этой страны? Служит ли он нам духовно? Помогает ли он нам по-светски? Не истощает ли он скорее наше богатство и зачастую в пользу наших врагов? Я отдаю свой голос против подати.

« На каком основании эта подать была первоначально востребована?» - спросил другой. «Ради отпущения грехов королю Иоанну и снятия отлучения с королевства? Но предоставление духовных привилегий за деньги является откровенной симонией, это - церковное мошенничество. Пусть лорды духовно и по плоти умоют руки от такой позорной сделки. И если Папа требует подать от верховного правителя королевства, почему он просит тысячу марок, а не просит трон, землю и народ Англии? Если для его титула достаточно тысячи марок, то этот титул стоит гораздо больше. На том же основании Папа может освободить трон и посадить на него кого хочет». «Папа Урбан говорит нам,– выступает следующий – что все королевства – Христовы; и что он, как Его наместник, сохраняет Англию для Христа; но так как Папа грешен и может злоупотребить Его доверием, то мне кажется было бы лучше, если бы мы сами хранили нашу страну для Христа». «Давайте перейдем – сказал последний оратор – к существу дела. У короля Иоанна нет прав на то, чтобы подарить королевство Англии без согласия народа. Согласие на это никогда не было

дано. Золотая печать короля и печати нескольких лордов, которых Иоанн уговорил или принудил присоединиться к нему в этой сделке, не являются согласием народа. Если Иоанн подарил своих подданных как движимое имущество, то пусть Иннокентий придет и заберет свое собственность, если сможет. Мы, народ Англии, не голосовали за это, мы считаем сделку недействительной и не имеющей юридической силы с самого начала».

Так выступали на парламенте Эдварда III. Никто не проголосовал в поддержку надменного требования Урбана. Священники и представители палаты лордов и общин единодушно отказались выплачивать долг, считая его оскорбительным для Англии; эти люди выражались простым, кратким и лаконичным языком, который олицетворял их глубокую уверенность и твердую решимость. Если было нужно, их смелые слова были бы потдверждены такими же смелыми действиями. Руки баронов лежали на эфесах мечей, когда они произносили их. Во-первых, они были подданными Англии, и, во-вторых, членами римской церкви. Папа не считал добрым католиком того, кто нарушал порядок и не ставил духовную преданность выше плотской, церковь выше своей страны. Твердая позиция парламента положила конец этому вопросу. Вопрос, который в действительности поднял Папа, был не менее чем: Будет ли сувереном Англии Папа или король? Ответом парламента был: не папа, но король; и с того часа требование первого не рассматривалось, по крайней мере в открытом контексте.

Решение, к которому пришел парламент, было единодушным. Он вкратце отразил как аргументацию, так и дух речей. Всего несколько таких ответов поступило в те дни к подножью папского престола. В виду того, - говорилось в решении трех сословий государства – что ни король Иоанн, и никакой другой король, не может повергнуть королевство в рабство и зависимость без общего согласия парламента, и так как оно не получено, следовательно, то, что он сделал, противоречило клятве, данной на коронации, и, кроме того, многим другим постановлениям. Поэтому, если Папа предпримет что-нибудь против короля через суд, или с помощью документально подтвержденных фактов, то король со всеми своими подданными должен воспротивиться этому со всей силой и властью.

Так Англия еще в середине четырнадцатого века вступила на путь реформации. Представители сословий государства единодушно отвергли одну их двух отраслей папства. Догмат о наместничестве связывает духовное и плотское в одну неправильную юрисдикцию. Англия отвергла последнее, и это было шагом к сомнению и последующему отрицанию первого. Было вполне естественным для нации сначала раскрыть лживость плотской власти, прежде чем увидеть подобную лживость духовной. Урбан выставил дело на свет и никто не мог ошибиться. Требуя ежегодной уплаты тысячи марок, он перевел, как мы говорим, теорию плотской

власти в ощутимый факт. Эта теория могла оставаться еще немного без рассмотрения, если бы она не вылилась в такую неприглядную форму. Ореол, который окружал папскую структуру в средние века, начал рассеиваться, и люди осмеливались критиковать систему, чей огромный престиж прежде сдерживал их. Таково было состояние сознания, в котором находим английскую нацию. Оно предвещало скорую реформацию.

В значительной степени, и фактически в основном, именно Уиклифф способствовал такому состоянию сознания в Англии. Он был учителем лордов и представителей палаты общин. Он предлагал на обсуждение эти доктрины с кафедры Оксфорда, прежде чем они были провозглашены представителями сословий королевства. Но из-за духа и взглядов, которыми он постепенно заквашивал нацию, требование Урбана могло быть встречено по-другому. Оно не могло быть удовлетворено; положение, которое Англия заняла в Европе, уважение, оказываемое ей другими странами, делали подчинение невозможным; но без Уиклиффа это противостояние не было бы поставлено на четкую основу, и не отстаивалось бы с таким решительным патриотизмом. Твердо занятая позиция разрушила надежды Ватикана, и навсегда избавила Англию от таких возмутительных и надменных требований.

Позиция Уиклиффа в этом противостоянии была уже заметной, и то, что настроения в парламенте были эхом его учения в Оксфорде, явствует из последующего события. Папа нашел поддержку в Англии, правда не в парламенте. Монах, чье имя не дошло до нас, выступил с доказательством справедливости требования Урбана V. Этот полемист выдвинул фундаментальное заявление о том, что, как наместник Христа, Папа является верховным правителем монархов и господином их королевств. Отсюда он сделал несколько выводов: все суверены обязаны починяться ему и платить подать; особую покорность должен проявить английский монарх вследствие передачи Иоанном своего королевства Папе; Эдвард достаточно укрепил свой торн, не платя ежегодной подати; и, наконец, все священники, монахи и миряне не подчиняются гражданскому правосудию, и не обязаны являться в суд и разбирать дела в суде магистрата. Назвав Уиклиффа по имени, монах призвал к опровержению выдвинутых им заявлений.

Уиклифф принял брошенный ему вызов. Выполнение задачи было связано с огромным риском; не из-за слабости логики Уиклифа или неоспоримой логики монаха; но потому что власть, которую он атаковал, едва ли могла допустить исследование ее устоев и выставление напоказ ее лживости. И поэтому, чем успешнее побеждал Уиклифф, тем вероятнее он чувствовал неудовольствие врага, против которого он боролся. В тот момент его дело находилось на рассмотрении в Риме, и если он победит Папу в Англии, как легко будет Папе победить его в Риме!

Уиклифф хорошо осознавал эту и другие еще большие опасности; тем не менее, он вышел на поле сражения. Открывая дискуссию, он представился «личным служителем короля», из чего мы можем сделать вывод, что король обратил на него свой взор, привлеченный его эрудицией и талантами, и дал ему звание королевского капеллана.

Полемика велась со стороны Уиклиффа очень выдержанно. Он довольствовался тем, что заявил о правах светской власти, а не стал разрабатывать новую аргументацию. Это – естественные права народа, законы королевства Англии и заповеди Священного Писания. «Уже – говорит он – третья и даже большая часть Англии находится в руках Папы. Не может быть – продолжает он – двух светских суверена в одной стране; либо король – Эдвард, либо Урбан. Мы сделали выбор. Мы принимаем англичанина Эдварда и отказываемся от римлянина Урбана». Затем он возвращается к дебатам в парламенте и представляет обзор речей представителей духовной и светской власти. Таким образом, Уиклифф выдвигает на первый план видных людей королевства и закрывает себя щитом их авторитета; но, несомненно, мнение – его собственное; печать его индивидуальности и гения хорошо проявляется в нем. Из его лука была пущена стрела, которой была ранена светская власть папства в Англии. Если его мужество проявилось в том, что он не оставлял борьбу, то его рассудительность и мудрость были заметны в методах ее ведения. Это было делом короля и нации, а не просто его делом; и нужно было применить мастерскую тактику, чтобы оно не выглядело как недостойная перебранка неизвестного монаха с оксфордским ученым, а как противостояние короля Англии и римского понтифика. Служение Уиклиффа было велико. Взоры всех европейских народов были в тот момент обращены на Англию, наблюдая с неослабным вниманием за исходом спора, который она вела с властью, пытавшейся склонить весь мир к рабству. Если бы Англия склонилась перед папским престолом, и победитель при Креси принес феодальную присягу Урбану ради короны, какой бы монарх надеялся устоять, и какой народ мог ожидать избавление своей независимости от хватки тиары? Подчинение Англии могло бы способствовать такому укреплению престижа и силы папства, что вернулись бы времена Иннокентия III, и буря отлучений и запретов пронеслась бы над всеми тронами и помрачила небо над всеми королевствам, как во времена самого могущественного из Пап. Это был решительный перелом. Было видно, продолжит ли волна наступать или откатится назад. Решение Англии заставили воды папской тирании отступить, и все народы встречали его с радостью, как победу, одержанную для себя. Англия, из этого спора получила надежные и великие блага. Плоды великих битв при Креси и Пуатье давно исчезли; но что касается победы над Урбаном V, Англия до сих пор пользуется ее плодами. Но нельзя забывать, что, хотя Эдвард III и парламент были на первом плане, настоящим победителем в этой битве был Уиклифф.

Вряд ли нужно говорить, что Уиклиффу отказали в иске в Риме. Должность хранителя Кантерберийского колледжа, на которую он был назначен его основателем, и с которой его уволил архиепископ Лангхем, была окончательно потеряна. Он послал апелляцию Папе в 1367 году; но она была надолго отложена, и не ранее 1370 года было объявлено решение римского суда, подтверждавшее его отставку и назначавшее монахов Лангхема единственными владельцами Кантерберийского колледжа. Уиклифф потерял должность хранителя, но он сделал большой вклад в дело спасения независимости своей страны. Одержав эту победу, он сделал больше, чем если бы он победил во многих сражениях на поле битвы. Он сослужил великую службу Англии и понес большие наказания за свой патриотизм. Вскоре после этого, он получил степень доктора богословия, звание более почетное в те дни, чем сейчас; и кафедра богословия, на которую он был возведен, расширила круг его влияния, и проложила дорогу к исполнению его великой миссии. С того времени Уиклиффа стали считать центром новой эры.

Глава 4 - Борьба Уиклиффа монахами нищенствующих орденов.

Логическая борьба Уиклиффа – Возникновение монашеских орденов – Удивительные картины монахов и монастырей – Пороки ранних орденов – Свидетельства современников – Новы монашеские ордена – Причины их учреждения – Св.Франциск – Его молодость – Приход к Иннокентию III – Право основать орден – Быстрый рост францисканцев – Св.Доминик – Его характер – Основывает орден доминиканцев – Проповедь миссионеров и инквизиторы – Устав новых орденов – Сравнение старых и новых монахов – Их обет бедности – Как обошли обет – Потом одеяние – Огромные богатства – Величественные строения – Ужасная деградация – Заполонили всю Англию – Их незаконная деятельность – Борьба против них, начатая Армаханием – Он жалуется на них Папе – Его жалоба остается без ответа – Он умирает.

Сейчас мы кратко рассмотрим вторую великую борьбу, к которой был призван наш реформатор; и которая, судя по дате ее возникновения (она началась до завершения той, о которой мы только что рассказали) должна быть названа первой.

Она все еще продолжалась, когда его борьба против светской власти закончилась, и фактически она продолжалась, более или менее, до конца жизни. Дискуссия затронула великие принципы и оказала огромное влияние на мышление Уиклиффа, формируя взгляды на папство в целом. От рассмотрения злоупотреблений папской власти он перешел к рассмотрению ее легитимности. При каждом шагу появлялась новая неясность; и это опять отсылало его к Писанию. Каждая прочитанная страница проливала свет на его сознание и открывала какое-то новое изобретение или заблуждение людей, пока, наконец, он не увидел, что система Евангелия и папская система полностью и непримиримо расходятся во мнениях; и если он будет следовать одной, то окончательно отвергнет вторую. Это решение, как видим у Фокса, далось ему кровью и потом. «После того, как он долгое время преподавал богословие в Оксфорде - пишет хронист - и, осознав, что Евангелие Христа было фальсифицировано и искажено многочисленными отвратительными выдумками епископов, монашескими сектами и темными заблуждениями; и что он после долгих дискуссий и глубоких размышлений (вздыхая и скорбя душой о всеобщем неведении мира) не мог больше терпеть этого, и решил помочь и исправить то, что он считал выходило за рамки допустимого. Но так как он видел, что это опасное вмешательство нельзя совершить без больших неприятностей, а также нельзя было мгновенно вырвать или убрать то, что от долгого употребления и привычки, укоренилось и привилось в сознание людей, он рассудил, что все нужно делать мало помалу. Для чего, пользуясь своими первоначальными соображениями в маловажных случаях, он открыл себе дорогу к более важным вопросам. Во-первых, он резко критиковал оппонентов по логическим и метафизическим вопросам, что

впоследствии дало возможность говорить о более сложных вопросах, пока, наконец, он не коснулся таинств и других нарушений церкви».

О возникновении монашеских орденов, их быстром и поразительном распространении по всему христианскому миру и за его пределами так хорошо известно, что не нужно об этом подробно и долго говорить. Гробницы Египта, пустыня Фиваиды, горы Синая, скалы Палестины, острова Эгейского и Тирренского морей населены колониями отшельников и анахоретов, которые убежав от мира, посвятили себя жизни в уединении и духовном созерцании.

Обмирщение и развращенность приходского священства, вызванное богатством, текшим в церковь в ранние времена в связи с необходимостью, требовали установления нового порядка, который мог явить яркий пример праведности. Анахореты представляли тот самый образец, в котором, вероятно, нуждалось время. Эти люди, живя в уединении или небольшими общинами, оставили мир, дали обет бедности и послушания, и вели скромную, трудовую, скудную, целомудренную и праведную жизнь, являя пример святости Евангелия во времена упадка. Аскетизм и нищета монастырей спасали христианство от позора, который принесли изобилие и надменность соборов. Итак, мир рассуждал и научался, видя это.

Какое-то время, несомненно, монастыри были пристанищем благочестия, которое было изгнано из мира. О святости этих учреждений ходили удивительные легенды. В их стенах царил мир, в то время как внешний мир был приведен в смятение насилием. Земли вокруг них, благодаря умелому и бережному возделыванию братством, цвели как сад, в то время как остальные земли из-за небрежения и варварства превращались в пустыни; науки развивались, искусства светской жизни сохранялись, в то время как основное общество, поглощенное войнами, вяло продолжало свой мирный труд. К воротам монастырей приходили хромые, слепые, глухие, и милосердные обитатели никогда не отказывали им в помощи и снабжали всем необходимым. В общем, когда в замке соседнего барона раздавалось бряцание оружия или шум вассалов, колокольный звон монастырей утром и вечером говорил о преданности, смиренных молитвах и горячих восхвалениях, в которых отцы проводили время.

Было так чудесно и отрадно думать, что в такое жестокое время, омраченное непрерывными войнами, были, тем не менее, тихие убежища, где грохот оружия не заглушал голоса муз или спокойствия святого пения, и нам кажется, что было бы преступлением против веры сомневаться в ее истине. Но надо признаться, что наша вера в них была бы сильнее, если бы о них рассказали современные хронисты, а не, в основном, воображение поэтов, живших позже. Нам неизвестно, где искать исторические первоисточники этих восхитительных описаний. Однако мы не сомневаемся, что в них есть доля истины; что во время раннего своего

существования эти учреждения были в какой-то степени прибежищем благочестия и искусств, раздавали милостыню и обучали ремеслам. Известно, что вплоть до реформации были люди, которые прятались от мира, жили со Христом и питали свое благочестие от источников Слова Божьего. Такие люди были, однако, редки и сравнение с ними не в пользу остальных отцов.

Об одном история не оставляет сомнений: монашеские ордена быстро и в ужасной степени развратились. Было бы чудом, если бы было иначе. Эта система нарушала основные законы естества и общества, а также Библию. Как может развиваться благочестие без его упражнения? Если мир является полем соблазна, то он еще в большей мере является школой дисциплины и питомником добродетелей. «Живя там, – сообщает монахиня Кранбри, одна из потомков Сэра Томаса Мора – говорю из собственного опыта, если кто-то не пребывает в правильной молитве и других упражнениях между Богом и своей душой, то природа той монахини становится еще хуже, чем, если бы она жила в миру». Именно в обществе, а не в уединении, можно научиться самоотречению, терпению, милосердию и великодушию. В келье нечего терпеть или преодолевать, кроме холода, голода или диких зверей, которые, однако, могут развить телесные качества, но не могут способствовать добродетелям души.

На самом деле, монастыри, как известно, стали более развращенными, чем мир, который покинули их обитатели. К 1100 году один из их защитников сказал, что оставляет их. Картины, которые некоторые папские писцы оставили о них в 13 веке, например, Клемангис, мы не осмеливаемся помещать на наших страницах. Репутация их благочестия увеличила число их покровителей и усилила поток бенефиций. С богатством пришли два сопутствующих качества: роскошь и надменность. Обет нищеты не был преградой, они могли, как совместная организация, владеть любым богатством. Земли, дома, охотничьи угодья и леса; десятины с подати, с садов, с рыбных хозяйств, с коров, с шерсти и ткани, составляли приданое монастырей. Огромная и разнообразная опись предметов, которые составляли собственность братства, включала все, что хорошо было для еды и приятно для глаз: необычная мебель для помещений, изысканные облачения для служителей, лучшие дары полей, деревьев и рек для столов, тихоходные мулы днем и роскошные экипажи ночью. Их глава, аббат, по богатству равнялся королям, и превосходил их по надменности. Такими, от смиренного начала в кельях с каменной постелью и едой из травы, стали условия в монашеских орденах задолго до Уиклиффа. Будучи украшением христианства, они стали его позором, будучи опорой римской церкви, они стали ее грехом.

Приведем цитату из свидетельства того, кто не был слишком строг в обвинении поведения своего братства. Питер, аббат Клуни, жалуется так: «Наши братья не

бояться Бога и, потеряв всякий стыд, едят мясо каждый день, кроме пятницы. Бегают туда и сюда и, подобно коршунам и стервятникам, летят с огромной скоростью туда, где пахнет кухонным дымом, где они могут обонять запахи жареного и вареного. Над теми, которые не поступают как они, насмехаются и считают лицемерами и невеждами. Бобы, сыр, яйца и даже рыба не могут удовлетворить их тонкий вкус; они лишь любят котлы с мясом Египта. Кусочки вареной и жареной свинины, жирная телятина, выдра и зайчатина, лучшие гуси и пулярки, словом, всевозможное мясо и птица накрыты на столах наших святых монахов. Но зачем я это говорю? Прежняя еда стала обычной, они пресытились ею. Им захотелось чего-нибудь вкуснее. У них появились барашки, олени, кабаны и медведи. Охотники охотились для них по лесам, с помощью капканов ловили фазанов, куропаток и вяхирей, боясь, что Божии слуги (наши славные монахи) умрут с голода».

Св. Бернар в 12 веке писал в защиту монахов Клуни, обращаясь к Уильяму, аббату св. Феодора. Эта работа была написана с целью рекомендаций ордену, однако, автор не мог сдержаться от обличения беспорядков, вкравшихся в него; немного подготовив почву, он продолжает дальше как будто не может остановиться. «Я никогда не устаю удивляться – пишет он – как такая большая распущенность в еде, привычках, постелях, экипажах и лошадях могла проникнуть и установиться среди монахов». После подробного описания пышности облачений отцов, размера конюшен, богатых попон мулов и роскошной обстановки комнат св.Бернар продолжает говорить о трапезах, которые живо описывает. «Разве их рты и уши – пишет он - не в равной степени наполнены едой и искушаемыми голосами? И так как они не могут управлять своими нескоромными трапезами, может, найдется кто-нибудь, способный остановить эти пирушки? Конечно, нет. Блюдо подается за блюдом, и в постные дни, которые они объявляют, на столе появляется две вереницы жирной рыбы, плавающей в соусе. Разве вы не пресыщены этим? Повар довольно искусен, чтобы огорчать вас менее вкусными блюдами. Таким образом, тарелка с жадностью поглощается за тарелкой, одна заменяет другую, так что они наполняют животы, но редко утоляют аппетит. И все это – восклицает св.Бернар – «во имя милосердия, потому что было поглощено людьми, давшими обет нищеты, и, следовательно, должны быть причислены к «нищим».

От монастырского стола, где, как мы видим, одно блюдо сменялось другим быстро и беспорядочно, св.Бернар дает нам возможность увидеть пышность, с которой выезжали монахи». «Я позволю себе спросить – пишет он – как соль земли так испортилась. Как получилось, что люди, которые должны быть примером скромности, на деле стали примером тщеславия? Проходя мимо многого другого, какое доказательство смирения можно найти в большом кортеже лошадей с экипажем, сопровождаемом вереницей слуг и лакеев, так что кортеж одного аббата превосходит кортеж двух епископов! Пусть считают меня лжецом, если это не

правда, что я видел кортеж одного аббата в сопровождении шестидесяти лошадей. Кто может считать этих людей отцами монахов и пастырями душ? Или кто скорее не примет их за губернатора города или провинции? Почему, если господин отъехал на четыре лье, его кортеж должен достигать его дверей? Можно принять эти мощные процессии за армию или подготовку к путешествию через великую пустыню».

Нужно было кардинальное средство. Ущерб, нанесенный папству развращенностью и пресловутой расточительностью монахов, должен быть возмещен. Но как? Реформация старых орденов была безнадежным делом; нужно было создавать новые братства. Был избран этот путь. Орден францисканцев был учрежден Иннокентием III в 1215 году, а доминиканцы были санкционированы его преемником Гонорием III спустя несколько лет (1218г.). Целью их создания было восстановление с помощью смирения, нищеты и апостольского рвения доверия, потерянного церковью вследствие гордости, богатства и праздности более старых монахов. Кроме того, новые времена, в которые, как церковь думала, она вступала, требовали нового служения. Нужны были проповедники для опровержения еретиков, и это особенно учитывалось в уставах новых орденов.

Основатели этих орденов были очень не похожи по характеру и душевному складу.

Св.Франциск, основатель францисканцев или миноритов, как их стали называть, родился в Ассизе, в Умбрии в 1182 году. Его отец был богатым купцом этого города. Историки св. Франциска отмечают, что его рождение сопровождалось определенными знамениями, предсказавшими ему великое будущее. Его мать, когда пришло время, очень тяжело рожала, схватки продолжались много дней, так что она была на грани смерти. В этот критический момент ангел, в образе странника явился у ее двери и попросил милостыню. Его просьба была тут же исполнена, и довольный странник сказал домашним, что нужно делать, чтобы хозяйка дома стала радостной матерью сына. Они должны были взять ее постель, вынести из дома и положить в конюшне. Указания странника были выполнены, схватки скоро прекратились и ребенок впервые увидел свет среди «зверей». «Это было первой привилегией, – отмечает один из его историков – по которой Франциск напоминал Иисуса Христа: он родился на конюшне».

Несмотря на это предсказание, предвещавшее большую, чем обычная, святость, Франциск рос «дебоширом», - пишет Д’Эмилиан – и, ограбив отца, был лишен наследства, что его не очень волновало». Он был охвачен ужасной лихорадкой, и безумие, которое она вызвала, кажется, никогда не оставило его полностью. Он лег на ложе болезни веселым развратником и мотом, а встал с него одержимым идеей святости и благочестия, заключавшейся в бедности.

Он детально разработал свою теорию. Он раздал свою собственность, обменялся одеждами с нищим, которого встретил на дороге; и грязный, истощенный, покрытый пылью и лохмотьями, со странным огнем в глазах он бродил по стране вокруг родного города Ассизы, сопровождаемый толпой мальчишек, которые улюлюкали и глумились, как они считали, над сумасшедшим. После того, как к нему присоединились семь учеников, он отправился в Рим, чтобы представить свой план Папе. По прибытии он нашел Папу Иннокентия III, совершавшего прогулку на террасе своего дворца в Латеране.

Какой сюжет для живописца! Самый надменный из понтификов, человек, которому, подобно Юпитеру, достаточно только было кивнуть головой и короли слетали с трона, страны карались отлучением, прохаживался взад и вперед под сводчатой галереей своего дворца, строя, несомненно, новые и более мощные планы, чтобы показать славу и укрепить господство папского престола. Иногда его взор устремлялся к Апеннинам, возвышавшимся великой стеной в Кампаньи, которая лежала перед ним, не черным пространством, как сейчас, а удивительным садом, сверкающим виллами и пестрым от виноградников, оливковых и фиговых деревьев. Если впереди дворца была эта чудесная панорама, то позади него была другая, представлявшая лицевую сторону той, куда был устремлен взор понтифика. Ужасная брешь, покрытая остатками того, что когда-то было храмами и дворцами, и простиравшаяся от Латерана до Колизея, портила красоту города понтифика. Это неприглядное зрелище было напоминанием о борьбе за инвеституру, и, естественно, перенесла Иннокентия в мыслях назад, во времена Гильдебранда и яростной борьбы, которая была развязана в христианском мире его рвением к трону.

Какой поток богатств хлынул в Рим в столетие, прошедшее с тех пор, когда Григорий VII правил тем скипетром, который сейчас был у Иннокентия III. Не было ни одного понтифика, ни одного десятилетия, которые не были бы свидетелями громадного роста Вавилона, возвысившего таланты и умелое управление всех Пап, от Григория до Иннокентия. К этому времени структура была завершена, так как невозможно представить ее более высокое развитие. Рим был более могущественным господином всего мира, чем даже при Цезаре. Его власть проникла в сердца и души народов. И снова он рассылал своих легатов, как прежде проконсулов, чтобы управлять подвластными королевствами, снова издавал эдикты, которым подчинялся весь мир, снова короли и князья подавали прошения у его ворот, снова по его дорогам шли многочисленные послы и ходатаи из разных частей христианского мира; из самых отдаленных областей приходили паломники и ярые поклонники, чтобы помолиться у его святых гробниц; день и ночь от его ворот тек непрерывный духовный поток, чтобы освежить мир; епископские посохи и мантии, священнические должности и мистические звания, индульгенции и освобождения от обетов, мощи и амулеты, бенефиции и анафемы; взамен подать со всей земли

поступала в ее сокровищницы. О таких приятных предметах размышлял Иннокентий, когда к нему подошел Франциск Ассизский.

Взгляд понтифика падает на странную фигуру. Иннокентий останавливается, чтобы лучше рассмотреть человека. Одежда нищего, похож на приведение, взгляд дикий; но, несмотря на такую внешность, что-то есть в нем, что говорит: «Я пришел с миссией, поэтому осмелился явиться сюда. Я не пришел, чтобы просить милостыню, а чтобы дать ее Папам». Мало кто из королей мог своей властью положить большие дары к ногам римской церкви, чем этот человек в лохмотьях. Заинтересованный тем, что может тот сказать, Иннокентий разрешил странному посетителю обратиться. Франциск поспешно изложил свой план; но Папа не понял его значения и не наделил Франциска полномочиями к его исполнению; он приказал ярому поклоннику уйти; разочарованный и подавленный Франциск ушел, думая, что его план был пресечен в корне.

Этот случай произвел на понтифика более глубокое впечатление, чем он осознавал. Когда он ночью лежал на ложе, нищий, казалось, вновь предстал перед ним и ходатайствовал о своем деле. Пальма, как думал Иннокентий во сне, неожиданно выросла у его ног до огромных размеров. Во втором сне Франциск как будто протянул руку, чтобы поддержать Латеран, которого грозили сбросить». Когда Папа проснулся, он приказал найти этого странного человека из Умбрии и привести к нему. Он собрал кардиналов, чтобы они тоже смогли услышать план. Иннокентию и его конклаву идея Франциска понравилась; и кому, думали они, можно было поручить ее выполнение как не ярому поклоннику, который ее предложил? Этому человеку в лохмотьях римская церковь дала поручение. Вооруженный санкцией понтифика, дававшей ему право основать, организовать и привести в действие орден согласно своему плану, Франциск оставил Папу и кардиналов и отправился начинать работу.

Энтузиазм, который так сильно горел в его мозгу, зажег такой же энтузиазм в других. Вскоре св.Франциск нашел дюжину людей, желавших разделить его взгляды и принять участие в выполнении плана. Дюжина быстро переросла в сотню, а сотня в тысячи, и рост продолжался таким темпом, что история вряд ли знает другой такой пример. Перед смертью св.Франциск был доволен, увидев 5000 монахов, собравшихся в его монастыре в Италии на всеобщий капитул, и так как каждый монастырь был представлен лишь двумя посланниками, то собрание представляло 2500 монастырей. Фанатик- одиночка стал армией; его ученики заполнили все страны христианского мира; каждую цель и идею они подчиняли целям и идеям своего начальника; и связанные обетом, они совершали служение, которому посвятили себя, с неутомимым рвением. Этому ордену принадлежали пять Пап и сорок пять кардиналов.

Св.Доминик, основатель ордена доминиканцев, родился в Арагоне в 1170 году. По характеру он отличался от св.Франциска. Он обладал отчаянным энтузиазмом и огромным рвением, но к этим качествам добавлялся холодный расчет, твердая воля, суровый нрав и глубокие деловые знания. Доминик был свидетелем опустошительных действий ереси в южных провинциях Франции. У него также была возможность отметить бесполезность богато оснащенных миссий, которые римская церковь время от времени посылала для обращения альбигойцев. Он видел, что миссионеры оставляли после себя больше еретиков, чем до своего прихода. Церковники высокого сана в митрах, верхом на богато украшенных мулах в сопровождении пышной свиты священников, монахов и других людей, слишком гордые е невежественные для проповедования, способные лишь ослеплять толпы людей великолепием церемоний, неопровержимо свидетельствовали о богатстве римской церкви, но не могли с такой же силой свидетельствовать об истине ее принципов. Вместо епископов верхом на лошадях Доминик призывал монахов в деревянной обуви на проповедь еретикам.

Отправившись в Рим, он также представил Иннокентию свой план, предложив создать армию, которая обойдет всю Европу в интересах папского престола; построенная по другому принципу она сможет, как он надеялся, дать более подробную информацию о еретиках. Так как их одежда скромна, привычки аскетичны, речь также проста, как и у крестьян, к которым они обращаются, то такие миссионеры вскоре отвратят еретиков от заблуждений, в которые те впали по заблуждению; живя на подаяние, они ничего не будут стоить папской казне. Иннокентий по той или иной причине, вероятно, из-за того, что он недавно санкционировал францисканцев, отказал ему. Но Папа Гонорий был более покладистым; он утвердил предложенный Домиником орден; и хотя сначала этот орден, как и францисканский, был небольшим, рост доминиканцев по популярности и многочисленности был таким же быстрым.

Доминиканцы были поделены на две группы. Первая занималась проповедью, вторая же уничтожала тех, кого первая не смогла обратить. Первая отвращала от ереси, вторая истребляла еретиков. Это удачное распределение труда, как предполагалось, могло обеспечить более тщательное выполнение задания. Число проповедников быстро увеличивалось, через несколько лет их голоса были слышны почти во всех городах Европы. Их знания были невелики, но энтузиазм зажигал в них красноречие, и зачарованные толпы слушали их пламенные речи. В столетия, предшествовшие реформации, францисканцы и доминиканцы делали для папства то же, что и иезуиты после нее.

Прежде чем начнем говорить о борьбе с этими братствами, к которой Уиклифф был призван, необходимо отметить особенности их устава и организации,

помогавшие им справиться с крайней нуждой в начале их карьеры, и способствовавшие их существованию. Монахи более ранних орденов были затворниками. Они не имели никакой связи с миром,

который покинули, и ничем ему не служили, кроме того, что являли пример аскетического благочестия, предложенного для подражания. Сферой их деятельности была келья или стены монастыря, где все свое время они должны были проводить в молитве и созерцании.

Новые ордена не были ограничены пространством. Правда, у них были монастыри, но скорее всего они были гостиницами или временными жилищами, где монахи могли отдохнуть во время миссионерских путешествий. Сферой их деятельности был весь мир; они должны были ходить по провинциям и городам, и обращаться ко всем, кто хотел их слушать. Проповедь была возрождена. Белый или черный священник редко вставал за кафедру; они были слишком невежественны, чтобы писать проповеди, и слишком ленивы, чтобы проповедовать написанную для них проповедь. Они наставляли паству служением обрядов, молитвами и ектеньями на языке, непонятном народу. Уиклифф уверяет, что в его время «было много невежественных викариев, которые не знали десяти заповедей, не могли читать псалтирь, не знали ни одного стиха из нее». Монахи нищенствующих орденов, с другой стороны, прибегали к родному языку, и близко сойдясь со всеми слоями общества, возродили забытую практику проповеди, и усердно занимались этим по воскресеньям и в будние дни. Они ходили повсюду, во все дни, выступая с проповедью на рынках, перекрестках и часовнях.

В одном монахи нищенствующих орденов заметно и выгодно отличались от прежних орденов. Последние были скандально богатыми, а первые весьма и поучительно бедными. Они жили на подаяние, и в буквальном смысле были нищими, отсюда их название «нищенствующие». Христос и его апостолы, как утверждалось, были нищими; поэтому это занятие было древним и святым. Более ранние ордена, как и францисканцы, и доминиканцы, также давали обет бедности, но разница между ранними и более поздними орденами заключалась в том, что первые не могли владеть личной собственностью, но общей могли и владели в огромных размерах; последним, как в частности, так и в целом, запрещалось по обету владеть какой-либо собственностью. Они даже не могли иметь и пенса; и так как в их скромной одежде и скудной еде ничего не противоречило обету бедности, репутация их святости была высока и соответственно влияние на все слои общества. Они, казалось, были самыми подходящими людьми для времени, когда брошен был их жребий, и для определенной для них работы. Они действительно были солдатами Папы, домашней армией Ватикана, прошедшей весь мир двумя отрядами, образовав одну единую армию, которая продолжала увеличиваться, и, не имея преград на

своем пути, бдительно и победно воевала с ересью, увеличивая славу и владения папского престола.

Если рост нищенствующих орденов не имеет аналогов по быстроте, то также беспримерно быстро было их падение. Скала, о которую они разбились, была та же, что и у их предшественников, а именно богатство. Но как богатство могло проникнуть, когда двери монастырей были накрепко закрыты самым строгим обетом бедности? Ни отдельный человек, ни орден не моги принять и хранить ни пенса. Тем не менее, это – факт; их богатства чудовищно возросли, и поэтому их падение было еще быстрее, чем падение бенедиктинцев и августинцев в прежние века.

Первоначальный устав оставался неизменным, обет бедности не был отменен, они продолжали жить на подаяния верующих, носить одежду из грубой шерсти; белую – доминиканцы, подпоясанную широким поясом, и коричневую – францисканцы, подпоясанную веревкой с тремя узлами: в обоих случаях странно снабженную многими просторными карманами, в которых небольшие изображения, клочки бумаги, амулеты и четки перемешивались с кусками хлеба, сыра, мяса и другой еды, собранной как подаяние.

Но, несмотря на все признаки бедности и на соблюдение обета, их запасы увеличивались каждый день. Как это могло случиться? Среди братьев были умные люди, которые учили их отличать собственников от управляющих. Как собственники, они не могли ничего иметь, но как управляющие, они могли владеть каким угодно богатством, и распределять его согласно целям и потребностям ордена. Это изобретательное отличие открыло ворота монастырей, и сразу же золотой поток от их почитателей стал течь в них. Они не стали, как другие монашеские братства, земельными собственниками (этот вид собственности выходил за рамки той интерпретации, согласно которой они материально видоизменили свой обет), но в других видах они получили большую свободу. Великолепие их сооружений превзошло великолепие сооружений бенедиктинцев и августинцев. Церкви, для украшения которых искусство архитектора и талант художника делали все возможное, монастыри и обители, в которых и монархи достойны были жить, появились во всех странах для монахов нищенствующих орденов. С богатством пришли и различные пороки: праздность, высокомерие, моральное разложение и злоупотребление тех огромных прав и привилегий, которые папский престол даровал им, находя их пригодными для себя. «Ужасное предчувствие,– восклицает Мэтью Пэрис всего спустя сорок лет после их учреждения – что через 300 или 400 лет старые монашеские ордена не так деградируют, как эти братства».

Таково было состояние нищенствующих монахов при Уиклиффе.

Более того, можно сделать вывод, что в его время пороки этих орденов были намного больше, чем во времена Мэтью Пэриса, веком ранее. Он понял, что на королевство напала чума, которая ежедневно распространялась и ежечасно опустошала его. В 1360 году Уиклифф начал открыто выступать против них. Доминиканцы появились в Англии в 1321 году. В этом году Гилберт де Фресни с двенадцатью братьями обосновались в Оксфорде. Те же причины, которые благоприятствовали их росту на континенте, действовали и в Англии, и этот небольшой отряд быстро пополнял свои ряды, так что скоро они кишели по всему королевству. Сорок три обители доминиканцев были открыты в Англии, где из-за их черных одеяний с капюшонами обычно назывались черными монахами».

Обретя силу, они нападали на законы и привилегии Оксфордского университета, где они обосновались, требуя независимости своей юрисдикции. Это вызвало борьбу между ними и властями колледжа. Первым, кто выступил против их посягательств, был Фитцральф (Армаханий), который был назначен канцлером Оксфорда в 1333 году, а в 1347 году стал архиепископом Армы. Фитцральф заявлял, что под этой «заразной язвой», как он называл нищенствующие ордена, все, что было добрым и справедливым, – науки, ремесла, послушание и нравственность – гибнет. Он отвез жалобу в Авиньон, где тогда жили Папы, в надежде преобразовать это вопиющее зло. Заголовки обращения, которое он послал понтифику, были следующие: монахи распространяли вредное учение, нарушавшее заповеди Иисуса Христа; из-за их махинаций служителей церкви становится меньше; университет деградируют; студенты не могут найти книг, чтобы продолжить занятия; монахи пополняют свои ряды, крадя и заманивая детей; они лелеют амбиции под ложным смирением; они скрывают богатства, симулируя нищету; и хитрыми способами пробираются в правители, архиепископы, кардиналы, канцлеры королевств и личные советники монархов.

Необходимо привести образец обращения к понтифику, как это записал Фокс. «Благодаря привилегиям, – пишет Армаханий – данным Папами монахам нищенствующих орденов, совершаются чудовищные преступления». Среди этих злоупотреблений он приводит следующие: «Пастыри не знают в лицо свою паству. Также противоборство и иногда драки возникают между монахами и светскими кураторами относительно званий, передачи церковной собственности светским лицам, и других льгот. Также разные молодые люди, как в университетах, так и в родительских домах, умело заманиваются монахами, их исповедниками, вступить в ордена; оттуда они не могут выбраться, даже при желании, и к огорчению своих родителей и своему сожалению. Не меньшее неудобство и опасность представляют вышеуказанные монахи духовенству, так как миряне, видя, что их детей крадут в университетах, отказываются отсылать их учиться, а лучше оставляют их дома заниматься ремеслом или пахать, чем видеть детей соблазненными и захваченными

в университетах, о чем свидетельствует опыт. Так как в мое время в оксфордском университете было 30,000 студентов, а сейчас нет и 6,000. Причиной этого спада является не что иное, как заманивание уже упомянутыми монахами».

Вследствие этой необычной практики монахов, все отрасли науки и образования пришли в упадок в Англии. «Так как нищенствующие монахи – продолжает архиепископ – из-за привилегий, полученных от Пап, проповедовать, исповедовать, погребать, а также прав на конфискацию имущества, так увеличили свои богатства и владения, прося милостыню, уговаривая, похищая и прикрываясь христианским учением, что скупили все книги, которые могли развить любые науки, богословие, законодательство или физику. Поэтому во всех монастырях были большие библиотеки полные всевозможных книг, а так как монастырей было много, и в каждом монастыре становилось все больше монахов, то по этой причине очень мало книг или почти ничего не осталось для студентов».

«Он сам послал в университет четырех из своих священников или капелланов, которые сообщили ему, что не нашли ни одной Библии, и ни какой другой пригодной для изучения книги по богословию, с тем и вернулись назад».

Напрасно архиепископ совершил столь долгое путешествие. Напрасно он отправил жалобу понтифику в Авиньон. Папа знал, что эти обвинения были обоснованы, но какая от этого была польза? Монахи были необходимы Папе; он их создал, они зависели от него, они жили для него, они были его послушным орудием; и по сравнению со служением, совершаемым для папского престола, интересы английской литературы были просто пылью. Не следует и пальцем пошевелить, чтобы сократить привилегии или проверить злоупотребления нищенствующих орденов. Архиепископ, поняв, что он ездил напрасно, вернулся в Англию, и спустя три года умер.

Глава 5 - Монахи нищенствующих орденов против Евангелия в Англии.

Радость монахов – Уиклифф возобновляет борьбу. – Требует отмены орденов – Невежество монахов – Их роскошь – Их алчность – Угнетение бедняков – Волнения в Англии – Встали вопросы относительно Евангелия. – Спасение от монахов или от Христа? Были ли Христос и апостол монахами? – Трактат Уиклиффа «Возражения монахам» - С него начался его путь как реформатора. – В этом трактате проповедует Евангелие для Англии. – Критикует власть ключей. – Спасение только от Бога – Спасение без денег

Радость монахов, когда они услышали, что их враг умер, была огромной, но непродолжительной. В тот же год, когда умер архиепископ (1360 г.), восстал Уиклифф и начал борьбу с нищенствующими орденами, которую он вел почти всю свою жизнь. «Джон Уиклифф, – пишет неизвестный автор – единственное украшение того времени, начал в Оксфорде в 1360 году от рождества Христова на своих лекциях указывать на злоупотребления духовенства и их открытые пороки. Так как в это время правил король Эдвард III, он защищал этого смелого борца за истину от тиранов Содома».

Уиклифф видел дальше, чем Армаханий. Само учреждение ордена противоречило Писанию и было порочным; и пока он существует, он будет источником нарушений; поэтому никакого соглашения, как реформация, предложенного его предшественником, быть не может; он требовал ликвидации. Монахи, наделенные Папой правом самостоятельной юрисдикции, отменяли законы и постановления Оксфорда, где они разместили свою штаб-квартиру. Они пренебрегали законами государства; они вовлекали молодежь обманом в свершение своих «дурных поступков»; они расхаживали по стране; и так как они никому не разрешали проповедовать кроме себя, их проповеди состояли, как говорит Уиклифф, «из басен, мировых событий и рассказов об осаде Трои».

Более того, Папа дал им право отпускать грехи, и они делали это с таким рвением и отпускали грехи так легко, что грешники разного толка стекались к ним за индульгенциями, это повлекло за собой ужасающий рост безнравственности и преступности. Они перехватывали и пожирали милостыню, которую следовало давать людям «прикованным к постели, немощным и согбенным». В нарушении провозглашенного замысла своего основателя и собственного обета бедности их доходы ежедневно увеличивались. По мере возрастания богатства они расширяли великолепные здания, богатые трапезы и другие источники удовольствий, или отсылали богатство заграницу, что разоряло королевство. Но дело было не только в деньгах, они подозревались в разглашении национальных секретов врагам государства. Подчиняться Папе, молиться св.Франциску и давать милостыню монахам было сущностью их благочестия. Это было лучше всех знаний и

добродетелей, так как открывало небесные врата. Уиклифф ничего не видел в будущем, кроме крушения церкви и государства, если нищенствующим орденам позволят продолжать свою деятельность.

Полемика, в которую Уиклифф сейчас вступил, была в значительной степени благотворной, как для него самого, так и для страны. Она затронула самые основы христианства, и вынудила людей изучать Евангелие. Монахи нищенствующих орденов ходили по Англии, продавая индульгенции от Папы. Люди задавались вопросом: Можно ли искупить грехи за небольшие деньги? С кем мы должны иметь дело: с Иннокентием или Богом? Это приводило их к Евангелию, чтобы узнать из него основания для принятия грешников Богом. Поэтому полемика была не только спором между церковниками и мирянами; не только столкновением между юрисдикциями власти Оксфорда и нищенствующих орденов, но проблема состояла в противостоянии нищенствующих орденов и Евангелия. От монахов или от Иисуса Христа должны мы получить прощение грехов? Англия того времени нуждалась в понимании именно этого вопроса.

Аргументы, с помощью которых монахи старались оправдать выгодное ремесло, помогали внести спасительный элемент в полемику. Они ссылались на разрешение Спасителя просить милостыню. Они говорили, что Христос и апостолы были нищими и жили на подаяние. Это заставило людей заглянуть в Новый Завет и посмотреть, действительно ли там так было. Невольно они призвали к праву личного суждения и афишировали книгу, о которой в своих собственных интересах, им лучше было промолчать. Уиклифф был склонен к более глубокому изучению Библии. Система истины Святого Писания раскрывалась перед ним все больше и больше; он видел, как далеко отошла римская церковь от Евангелия Христа, и какая бездна отделяет спасение кровью Агнца и спасение индульгенциями Папы. И теперь профессор богословия Оксфорда вырос до реформатора Англии, великого пионера и основателя реформации христианского мира.

Приблизительно в это время он опубликовал «Возражения монахам нищенствующих орденов», с которых начался его путь как реформатора. В этом трактате он обвиняет монахов «в пятидесяти ересях и заблуждениях, и даже больших при тщательном рассмотрении». Следует отметить, что в этом трактате реформатор особенно не спорит с монахами о проповеди Евангелия соотечественникам. «Прощение исходит только от Бога; - говорит Уиклифф -самое злостное нарушение монахов заключается в их притворном исповедовании, во время которого с помощью многочисленных богохульных приемов они стараются очистить тех, кого они исповедуют, и сделать их чистыми от всякой нечистоты в глазах Божьих, оставив в стороне заповеди и законы Господа». «Нет большей ереси, чем верить, что ты получил прощение грехов за деньги; или если священник кладет тебе руку на

голову и говорит, что прощает тебя; так как тебе нужно сокрушаться с сердце твоем, исправлять пути свои перед Богом, не простит ли тебе Господь». «Многие думают, что если дадут пенс духовнику, им простят нарушения всех Божиих заповедей и не надо следить за их соблюдением. Но я с уверенностью заявляю, хотя у вас есть священники и монахи, чтобы петь вам, хотя вы ежедневно слушаете много месс, основываете церкви и колледжи, ходите в паломничество всю жизнь, отдаете всю добро своим духовникам, это не приведет ваши души на небеса». «Пусть Бог по Своей безграничной милости разрушит эту гордость, жадность, лицемерие и ересь лжепрощения и подвигнет людей исполнять Свои заповеди и даст им веру в Иисуса Христа».

“Я заявляю, что индульгенции Папы, если они таковы, за которых их выдают, являются явным богохульством. Монахи приукрашивают это богохульство, говоря, что Христос всемогущ, а Папа - Его наместник на земле, и поэтому обладает такой же властью, что и Христос. Против этого ужасного богохульства я хочу возразить. Ни Папа, ни Господь Иисус Христос не могут дать заповеди или отпустить грехи человеку, но только один Бог определяет Своей справедливой волей».

Таким образом, Уиклифф чутьем истинного реформатора ударил по духовному принципу, служащему Папе краеугольным камнем его царства. Первые удары Лютера также были нанесены по этому принципу. Он начал свой путь, бросив вызов продавцам индульгенций римской церкви. «Обладание ключами» дало Папе власть над общественным сознанием; так как он мог прощать грехи, открывать или закрывать врата рая, являясь богом для людей. Уиклифф понимал, что он может разрушить эту огромную структуру духовной и плотской власти, воздвигнутую понтификами, и, в которой, как в огромной тюрьме, они держали замурованными души и тела людей, только раскрыв ложное учение, на котором она основывалась. И этому учению он, прежде всего, бросил вызов. Не думайте, говорил он своим соотечественникам, что Бог дал «ключи» Иннокентию из Рима; не думайте, что монахи носят небо в своих сумах; не думайте, что Бог посылает прощение, завернутое в клочки бумаги, которые носят с собой монахи, и которые продают за серебряную монету. Слушайте голос Евангелия: «не тленным серебром или золотом искуплены вы…, но драгоценной Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца». Бог прощает людей не за деньги или жертву. Итак, Уиклифф начал проповедовать «лето Господне благоприятное», и провозглашать «освобождение плененных, открытие темниц, находящимся в узах».

Глава 6 - Борьба парламента с Папой.

Обзор политических событий – Иностранные церковники назначаются на английские бенефиции. – Статуты о кандидатах на бенефиции и о нарушении папской юрисдикции должны были прекратить злоупотребления. – Деятельность продолжается. – Примеры – Коррорлевские уполномоченные направлены вести переговоры с Папой относительно злоупотреблений. – Уиклифф избран одним из уполномоченных. – Переговоры провалились. – Тем не менее, Уиклифф извлекает пользу, увидев папство изнутри. – Арнольд Гарниер – «Хороший парламент» - Его борьба с Папой – Более значительная победа, чем при Креси. – Уиклифф становится смелее. – Ярость монахов

Мы уже говорили о посягательстве папского престола на независимость Англии в 13 веке; о передаче Папе королевства королем Иоанном, об обещании английского короля платить Папе ежегодно тысячу марок; о требовании Урбана V платить подати, прерванные на тридцать лет; о смелом ответе парламента Англии; и о вкладе Уиклиффа в решение, к которому пришли светские духовные власти, чтобы отказать Папе в подати. Мы также рассказали, что сопротивление парламента посягательствам Папы на права Англии на этом не закончились; что несколько строгих законов были приняты, чтобы защитить права короны и собственность подданных; и по этому поводу специально были разработаны статуты о Посланнике и Посягательстве на королевскую власть. Нарушения, которые эти законы должны были исправить, давно уже были источником раздражения для страны. В Англии были некоторые бенефиции, которые по полноте своей власти, Папа сохранял для себя, и это были, в основном, более богатые приходы. Но было неудобно ждать, когда освободится вакансия, поэтому Папа, назвав кандидата посланником, назначал его заранее. Права капитула, или короны, или другого любого руководителя, игнорировались, и законный претендент должен был откупиться или позволить папскому ставленнику, часто иностранцу, пользоваться бенефициями. Самые лучшие должности и бенефиции доставались итальянцам, французам и другим иностранцам, которые были, пишет Льюис, «просто мальчики, не знавшие не только английского языка, но и латыни, и которые не только никогда не видели своих церквей, но и отдали их на попечение другим за самую маленькую плату; получали доходы, доставляемые в Рим или другое место своими поверенными, которым они отдавали десятину». Для контроля за этим нарушением был разработан статут о Посланниках, а закон о Посягательстве, последовавший за ним, был предназначен его укрепить, и окончательно прекратить отток состояния страны, запрещая кому-нибудь привозить в страну буллу или послание папы с назначением на английские бенефиции.

Жалобы, однако, продолжались, и становились все нетерпимее. Парламент направил новый протест королю, излагая невыносимый характер этих притеснений, и вред, наносимый царской власти, прося его что-нибудь предпринять по этому поводу. Поэтому в 1373 году король назначил четырех комиссаров для поездки в Авиньон, где находилась резиденция Папы Григория XI, чтобы изложить ему жалобу английского королевства с просьбой воздерживаться в будущем от вмешательства в права на бенефиции. Послы были вежливо приняты, но ответа не получили. Парламент возобновил жалобу и просьбу " найти средство против действий папы, так как он собирает первые плоды с церковных должностей, причем богатство уходит из страны, а это недопустимо». В 1374 году была созвана королевская комиссия для установления количества церковных бенефиций и должностей в Англии, занимаемых иностранцами, и определения их точной стоимости. Было обнаружено, что число приходов, находившихся в руках итальянцев, французов и других иностранцев было так велико, что, если, пишет Фокс, их все записали, то они бы составили половину списка. Духовенство Англии быстро становилось иностранным и просто номинальным. Суммы, выкачиваемые из королевства, были огромны.

Король решил еще раз решить этот вопрос с папской курией. Он назначил еще одну комиссию, и свидетельством растущего влияния Уиклиффа явилось то, что его имя было вторым в списке ее участников. Первым стоял Джон, епископ Бангора, который был в предыдущей комиссии, вторым - Джон де Уиклифф, профессор богословия. Дальше шли имена: Джон Гутер, декан Сечоу, Саймон де Моултон, доктор юридических наук, Уильям де Буртон, рыцарь, Роберт Билькнап и Джон де Хенингтон.

Папа отказался принять королевских послов в Авиньоне. Нравы папской курии в то время не выносили тщательного осмотра. Было безопаснее, когда взгляды иностранцев созерцали их издалека. Папа выбрал Брегг в Нидерландах и отправил туда своих нунциев, чтобы вести переговоры с английскими посланниками. Переговоры растянулись на два года: результатом был компромисс, Папа, со своей стороны, обязался воздержаться от резерваций бенефиций, а король, со своей стороне, обещал больше не вести переговоров по своему приказу…Такая договоренность оставила за Папой право на бенефиции в Англии почти равные бенефициям суверена. Папа не отказался от своего права, а просто воздержался от его использования (обычная и удобная тактика папской политики), и это все, чего можно было добиться от переговоров за два года. В Англии этот результат никого не удовлетворил; его посчитали за ложное перемирие, которое не могло долго продолжаться; оно и не продолжалось; едва посланники вернулись домой, Папа начал так вольно обращаться с бенефициями и доходами, как будто он никогда не был связан по рукам обещанием и договором.

Есть причина подозревать, что интересы Англии были преданы на переговорах. Епископ Бангора, кому было доверено ведение посольства, по возвращении домой был немедленно переведен в диоцез Герефорда, а затем в 1389 году в диоцез св.Давида. Его повышение, в обоих случаях как папского посланника, было похоже на вознаграждение за содействие. Уиклифф вернулся домой недовольным потерянным временем и незначительным результатом. Но эти два года были для него далеко не потерянными. Уиклифф общался с видными людьми церкви из Италии, Испании и Франции, которые пользовались доверием Папы и кардиналов. Это позволило ему проникнуть в суть элиты, которая была недоступна его взору у него на родине. Другие уроки также были поучительны, хотя и неприятны, но очень важны. Он был недалеко от папской курии и мог наблюдать принципы, царствовавшие там, и мотивы, управлявшие ее политикой. Хотя он не встречался с Папой, он встречался с его представителями, и по слугам мог судить о хозяине; и, когда он вернулся в Англию, надо было провозгласить на крыше то, что до этого он говорил на ухо. Алчность, тщеславие и лицемерие были богами, которым поклонялись в римской курии, эти качества украшали папский престол.

Так провозглашал Уиклифф. В своих лекциях он говорил о Папе, как об «антихристе, надменном земном священнике Рима и самым проклятым из всех воров». В одном из сохранившихся трактатов он пишет так: «Они (Папа и его сборщики) вывозили из страны скудные заработки народа, ежегодно по тысяче марок королевских денег, для таинств и церковных дел, которые осуждены как ересь симонии, и заставляют весь христианский мир одобрять и поддерживать эту ересь. Конечно, наше королевство имело горы золота, и никогда никто не брал себе из них, и только этот всемирный церковный сборщик со временем может разорить эту гору, так как он увозит деньги из страны и ничего не посылает взамен кроме Божьего проклятия из-за своей симонии». Вскоре после возвращения из Брегга, Уиклиффа назначают ректором Люттерворта в Лисестершира, и так как повышение по службе исходило не от Папы, а от короля, это было знаком королевского одобрения его действий в комиссии и его растущего влияния при дворе.

Парламент, найдя, что переговоры ни к чему не привели, пошел на более решительные меры. Папа воспользовался небрежностью короля относительно исполнения статутов, направленных против злоупотреблений папского престола, много обещал, но ничего не делал. Он продолжал назначать иностранцев на английские приходы, несмотря на противоречивое соглашение. Если бы и дальше позволили такие посягательства, то вскоре он бы получил еще большие права, и назначал бы и на светские должности, и захватил бы власть во всем королевстве. Парламенту было ясно, что надо вести борьбу за независимость страны, но не было никого, кроме них, кто бы вел ее. Они издали обвинительный акт против посягательств Папы. В документе они изложили многочисленные бедствия,

нанесенные стране иностранной тиранией, которая вкралась в страну под духовным предлогом, и которая алчно поглощала плоды земли и произведения нации. Парламент продолжал заявлять, что доходы, получаемые Папой от королевства в пять раз превосходили доходы короля, что он умудрился сделать так, что одна и та же должность приносила ему шесть податей. Чтобы увеличить доходы он часто передвигал епископов с одной кафедры на другую; он ставил на приходы невежественных и никчемных людей, обходя достойных англичан, что препятствовало развитию знаний и добродетелей; что все было продажным в «порочном городе Риме»; что английские патроны, развращенные этим губительным примером, пользовались симонией без стыда и совести; что папский сборщик открыл в столице заведение с таким штатом служителей, как будто это был один из дворов великой страны, «передающих ежегодно Папе двадцать и даже более тысяч марок»; что Папа получал из Англии доходов больше, чем любой другой христианский король со своего королевства; что в том самом году он собрал первинки со всех бенефиций; что он часто вводил особую подать с духовенства, которую иногда тратил для поддержки врагов страны; что «Бог дал Папе Своих овец, чтобы он пас их, а не стриг или брил»; что «следовательно, было бы хорошо возобновить статуты против обеспечения Рима; и что “ни одного папского сборщика или поверенного не должно оставаться в Англии под страхом смерти; и что ни один англичанин, под угрозой такого же наказания, не должен быть таким сборщиком или поверенным, или оставаться при папской курии».

В феврале 1372 года в Англии появился папский агент, которого звали Арнольд Гарниер; он ездил по Англии со свитой слуг и шестью лошадями; и так как два с половиной года его никто не останавливал, он вернулся в Рим со значительной суммой денег. У него была королевская лицензия на возвращение в Англию, которой он позже и воспользовался. От него потребовали поклясться, что при сборе папских податей он будет соблюдать права и интересы короны и страны. Он принес клятву в 1372 году в Вестминстерском дворце в присутствии советников и важных лиц короны. Опасения патриотов не уменьшились ни в коей мере из-за поспешной клятвы папского агента; Уиклифф специально написал трактат, показав, что тот поклялся с тем, чтобы поступать противоречиво и необоснованно».

Именно Уиклифф вдохнул этот дух в палату общин Англии и вдохновил их на борьбу за права короля и свои собственные, как смелых подданных независимого королевства. Мы узнаем живой и резкий стиль в этом документе парламента. Папа был взбешен, когда увидел, что вызов к борьбе был брошен таким смелым образом. Он поспешил с презрением принять его, назначив итальянца на английскую бенефицию. Но парламент стоял твердо, палата лордов встала на сторону палаты общин. «Мы поддержим корону - говорили они - против тиары». Лорды приняли схожий курс; сохраняя за собой суждение на церковные постановления Папы, они

заявляли, что эти постановления не касаются светской власти, и поэтому папская власть не имеет преимуществ перед королевской.

Народ объединился в поддержку представителей сословий королевства. Он однозначно выразил свое мнение, когда назвал парламент, который принял строгие эдикты против булл и агентов Папы, «хорошим парламентом». Папа вяло продолжал спор несколько лет, но вынужден был окончательно сдаться перед решительной позицией нации. Статуты перестали оставаться мертвой буквой. Они применялись при каждой попытке папского назначения в Англию. Так отстояли права суверена и независимость страны; и одержанная победа была более ценной и длительной по своим последствиям, чем знаменитые победы при Креси и Пуатье, и прославила это время и это правление.

Это было вторым крупным поражением, которое испытала римская церковь. Англия отказалась быть вотчиной римской церкви, перестав платить подать Урбану; и сейчас восстав против папской юрисдикции, она объявила себя госпожой своей территории. Духовенство чувствовало откуда шли эти категорические отказы. Истинный автор движения, увеличившегося с каждым днем, не пытался скрываться. С тех пор как он вернулся из Брюгга, он чувствовал в себе новую силу, ведшую его вперед в этой войне. Не библейское основание и богохульное высокомерие папства еще больше открылось ему; и он начал противостоять ему со смелостью, красноречием и силой аргумента, которыми ранее не обладал. Многими путями он поднимал нацию: на научной кафедре в Оксфорде, на церковной кафедре в Люттенворте, в парламенте, чьи дебаты и эдикты он вдохновлял, и при дворе, чью политику он частично формировал. Его настроения находили отражение в общественном мнении. Вал накатывался. Иерархия подняла тревогу. Они позвали на помощь, и папа взялся за их дело, которое было не только их, но и его. «Великое число монахов разных орденов - пишет Фокс - пришло в ярость и бешенство, и (как шершни с жалами) напали на этого доброго человека со всех сторон, борясь (как говорится) за алтари и животы. За ними последовали священники, а затем архиепископ, которым в то время был Саймон Садбери».

Глава 7 - Папа и иерархия преследуют Уиклиффа.

Труды Уиклиффа проверяются. – Его учение представлено Папе. – Изданы три буллы против него. – Приказано явиться перед епископом Лондонским. – Джон Гонт сопровождает его. – Уиклифф перед судьями – Волнения – Ссора герцога Ланкастерского с епископом Лондонским – Толпа врывается. – Суд прекращается. – Смерть Эдварда III – Заседание парламента – Уиклиффа вызывают на совет. – Вопрос касается папских доходов с английских диоцезов, подчиненных ему. – Решение – Англия выходит из дома рабства.

Человек, который являлся источником такого губительного для папства движения, должен быть уничтожен. Труды Уиклиффа тщательно проверялись. В работах Уиклиффа не трудно было найти доктрины, направленные против власти и богатства римской церкви. Оксфордский профессор учил, что у Папы не больше власти отлучать или прощать людей, чем у простого священника; что ни епископ, и ни Папа не вправе отлучать кого-либо, если только он своими грехами не отвратит себя от Бога; что короли не должны давать вечные пожертвования церкви; что, когда их дарами злоупотребляют, они должны иметь право вернуть их; и что Христос не дал Папам светской власти и никакого превосходства над правителями. Эти высказывания из трудов Уиклиффа отослали Папе ГригориюXI.

В папской курии посчитали, что эти доктрины очень дурно пахнут. Они ударяли по той сфере привилегий понтифика, которой владельцы тиары всегда придавали большое значение. Если мир будет иметь такие же настроения как у Уиклиффа, прощай светская власть Пап и лучшая часть их царства. Дело предвещало Риму ужасную катастрофу, если вовремя его не остановить. За высказывание подобного учения Арнольд Брешиарский принес искупление в огне. Уиклиффа долгое время игнорировали, на него надо было немедленно обратить внимание.

Три отдельные буллы были изданы в один день, 22 мая 1377 года, и отправлены в Англию. В этих буллах было выражено удивление по поводу бездеятельности английского духовенства, которое до сих пор не уничтожило эту чудовищную ересь, выросшую на их земле, а также ему было приказано безотлагательно предпринять шаги, чтобы заставить замолчать автора ереси. Одна из булл была адресована Саймону Садбери, архиепископу Кентерберийскому и Уильяму Кортени, епископу Лондонскому; вторая была адресована королю, а третья - Оксфордскому университету. Все они были об одном и том же. В булле, адресованной королю, говорилось о величии Англии, «славной могуществом и богатством, но более известной благочестием своей веры, и ее воплощением, чтобы светиться светом Святого писания». Писание не было еще переведено на родной язык, и комплимент папы по этому поводу вряд ли был уместен.

Университету было приказано следить, чтобы тернии не росли среди пшеницы, и, чтобы с его кафедр не звучали высказывания «мерзкие и отвратительные, ведущие к разрушению статуса всей церкви и даже гражданского правительства». Булла, адресованная епископам, была написана более резкими выражениями. Папа очень бы не хотел, чтобы ректор Люттерворта и профессор богословия был «специалистом по заблуждениям», и не столкнулся бы с отвратительным злом, не только открыто его провозглашая, но и извергая из мерзкой темницы своей груди разные учения, лживые и ошибочные выводы, самые порочные и отвратительные ереси, чтобы он не развратил верных и не увел их с правильного пути на путь погибели». Поэтому они должны были арестовать Джона Уиклиффа и заключить его в тюрьму, отправить все доказательства и свидетельства его ереси Папе, заботясь о том, чтобы документ был, как следует, запечатан и отправлен с верным посыльным, и, чтобы все это время они содержали заключенного под стражей и ждали дальнейших указаний. Итак, Папа Григорий накинул на Уиклиффа волчью шкуру, чтобы пустить по его следу своих доминиканцев.

Епископы в своем рвении предварили приказы Папы. Прежде чем буллы достигли Англии, гонения на Уиклиффа уже начались. По требованию Кортени, епископа Лондонского, Уиклифф должен был явиться 19 февраля 1377 года в часовню Девы Марии собора св.Павла, чтобы держать ответ за свое учение. Уиклифф в сопровождении двух влиятельных друзей, Джона, герцога Ланкастерского, больше известного как Джон Гаунтский, и лорда Перси, Пэра-Маршала Англии, появился недалеко от того места, где проходило собрание. Герцог Ланкастерский и Уиклифф впервые познакомились, вероятно, в Брюгге, где им довелось исполнять одну миссию. Ланкастер высоко ценил заслуги Уиклиффа в политике и, возможно, даже в религии. Одобряя его взгляды, он решил поехать с ним и присутствовать на трибунале епископов. «Перед судьями стоял худой Уиклифф, одетый в длинную легкую мантию из черной ткани, какую носили тогда доктора, магистры и студенты Кембриджа и Оксфорда, подпоясанный по талии; его лицо, обрамленное длинной густой бородой, имело острые и смелые черты, ясный пронзительный взгляд, тесно сжатые губы, которые выражали решимость; вся его внешность выражала серьезность, значимость и твердый характер».

Троим друзьям нелегко было пробраться сквозь толпу. Когда они пробирались, возникло волнение, возмутившее суд. Перси первым пробился в часовню Девы Марии, где собрались церковные судья, одетые в рясы и носящие знаки отличия своего служения.

«Перси - резко сказал епископ Кортени, более раздраженный при виде смиренного ректора Люттерворта в сопровождении влиятельных друзей, чем

шумом, вызванным их появлением, - если бы я знал какого учения ты придерживаешься в церкви, я бы не дал тебе войти сюда».

«Он будет придерживаться этого учения - заявил резко Джон Гаунтский - даже если вы скажете нет».

«Садись, Уиклифф, - сказал Перси, оказывая небольшое почтение суду, который своими правами был обязан иностранной власти - садись, тебе ведь предстоит ответить на многие вопросы, поэтому необходимо передохнуть на мягком сидении».

«Он должен и будет стоять, - еще более раздраженно сказал епископ Кортени, - неблагоразумно, чтобы кто-нибудь на суде сидел в присутствии своего ординария».

«Предложение лорда Перси благоразумно - вставил герцог Ланкастерский - а что касается вас, - сказал он, обращаясь к епископу Кортени, - то вы выросли настолько надменным и горделивым, что я собью спесь не только с вас, но и со всего прелатства в Англии».

На эту угрозу епископ спокойно ответил, «что его упование не на земных друзей, а на Бога». Этот ответ еще больше воспламенил гнев герцога, и перебранка стала еще острее, пока, наконец, Джону Гаунтскому не сказали, что «если он будет так обращаться к епископу, его вытащат из суда за волосы».

Трудно сказать, куда бы зашел спор между герцогом и епископом, если бы на сцене не появились другие действующие лица. Толпа у дверей, услышав, что внутри что-то происходит, прорвалась сквозь заслон и хлынула в часовню. Яростный спор между Ланкастером и Кортени потонул в еще более громких криках толпы. Все пришло в волнение и возмущение. Епископы представляли себе скромного ректора Люттерворта, смиренно стоящего и даже трепещущего у барьера суда. Теперь настала их очередь трепетать. Вызов в суд, подобно опасному заклинанию, которое ударяет рикошетом того, кто использует его, спровоцировал такую бурю, которую они не могли успокоить, несмотря на все свое умение и власть. Не могло быть и речи о продолжении процесса. Епископы поспешно удалились; Уиклифф вернулся домой; «итак, - пишет некто - собрание, прерванное скандалом и шумом, разошлось до 9 часов».

Исход дела благоприятствовал реформации. Иерархия получила отпор; дело Уиклиффа стали более широко обсуждать и лучше понимать. В этой критической ситуации в высших кругах произошли события, которые могли защитить реформатора и его взгляды. Эдвард III, который славно правил и долго в этой славе жил, умер 21 июня 1377 года. Его еще более знаменитый сын, Черный Принц, который ранее сошел в могилу, оставил трон наследнику, мальчику 11 лет, ставшему преемником своего деда под именем Ричард II. Его мать, вдовствующая королева

Уэльская, была женщиной по духу близкой настроениям Уиклиффа, и не боявшейся, как увидим, заявлять об этом. Новый суверен, спустя два месяца после вступления на трон, созвал свой первый парламент. Он состоял почти из тех же людей, что и «хороший парламент», который принял строгие эдикты против «содержания» и других злоупотреблений Папы. Новый парламент еще более склонялся продолжать войну с Папой, чем предыдущий. Он вызывал Уиклиффа на свои заседания. Его влияние быстро росло. Доверенное лицо королей, советник парламента, он стал влиятельным в Англии. Не удивительно, что Папа наметил его для уничтожения.

Пока буллы, намеревавшиеся сокрушить Уиклиффа, были еще в пути, парламент ясно высказал доверие ему, как умному и честному человеку, представив ему на рассмотрение следующий вопрос: «Может ли английское королевство, в случае необходимости, задержать или не посылать состояние королевства ради своей защиты, чтобы не отправлять его в чужую страну, хотя Папа требует этого под страхом осуждения».

Нам это кажется простым делом, но для наших предков в 14 веке оно было сопряжено с большими трудностями. В то время самые лучшие и смелые люди Англии боялись церковной угрозы, которой Папа сопровождал свои требования, и не смели отвергнуть их, пока Уиклифф не уверил их, что в этом вопросе у Папы нет прав приказывать, и в котором они не навлекают на себя греха или опасности за непослушание. Ничего лучше не может показать ту рабскую зависимость, в которой пребывали наши отцы, и медленные кропотливые шаги, которыми они выходили из дома рабства.

Всвязи с чем возник вопрос, поднимаемый Уиклиффом? Он касался дела, которое особенно раздражало англичан. Папы тогда находились, как они это называли, в «Вавилонском пленении», в Авиньоне. Все время правления Эдварда III папство, изгнанное из Рима, имело свое резиденцию на берегах Роны. Одним из результатов этого было то, что когда папское кресло освобождалось, его занимал француз. Симпатии Папы-француза были, несомненно, на стороне своей страны, и в войне, которая тогда велась, естественно было предположить, что, по крайней мере, часть денег, поступавших Папе из Англии, шли на поддержку французской стороны в войне. Из страны не только выкачивалось ее богатство, но оно еще против нее и оборачивалось. Разве можно было это дальше терпеть? Полагали, что в то время на руках папских сборщиков была огромная сумма денег для отправки в Авиньон, чтобы использоваться так же, как и ранее отправленные туда деньги, а именно для уплаты жалования солдатам, воевавшим против Англии. Разве не лучше было оставить это золото дома? Ответ Уиклиффа был утвердительным, и основания его мнения были кратко и просто изложены. Он доказывал не на основании канонических законов или законов Англии, но на основании Библии. Бог, он сказал,

наделил каждое общество властью на самосохранение; а любая власть, данная Богом любому обществу или народу, может быть использована с той целью, с какой она была дана. Это золото принадлежало Англии, и могло быть, несомненно, оставлено для нужд и обороны Англии. Но на это могут возразить: не является ли Папа, наместник Бога, верховным правителем любой мирской власти, диоцеза или церковной организации христианского мира? Именно на основании своей верховной власти он требовал эти деньги и бросил Англии вызов при угрозе их задержания. Но кто, продолжал Уиклифф, дал Папе светскую власть? Я не нахожу этого в Библии. Апостол Петр мог дать Папе лишь то, чем владел сам, а у него не было светской власти. Папа, аргументировал Уиклифф, должен выбрать между апостольством и царствованием. Если он предпочитает быть королем, то он ничего не должен требовать от нас, как апостол; а если он пребывает в апостольстве, то тогда он тоже не может требовать денег, так как ни Петр, никто другой из апостолов не налагали подати на христиан; они жили на добровольные пожертвования тех, кому служили. То, что Англия давала Папе, была не подать, а милостыня. Но милостыню можно просить только в том случае, если проситель нуждается. Так ли дело обстоит с папством? Разве не переполнена его казна? Разве Англия не беднее из них двоих? Она испытывает огромные нужды, вызванные двойными расходами: папскими поборами и тяготами войны. Пусть благотворительность начнется с дома, пусть Англия, вместо того, чтобы посылать свои деньги беднякам из Авиньона, одетым в пурпур и роскошно живущих каждый день, оставит золото для своих нужд. Так реформатор вел своих соотечественников шаг за шагом, по мере того, как они могли идти.

Глава 8 - Возобновление преследования Уиклиффа со стороны иерархии.

Прибытие трех булл – Антипапская политика Уиклиффа – Полное ниспровержение католицизма. – Новый вызов в суд – Предстает перед епископами в Ламберте. – Толпа народа. – Их уважительное отношение к Уиклиффу – Послание суду от вдовствующей королевы – Беспокойство епископов – Моментальное прекращение заседания – Сравнение беспорядков в Англии четырнадцатого века с Французской революцией девятнадцатого века. – Суть защиты Уиклиффа – Власть связывать и отпускать.

Между тем, три папские буллы прибыли в Англию. Булла, адресованная королю, нашла Эдварда в могиле. Булла, отправленная в университет, была встречена холодно. Не напрасно Уиклифф преподавал в его залах много лет. Более того, университет ценил высоко свою известность, чтобы погасить самый яркий свой светильник. Но булла, адресованная епископам, нашла их в другом настроении. Прелаты были охвачены тревогой и гневом. В основном при содействии Уиклиффа Англия была избавлена от абсолютного подчинения папскому престолу. Именно он положил конец папским назначениям, отстояв, таким образом, независимость английской церкви. Он также отстоял право нации распоряжаться своей собственностью, бросая вызов церковному террору, с помощью которого Папы пытались забрать ее в свою казну. Таким образом, руководимый своими советниками, и, укрепленный своими правами, парламент шел вперед, предпринимая одну смелую меру за другой. Прозорливый гений этого человека, его безукоризненная честность, невозмутимое, осторожное и, однако, яростное бесстрашие делали скромного ректора Люттерворта грозным соперником. Кроме того, глубокое понимание папской системы позволило ему повести за собой парламент и народ Англии так, что они пришли к отрицанию не только светских притязаний, но и духовной власти римской церкви. Акции протеста, направленные против папской власти, были, по видимому, ограничены политической сферой, но они были основаны на принципах, касавшихся и духовной власти. Они не могли иметь другого результата, кроме полного уничтожения всей системы власти римской церкви в Англии. Это и предвидела иерархия; поэтому прибытие папских булл было встречено ими с восторгом, и они, не теряя времени, приступили к действию.

Архиепископ вызвал к себе Уиклиффа в апреле 1378 года. Суд должен был заседать в часовне архиепископа в Ламбете. Содержание папских булл, которыми оперировали прелаты, было приведено в предыдущей главе. Следуя шагам ранее осужденных ересиархов (говорилось в папском послании), он не только не повторил их заблуждения, но и добавил свои собственные, и с ним надо обращаться, как люди обращаются с «обычным вором». Прелаты благоразумно решили не подчиняться

последнему предписанию. Издать такой приказ было достаточно безопасно в Авиьоне или Риме, но не безопасно было исполнить его в Англии. Друзей реформатора, включая все сословия, начиная от короля и ниже, было так много, чтобы равнодушно наблюдать, как Уиклиффа схватят и посадят в тюрьму, как обычного негодяя. Поэтому прелаты удовлетворились тем, что вызвали его к себе, надеясь, что это приведет естественным путем к темнице, куда они хотели его водворить. В тот день такая же большая толпа, и еще более дружелюбно настроенная к Уиклиффу, чем та, которая осаждала двери собора св.Павла в первый его вызов, окружила дворец Ламбет, на правом берегу Темзы, напротив Вестминстера, где проходило несколько соборов со времен Ансельма Кантерберийского. Уиклифф находил широкую поддержку как патриот, но его требования, как богослова и реформатора, не были пока признаны и полностью поняты. Отсюда и выступление в его поддержку.

Для архиепископа эта толпа была лишь верным предзнаменованием спокойного завершения судебного процесса. Садбери зашел слишком далеко, чтобы отступать. Уиклифф явился, но рядом с ним не было Джона Гаунтского. Дебаты перерастали из политической сферы в духовную, куда мужественный и доблестный барон, испытывавший страх только перед ересью и, особенно, последующими наказаниями, боялся вступать. Бог учил Своего раба идти одного, полагаясь только на Него. У ворот Ламбета Уиклифф понял, что если бароны оставили его, то народ был на его стороне. Толпа почтительно расступилась, чтобы пропустить его; и граждане, постепенно вступая вслед за ним, заполнили часовню, проявляли жестами и скорее энергичными, чем подобострастными, речами свою причастность делу и свое намерение постоять за героя. Казалось, что любое высказывание Уиклиффа поднимало бурю среди судей. Архиепископ и судьи обсуждали, как выдворить или утихомирить незванных гостей, когда вошел посыльный и усугубил их испуг. Это был Сэр Льюис Клиффорд, который был послан королевой-матерью с запрещением епископам выносить приговор реформатору. Прелаты окончательно испугались. И процесс тут же прекратился. «Как тростинка, колеблемая ветром, - так описывает Уолсингем эту сцену - их речь стала елейной, был нанесен удар по их достоинству и всей церкви. Они были так напуганы, что, казалось, что они ничего не слышали и не могли произнести никакого упрека». Самым спокойным и хладнокровным в этом собрании оказался Уиклифф. Во второй раз он вернулся целым и невредимым с судебного заседания своих влиятельных врагов. Он, как будто, был подхвачен и унесен вихрем.

Огромный список обвинений был вручен Уиклиффу по поводу его высказываний. Утомительно было бы их перечислять; также нет необходимости детально рассматривать приготовленные им ответы, которые он собирался зачитать суду, когда разразилась буря. Заседание быстро закрылось. Но необходимо отметить

суть его защиты, потому что это позволить определить нам степень освобождения самого Уиклиффа, ведь этапы просвещения реформатора являются этапами реформации. Мы сейчас стоим у колыбели протестантизма в Англии и видим нацию, пробудившуюся от глубокого сна, голосом Уиклиффа, и сделавшей первое усилие на дороге к освобождению. Если небольшой шум будет сопровождать эти усилия, соберутся толпы, возвысят свои голоса и испугают прелатов на судейском месте, то эта грубость пусть останется у дверей тех, кто утаил наставления, которые научили бы народ реформировать религию, не нарушая законы, и осудить обман, не выражая сильных чувств к отдельным личностям. Было бы лучше для Англии, чтобы она оставалась в оковах, нежели нарушила покой почтенных церковников, срывая их? Возможно, были и такие, которые предпочитали апатию рабства. Но, в конечном счете, как безопасны были волнения, которые сопровождали пробуждение народа в Англии в 14 веке по сравнению с трагедиями, революциями, резней и войнами, среди которых мы видим страны (спавшие, когда Англия пробуждалась) с тех пор, когда они начали бороться за свое освобождение.

Документ, врученный Уиклиффом судье, лишен схоластической формы, (так как по стилю этой школы он начинается с нескольких аксиом, оканчивается несколькими противоречиями и делает выводы посредством длинной серии исследований и отличительных признаков) и по существу является следующим: Папы не обладают никакой политической властью и их сфера влияния является только духовной; их духовная власть не является абсолютной, чтобы они могли быть судимы только Богом; напротив Папа может впасть в грех, как и другой человек, и если это происходит, он должен быть обличен и возвращен на правильный путь своими кардиналами; а если они слабы, чтобы призвать его к отчету, то низшие по сану священники и даже миряне «могут в профилактических целях обличать, призывать к суду и заставлять вести более праведную жизнь»; Папа не владеет имуществом священников и церковными домами, которые некоторые священники передали ему, чтобы уклониться от уплаты налогов, взимаемые суверенами для нужд государства с их собственности; ни один священник не вправе навязывать мирское требование путем церковного осуждения; власть священника прощать или осуждать является лишь пастырским служением; прощение будет бесполезным, если вместе с этим не последует прощение от Господа, также и отлучение не навредит никому, если тот не вызовет своим грехом гнев великого Судьи.

На этом последнем пункте Уиклифф часто настаивал; он проникает глубоко, ударяя по одному из столпов, на которых стоит папское государство, и вырывая из его рук ужасный трезубец, которым он управляет миром - власть анафемы. Этот важный пункт, «владение ключами», как он формально называется, и о котором Уиклифф учил, выражен в четырнадцатой статье. «Мы должны верить, - пишет Уиклифф - что только тогда христианский священник связывает или разрешает,

когда он просто исполняет закон Христов, потому что противозаконно вязать или разрешать не силой этого закона, и поэтому только в соответствии с ним.

Если бы Уиклифф рассеял веру во власть папы вязать и разрешать, он бы окончательно снял оковы, связывавшие сознание нации. Зная, что основная причина рабства страны заключалась в подчинении ее сознания, Уиклифф при освобождении ее души, фактически одним махом достиг освобождения Англии.

Глава 9 - Взгляды Уиклифа на церковную собственность и реформу.

Вечное наследство – Чрезмерные богатства – «Мертвая рука» - Пагубные последствия – Представлено и объяснено Уиклиффом. – Его мнение относительно церковной собственности. – Десятина – Новизна взглядов – Его план реформы – Как он предлагал провести ее. – Рим – рынок. – Независимость и мужество Уиклиффа – Его план подробно рассматривается на парламенте после его смерти. – Прогресс Англии – Ее выход из дома заключения. – Величественное зрелище – Песнь торжества.

Был еще и другой вопрос, к которому Уиклифф часто обращался, так как считал его вторым по значению после «владения ключами». Это - церковная собственность. Церковь уже стала не только несметно богатой, но она, хотя и провозгласила догму, которая стала крепкой преградой к обладанию даже одним пенсом, обеспечила, чтобы ее накопления продолжались, пока стоит мир. То, что дают церкви - дают Богу, говорилось в каноне; это посвящено, освящено и отделено как святое, и не может быть использовано никогда для мирского предназначения; и кто забирает какую-нибудь часть из этого у церкви, обкрадывает Бога и совершает святотатство. И тот человек, кем бы он ни был, бароном или духовного звания, который осмелился отнять хоть один акр из ее владений или один пенс из ее казны, отлучается от церкви законом. Это состояние нельзя было даже взять обратно, оно было единственно абсолютным и вечным наследием церкви.

Недовольство этим возрастало из-за огромных владений, приобретенных благодаря податям и поборам. У духовенства не было никаких интересов к стране, кроме того, чтобы грабить ее. Третий Латеранский собор запретил всем мирянам, под угрозой обычного наказания, взыскивать налоги с духовенства, накладывать контрибуцию на них или их церкви. Если нужды государства будут велики, а земли мирян не достаточны, то священники по доброй воле могут предоставить добровольные субсидии. Четвертый вселенский Латеранский собор обновил этот закон, наказывая отлучением от церкви игнорирующих его, и милостиво разрешив священникам помогать государству в тяжелом положении, если они считали это необходимым, и Папа не был против. Существовало «царство священников», собственников половины земли, каждый дюйм которой был за священной оградой, чтобы никто и пальцем не мог коснуться ее без согласия понтифика, ее правителя-иностранца.

В этих несметных богатствах Уиклифф увидел источник многих зол. Страна разорялась, правительство ослабевало. Владения церкви постоянно росли, а земли, которые покрывали нужды государства и обеспечивали доходами корону, постепенно сокращались. Обладание таким богатством было не менее губительно для тех, кто ими владел, чем для тех, у кого оно было отнято. Откуда проистекали

многие пороки церкви: надменность, роскошь и праздность священников? Очевидно из этого огромного богатства. Для священного употребления! Так это провозглашалось. Чем больше увеличивалось богатство, тем менее священные цели оно преследовало, и тем более чудовищным было пренебрежение обязанностями, возложенных на его обладателей.

Но собственные слова Уиклиффа лучше передадут нам его настроения по этому вопросу, и степень, которой достигло это зло.

«Прелаты и священники - пишет Уиклифф - кричать и пишут, что король не имеет юридических прав и власти над людьми и имуществом святой церкви. И, когда король и лорды осознав, что милостыня их предков тратиться на роскошь, надменность, обжорство и другие ненужные дела, захотели забрать излишек имущества и помочь стране, самим себе и ее жителям, эти мирские служители закричали во всю глотку, что те будут прокляты за удерживание собственности святой церкви, так как палаты лордов и общин не являются частью святой церкви».

И опять он жалуется, что собственность, которая не считалась достаточно святой, чтобы употребляться на «обжорство и тщеславие», однако, признавалась святой для использования на нужды государства и оборону королевства.

«По новому закону декреталий - пишет он - они постановили, что наши священники не будут платить ни субсидии, ни налоги для поддержания короля и королевства без разрешения и согласия мирского священника Рима. И много раз этот надменный мирской священник был врагом нашей страны, и тайно поддерживал наших врагов в войне против нас нашим же золотом. И поэтому они выбрали священника-иностранца, и самый надменный из священников стал господином всей собственности своих служителей в королевстве, что составляет большую часть».

Уиклифф был не просто критиком нарушений, но и реформатором системы, и поэтому он выдвинул принцип, угрожавший самим основам величайшего зла.

Акры, простирающиеся по половине поверхности Англии, церковные и монастырские здания, десятины и доходы, которые представляют «имущество» церкви, не являются, утверждал Уиклифф, собственностью церкви ни по закону, и ни по здравому смыслу. Она не купила ее, не завоевала ее на полях сражений, и не получила ее как феодальный безоговорочный дар. Это милостыня английской нации. Церковь является лишь управляющей этой собственностью; страна является истинной владелицей, а страна обязана через короля, парламент, ее представителей наблюдать, чтобы церковь посвящала свое состояние тем целям, для которых оно было ей дано; и если страна обнаружит, что она злоупотребила или отклонилась от этих целей, она может забрать его. Церковнослужитель, который живет безнравственно и не выполняет своих обязанностей, лишается должности вместе с

имуществом, и один закон распространяется как на отдельного человека, так и на всю организацию или церковь. Такова, вкратце, доктрина Уиклиффа.

Но далее реформатор проводит разграничение между землями аббатства или монастыря, и землями соседнего барона. Первые были государственной собственностью, а вторые - частной; первые содержались для духовных целей, а вторые - для мирских; и насколько плоды первых, учитывая как земные, так и вечные интересы человечества, превосходили плоды вторых; и как страна была обязана следить и стоять на страже любых искажений и нарушений первых. Барон мог пировать, охотиться, выезжать в сопровождении любого количества вооруженных людей; он мог проводить свои дни в труде или праздности, как он пожелает. Но епископ должен воздерживаться от этих удовольствий и мирской суеты. Он должен предаться чтению, молитве, служению Слова Божьего; он должен просвещать невежественных, навещать больных, и проявлять себя во всем как истинный слуга Иисуса Христа. Но, в то время как Уиклифф так разграничивал церковную и светскую собственность, он считал, что относительно королевских податей владения епископов и владения баронов равнозначны. Суверен вправе брать налоги как с одних, так и с других, и оба обязаны были нести свою долю расходов для обороны страны. Далее, Уиклифф считал решение короля по всем вопросам церковной собственности окончательным. И пусть никто не боится - говорил Уиклифф - придерживаться этих взглядов и действовать согласно им, опасаясь папского осуждения. Духовная буря не поразит никого, чье дело право.

Даже десятины не могли быть востребованы, считал Уиклифф, церковной властью. Десятая часть всего, что давала земля, по Божией заповеди, откладывалась на поддержание церкви при Моисее. Но этот закон, учил Уиклифф, больше не действовал. «Ритуал» и «устройство» такого распределения прошли, а осталось только поучение. И это поучение Уиклифф свел к словам апостола: «Пусть тот, кого наставляют в слове, служит тому, кто учит всему благому». Усиленно настаивая на обязанности наставляемых обеспечивать своих духовных учителей, он, не колеблясь, заявлял, что если священник не справляется со своим служением, то люди не обязаны содержать его; а если он будет пытаться вымогать деньги, обещая рай или угрожая анафемой за работу, которую он не выполнял, и у людей, которых он никогда не учил, то они должны относиться к обещанию и к угрозе, как пустым и несерьезным. «Праведные люди говорят, - пишет Уиклифф - что прелаты обязаны проповедовать Евангелие более, чем их подданные обязаны платить им десятину; так как Бог требует, прежде всего, этого, как полезного для обеих сторон. Следовательно, прелатов скорее надо предать анафеме за оставление проповеди, чем прихожан за неуплату десятины, даже если прелаты хорошо выполняют служение.

Во времена Уиклиффа это были новые и необычные взгляды. Чтобы вместить такие взгляды, требовалось неординарное независимое мышление. Они находились в противоречии с принципами того времени; они были противоположны взглядам, на основании которых церковь и государство действовали тысячу лет; и они вели к разрушению всей церковной структуры христианского мира. Если их применить, то все существующие церковные организации должны быть перестроены. Но, почему бы это не осуществить? Уиклифф не устранял такую возможность.

Он предложил, и не только предложил, но и настоятельно просил короля и парламент о том, чтобы вся церковная собственность была преобразована согласно изложенных им принципов. Пусть церковь откажется от всех ее владений: земель, роскошных строений, десятин, многочисленных сборов, и вернется к простоте первых дней, и будет зависеть только от добровольных пожертвований людей, как первые апостолы и проповедники Евангелия. Такой план изложил Уиклифф людям 14 века. Можно хорошо представит удивление, с которым его слушали.

Действительно ли Уиклифф не терял надежды, что его план сработает? Действительно ли он думал, что влиятельные аббаты и состоятельные прелаты пожертвуют своими приходами, собственностью и почетом по призыву долга и, обменяв богатства на зависимость, и пышную праздность на труд, пойдут учить бедных и невежественных людей как кроткие служители Евангелия. В мире не было веры для такого самоотречения. Если бы это произошло, это было бы самым удивительным в истории фактом. Уиклифф и сам не надеялся, что такое произойдет. Он слишком хорошо знал церковников того времени, их жадность и надменность, от их главы в Авиньоне и ниже до босоногого нищенствующего монаха в Англии, чтобы ожидать такого чуда. Его труд не мог быть определен случайным успехом. Была нужна реформация; нужно было попытаться спасти церковь и государство; и такая реформа была, как он полагал, предложена в Писании, и была утверждена Христом и его апостолами. Хотя она была быстрой и всесторонней, опрокидывавшей практику тысячи лет, осуждавшей принципы прошлых веков, и обязательно провоцировавшей враждебность самой богатой и влиятельной структуры христианского мира, он полагал, что она осуществима, если у людей будет достаточно сил и мужества. Кроме того, он считал ее совершенной и единственной реформой, которая может противостать злу. Поэтому, хотя знать оставила его, а Папа обрушил на него свой гнев, и епископы вызвали его на суд, он бесстрашно продолжал трудиться, представив свой план во всей его широте взору всей страны, и возложив его к подножью трона. Но Уиклифф, человек, как действия, так и здравого смысла, не собирался осуществлять революцию одним ударом. Он знал, что любые большие перемены должны проходить постепенно. То, что он предложил, заключалось в том, что при освобождении бенефиций, новые кандидаты не получали прав на церковную собственность, и так в короткое время, без ущерба

и неприятностей, облик всей Англии преобразится. «Хорошо известно, - пишет он - что король Англии по своему законному праву после смерти аббата или епископа, или любого другого владельца большой собственностью, вступает во владение этой собственностью как суверен, и новые выборы не начинаются без согласия короля, и церковная собственность в таком случае не переходит от последнего владельца к его преемнику без такого согласия. Пусть король откажется выполнять то, что было большим упущением его предшественников, и в короткое время все королевство будет освобождено от бедствий, которые изливались из этого источника».

Можно возразить, что лишая церковь ее собственности означало нанести ущерб религии и цивилизации. Абстрактный вопрос здесь неуместен, давайте рассмотрим вопрос с практической точки зрения или как он представлялся Уиклиффу. Изъятие церковной собственности из служения было почти завершено. Что касается религиозных наставлений и духовных интересов нации, то богатство мало этому способствовало, как если бы оно совсем не существовало. Оно служило только для поддержания роскоши высшего духовенства и избытков, царящих в домах духовных лиц. Тогда вопрос, практически, заключался не в том: изымать ли эту собственность из церковного пользования, а в том: изымать ли ее из действительного пользования, которое, конечно, не церковное, и посвящать другим более полезным для государства целям? На этот счет у Уиклиффа была определенная точка зрения; он видел лучший способ содержания духовенства, и думал, что может разработать вариант не худший существующего. «Так происходит, потому что жалкие существа этого мира – пишет он – отстранены от веры, надежды и милосердия, и погрязли в ереси и богохульстве хуже язычников. Вот почему служитель, простой сборщик пенсов, который не умеет читать, не понимает и стиха из псалтири и не знает на память Божьих заповедей, доставляет буллу от руководства, и заявляет вопреки Божьему постановлению и здравому смыслу, что он может управлять душами. И чтобы действовать согласно этой лживой булле, он будет терпеть убытки, трудиться, бороться и получать плату, и отдаст золото нашей страны иностранцам и врагам; многие будут убиты руками врагов к их утешению и нашему поражению».

Где-то в другом месте он описывает римскую церковь как рынок, где продавались приходы, и где тот, кто предлагал самую высокую цену, получал самую жирную бенефицию. Добродетели, благочестие и знания не ценились на этом рынке. Единственной монетой, находившейся в обращении, было золото. Но тех людей, которые торговали там и вернулись, облаченные в духовное служение, он описывает следующим образом: «Поэтому, насколько Слово Божие и отблеск неба в душах людей лучше всего земного, настолько эти земные прелаты, которые отказались от святой обязанности учительства, хуже воров; более кощунственны, чем простые грабители, которые взламывают церкви, крадут чаши и облачения, но никогда так много золота».

Какое не было бы мнение читателя о настроениях Уиклиффа по этому вопросу, существует лишь одно мнение о независимости его мышления и верности тому, что он считал истиной. Обращаясь назад в историю и оглядывая этот мир, он видел лишь единодушное несогласие со своей доктриной. Все эпохи были против него, все учреждения христианского мира были против него. Только Библия, верил он, была с ним. Опираясь на нее, он смело заявлял о своем мнении. Риск был велик, так как он сделал своими врагами всю иерархию христианского мира. Особенно он вызвал гнев духовного правителя, которому в то время могли безнаказанно бросить вызов лишь несколько королей. Но он верой видел Невидимого, и поэтому не боялся Григория. Зло, которое доставляло это богатство, беспорядки и слабость, которыми оно поражало государство, безнравственность и невежество, которыми оно портило общество, и вечная гибель, в которую оно ввергало души людей, глубоко волновали его. И даже если богатство, от которого он искренне уговаривал их отказаться, было бы в миллион раз больше, чем на самом деле, то оно было, по его мнению, пылью по сравнению с огромным ущербом, связанным с его хранением, и огромным благом, которое они бы приобрели, расставшись с ним.

Не только людям того времени эта мера Уиклиффа казалась слишком экстравагантной. Несомненно, перехватило дух у тех, кто касался этого золота; но более трезвые и рассудительные люди нации начали видеть, что это было, не так уж нереально, как казалось, и вместо разрушения, могло быть спасением учреждений образования и религии. Спустя 24 года после смерти Уиклиффа палатой общин была предложена большая часть церковной реформы. Проект был подан в виде петиции парламента королю, который сводился к следующему: корона должна владеть всей церковной собственностью; она должна назначать священников, в количестве пятнадцати тысяч, для церковного служения в королевстве; она должна назначить каждому ежегодное содержание; излишек церковной собственности должен передаваться для различных государственных нужд, одной из которых было строительство и содержание богаделен.

Те, у кого была власть, не могли или не хотели понимать благоразумие Уиклиффа. Те, кто понимал, не имели власти, чтобы действовать согласно с ней, и поэтому имущество церкви оставалось нетронутым; а оставшись нетронутым, оно продолжало расти, и вместе с ним все то зло, что оно порождало, пока, наконец, это стало невыносимым. Тогда даже папское правление признало мудрость слов Уиклиффа и стало действовать согласно его плану. В Германии, согласно Вестфальскому договору, в Голландии, в нашей стране многие из самых богатых бенефиций были секуляризованы. Когда, в более позднее время, большинство католических монархов запретили иезуитов, имущество этой богатой организации было захвачено правителями. В этих памятных примерах мы не находим и следа собственности, а только возобновление государственного содержания

общественным служителям, когда их служение или образ действий не был более полезен.

Эти примеры являются лучшим свидетельством глубокого здравомыслия взглядов Уиклиффа; чем больше мы задумываемся о том времени, в котором они сформировались, тем больше мы поражаемся дальновидностью, всесторонностью, смелостью и верой реформатора.

В этих событиях мы видим выход Англии из страны рабства. Уиклифф был единственным вождем этого славного выхода. Аарона не было с этим Моисеем. Но нация следовала за своим героическим руководителем и твердо шла по великому пути своего освобождения. С каждым годом увеличивалось расстояние между ней и покидаемым рабством, и приближалась свобода. Какая перемена по сравнению с днями короля Иоанна! Тогда Иннокентий попирал страну ногой. Англия была его смиренным вассалом, вынужденная откупаться от его интердиктов и проклятий своим золотом, и склоняться даже до земли перед его легатами; но сейчас, благодаря Уиклиффу, Англия стоит прямо и встречается с надменным понтификом на равных.

Какую замечательную логическую последовательность можно проследить в процессе освобождения страны! Первый шаг должен был сбросить политическую зависимость страны от папского престола; второй шаг должен был отстоять независимость своей церкви от той, которая горделиво объявляла себя «матерью и госпожой всех церквей»; третий шаг должен был доказать единоличное и бесспорное пользование своей собственностью, запретив увозить за море золото страны в пользование ее врагам. И теперь был предпринят еще один шаг. Было сделано предложение ослабить власть суеверий в королевстве сокращением разросшихся доходов, безрассудного лозунга кощунства, единственного оружия, с помощью которого церковь пыталась защитить богатство, приобретенное не самыми честными средствами, и которое она использовала не на благо.

Англия была первой из европейских стран, вырвавшейся из тюрьмы, в которую поместил все народы коронованный король на семи холмах. Жестокий надзиратель провозгласил полное и окончательное лишение независимости и прав всех народов. Но, Тот, Кто «открывает глаза слепым» и «поднимает согбенных», пожалел тех, кого угнетатель определил на вечный плен и открыл двери темницы. Мы в песнях прославляем исход в древности. Мы превозносим мощь Десницы и силу Мышцы, которая разбила могущество фараона, «открыла медные врата и сокрушила железные запоры», разделила море и вывела евреев из рабства. Это было образом того, что происходило в действительности. Англии идет вперед, первой из всех стран, под руководством Уиклиффа, ободряя мир своим примером, что все пленные народы, которые были вместе с ней в рабстве, каждый в свой срок, будут свободны, как она.

Если посмотреть, были ли в истории бо;льшее препятствие и бо;льшая драма? Мы забываем чудеса первого исхода, когда говорим о большем масштабе и более продолжительной славе второго. Когда мы размышляем о горечи и низости рабства, из которого вышла Англия, о славном наследовании свободы и Богом данной религии, к которой она направила свои стопы; мы не находим слов, чтобы выразить благодарность и хвалу, кроме слов божественного псалма, давно написанного и одновременно предсказавшего и прославившего это знаменательное освобождение: «Он вывел их из тьмы и сени смертной, и расторгнул узы их. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих».

Глава 10 - Перевод Писания или английская Библия.

Опасность для Уиклиффа – Смерть Георга XI – Смерть Эдварда III – Как следствие безопасность Уиклиффа. – Папская схизма – Разделение христианского мира – Какой Папа истинный? – Папская гроза – Уиклифф возвращается в Люттерворт. – Его взгляды продолжают распространяться. – Высший авторитет Писания – Болезнь, беседа с монахами – Решает переводить Библию. – Ранние переводы – Беда и другие – Перевод Уиклиффа – Его красота – День реформации почти наступил. – Переписывание и публикация. – Произведенное впечатление – Право читать Библию – Священники угрожают. – Уиклифф защищает. – Преобразования в Англии завершены.

Пока Уиклифф боролся, чтобы разорвать сначала все свои оковы, а затем оковы нации, Бог производил работу в высших планах для его сохранения. С каждым днем число врагов росло. Щит Джона Гонта больше не прикрывал его голову. Вскоре рядом с ним не оказалось ни одного друга, он остался открытым и беззащитным перед яростью врагов. Но, Тот, Кто сказал древнему патриарху: «Не бойся, Я – с тобой», защищал Своего избранного борца. Уиклифф нанес Григорию несмываемое оскорбление; он вырвал Англию, как жертву, из его зубов; он изгнал его сборщиков податей, которые непрестанно кружили над страной, как стаи бакланов. Но, не ограничившись обрезанием когтей папства и пресечением его жадности в будущем, он думал, как можно заставить его отчитаться за прошлое и отдать богатства, которые оно многими сомнительными путями уже поглотило, посылая аббатов и бедных, как первые апостолы и проповедники, монахов. Этого нельзя было стерпеть. За сотую долю этого, сколько людей принесло искупление на костре! Не удивительно, что Уиклиффа выделили, как человека, предназначенного к уничтожению. С этой целью Григорий послал три буллы, университету, церковной иерархии, королю: всем понтифик приказал арестовать и заключить в тюрьму еретика, что было прямым путем на костер. Уиклифф был фактически мертв; так, несомненно, считали в Авиньоне.

Смерть готова была обрушиться; но удар был предназначен Григорию XI. Вместо костра в Оксфорде, был похоронный катафалк в Ватикане. Папа незадолго до этого, вернулся в Рим из, так называемого, «Вавилонского пленения», но вернулся только с тем, чтобы умереть (1378 г.). Смерть пришла во второй раз не только в Ватикан; похороны были и в Вестминстере. Когда Кортени, епископ Лондонский собирался вызвать Уиклиффа в суд, Эдвард III, чьей старостью хотел воспользоваться епископ против реформатора, тоже умер, а регентом королевства стал Джон Гонт. Итак, когда папские сети затягивались вокруг Уиклиффа, рука, которая их раскидовала, была схвачена смертью. И комиссия посланников, назначенная ныне покойным Григорием, которой было поручено осудить Уиклиффа, распалась.

Другими словами, смерть Папы дала передышку реформатору и юной реформации Англии. Кардиналы собрались в Квиринале 7 апреля 1378 года, чтобы избрать преемника Григория. Так как большинство священного собрания представляли французы, то толпы римлян, боясь, что они посадят кого-нибудь из своего народа на освободившийся престол, и что папская курия опять переедет в Авиньон, собрались вокруг дворца, где заседали кардиналы, и громкими криками и угрозами потребовали, чтобы Папой был выбран римлянин. Ни один кардинал не выйдет из зала живым, угрожали бунтовщики, если их требование не будет удовлетворено. Был избран итальянец, епископ Барии, и толпа успокоилась; вместо того, чтобы побить кардиналов камнями, она встречала их возгласами «Виват!» Но новый Папа был суровый, скупой, деспотичный и самолюбивый; кардиналы вскоре возмутились, и, убежав из Рима, встретились и избрали француза, Роберта, епископа Женевского, так как папская власть объявила прежние выборы недействительными по причине давления, оказанного на них. Так образовался знаменитый раскол на папском престоле, который в течение полувека разделял и позорил папский мир.

Христианский мир наблюдал с чувством, граничащим со страхом, двух Пап на престоле Петра. Кто был истинным наместником, и у кого были ключи от рая? Это стало вопросом века и самым важным вопросом для людей, которые верили, что вечное спасение зависит от ответа на него. Общественное сознание было взволновано; один собор восставал против другого; один епископ воевал с другим епископом; короли и правительства были вынуждены принимать участие в разногласии. Германия, Англия и некоторые небольшие страны центральной Европы были на стороне первого Папы, который вступил в Ватикан под именем Урбана VI. Испания, Франция и Шотландия поддерживали второго, который объявил себя Папой в Авиньоне под именем Клемента VII. Итак, на рассвете Евангельского дня в христианском мире, Бог расколол папскую голову надвое и разделил папский мир.

Если бы не раскол, Уиклифф, по всем человеческим понятиям, был бы уничтожен, и его работе в Англии пришел бы конец. Теперь же у Пап была другая забота, нежели чем преследовать ересь. Из Рима в Авиньон, и из Авиньона в Рим быстро летали яростные папские молнии. Высоко над головой скромного ректора Люттерворта сверкали молнии, и гремел гром. Пока гремели грозы Уиклифф вернулся к своему служению, несомненно, довольный тем, что избежал на какое-то время нападок врагов, и может успокоиться на груди любимой паствы. Однако он не оставался праздным. Пока Папы посылали друг другу проклятья и проливали реки крови (так как к этому времени они привлекли мечи в поддержку конкурирующих требований на обладание звания наместника Христа), пока ужасные скандалы и омерзительная коррупция раздирали церковь, а страшные преступления и беспорядки приводили в смятение государство (понадобилась бы еще «одна

Илиада», как пишет Фокс, чтобы рассказать о всех несчастьях и бедах, обрушившихся на мир во время раскола), Уиклифф сеял у мирных вод Эйвона и в сельских усадьбах Люттерворта то божественное семя, которое приносит плоды праведности и спокойствия в этом мире и вечную жизнь в мире грядущем.

Именно сейчас, перед Уиклиффом открылась вторая часть его великого пути. До сих пор его усилия были направлены на разрушение политических оков, в которых папство держало его соотечественников. Но более крепкие оковы сковывали их души. И соотечественникам надо было скорее разорвать их, хотя, возможно, они уже меньше натирали; и этой более великой цели Уиклифф посвятил всю оставшуюся жизнь и силу. Это является примером того, что его собственное освобождение предшествовало освобождению соотечественников. «Схизма», с истекающими из нее скандалами и преступлениями, помогла более ясно открыть ему истинный характер папства. Он опубликовал трактат «О папской схизме». Он обратился к нации с вопросом, говорят ли люди, называющие друг друга антихристами, правду; и разве настоящее не является возможностью, данной им Господом, чтобы взять оружие, вырванное из рук иерархии, и использовать его для разрушения деспотичных и чудовищных законов и обычаев, при которых Англия так долго стенала. «Дьявол – писал он – теперь правит не в одном, а в двух священниках, чтобы люди могли легче победить их обоих именем Иисуса Христа».

С этого времени прослеживается быстрый прогресс во взглядах реформатора. Именно тогда он опубликовал свою работу «Об истине и смысле Писания». В этой работе он подтверждает «высший авторитет Писания», «право на личное суждение», и что «достаточно закона Христа, чтобы управлять церковью Христа». Это должно было развенчать Папу и разрушить до основания его царство. Здесь он впервые намекает на стремление перевести Библию на среднеанглийский язык, это работа должна была венчать его труды.

Уиклифф старел, но реформатор скорее устал от изнуряющих нападок своих врагов и непрерывных и постоянно возраставших трудов, чем от прожитых лет, так как ему не было и шестидесяти. Он заболел. С беспредельной радостью монахи приняли весть о том, что их злейший враг умирает. Его должно быть охватывает ужас и раскаяние за то зло, что он причинил им, и они поспешили к его одру, чтобы принять покаяние и сожаление. Мгновенно небольшая группа бритоголовых монахов из четырех орденов собралась у ложа больного. «Они начали хорошо», пожелав ему «выздоровления от болезни», но быстро поменяли тон и стали уговаривать его, как человека, находящегося на краю могилы, исповедоваться и выразить искреннее сожаление о зле, принесенном их ордену. Уиклифф лежал, молча, пока они не закончили, потом, попросив слугу приподнять его на подушке, и устремив на них проницательный взгляд, громко сказал: «Я не умру, но буду жить,

и возвещать о порочных делах монахов нищенствующих орденов». Монахи в удивлении и смущении выскочили из комнаты.

Как Уиклифф предсказал, так и получилось. Он поднялся с постели, чтобы осуществить самую смелую дерзость, как считали враги, и самое славное служение, как высоко оценивают это друзья человечества. Работа, которой была дана такая разная оценка, состояла в том, чтобы перевести Библию для народа Англии на их родной язык. Правда, было уже несколько копий Слова Божьего в Англии, но они были написаны на языке непонятном простому народу, поэтому откровение Божие человеку было сокрыто от людей, как будто Бог его никогда не говорил.

Кроме неведения воли Божией, Уклифф обнаружил множество пороков, поразивших королевство. «Я наполню королевство Англии светом, – говорил он – и духовный террор, внушаемый священниками, и рабство, в котором они держат людей через суеверный страх, исчезнут, как исчезают ночные призраки при восходе солнца. Я вновь открою предопределенный канал святого действия между землей и небом, и лицо земли обновится». Это была великая идея.

До седьмого века мы не встречаем попыток дать Библию народу Англии на родном языке. Кэдмон, англо-саксонский монах впервые дал англичанам вкусить то, что содержится в Библии. Нельзя назвать его работу переводом. По всей вероятности Кэдмон обладал поэтическим даром, и, полагая, что начальные эпизоды боговдохновенной истории подходили для драмы, написал поэму, которая, начинаясь с Творения, повествовала о событиях, связанных с библейскими патриархами, чудесами исхода, хождением по пустыне, пока не заканчивалась у врат Палестины и входом колен в Землю Обетованную. Такая книга, ни в коей мере, не учила пониманию воли Божией и жизненному пути. Далее следовали попытки других людей перефразирования, но не перевода фрагментов Слова Божьего, среди которых были Альфрик и Альфред Великий. Первый кратко изложил несколько книг Ветхого Завета; последний в девятом веке собрал группу эрудированных людей для перевода Писания, но едва работа началась, как великий король умер, и работа была прекращена.

Попытка Беда в восьмом веке заслуживает внимания. Говорят, что он перевел на англо-саксонский язык Евангелие от Иоанна. Он был поражен смертельной болезнью, после того, как начал перевод, но он очень хотел закончить его, прежде чем предаст свой дух. День за днем он трудился над своей задачей, хотя болезнь прогрессировала, а сил становилось все меньше и меньше. Было предопределено, что его жизнь и работа закончатся одновременно. Наконец, наступил день, когда этот почтенный человек почувствовал, что это был его последний день. Однако осталась еще одна не переведенная глава. Он позвал к постели своего личного секретаря. «Возьми ручку, - сказал Беда, чувствуя, что дорога каждая минута –

быстро возьми ручку и пиши». Секретарь читал стих за стихом из Вульгаты, и после того, как Беда переводил их на англо-саксонский язык, быстро записывал. Когда они так вместе трудились, их работу прервало появление чиновников, которые пришли узнать о распоряжениях умирающего. Преданный писарь был опять за работой. «Дорогой учитель – сказал он – остался один стих». «Быстрее» - сказал Беде. Он был прочитан на латыни, переведен на англо-саксонский и записан. «Свершилось» - сказал торжественно секретарь. «Ты истинно сказал: свершилось» - мягко и благодарно отозвался умирающий. Затем спокойно подняв руки и сказав: «Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу», испустил дух.

Со времени правления Альфреда до дней Уиклиффа не было больше попыток, если не считать Ричарда Ролла, отшельника Хемпольского, в том же веке, что и Уиклифф, который дал подстрочный перевод одного из отрывков Библии. И даже, если переводы, о которых упоминалось, были более ценными и полными, но они не выполнили намеченной авторами цели; они редко выходили за пределы кельи, или хранились как большая редкость в библиотеках знати, за чей счет они создавались. Они не попадали в руки людей.

Идея Уиклиффа заключалась в том, чтобы дать всю Библию народу Англии на разговорном языке, чтобы каждый человек в королевстве мог читать на родном языке чудесные Божии творения. Ранее никто в Англии не думал об этом. Как те, которые отворачиваются от солнца, чтобы освещать свой путь свечой, так и люди тех дней поворачивались к традиции, схоластической философии, папской непогрешимости; чем больше они следовали этому, тем дальше уходили с верного пути. Бог был в мире, Божественный свет был в скинии Слова, но никто не подумал отдернуть занавеску и дать свету осветить человеческий путь. Такую цель поставил перед собой Уиклифф. Если бы он смог добиться этого, он бы поставил права Англии на прочный фундамент, и возвел страну на такую высоту, чего бы, не сделали и сотни блестящих побед.

Однако у него оставалось не так уж много лет для совершения этой великой работы. Оставалось лишь не менее десятка лет, подорванные болезнями. Но его умственная энергия не была подорвана; его опыт и таланты были в самом расцвете. Чем была вся его прошлая жизнь, как не подготовкой к этой славной задаче его вечера? Он был хорошим знатоком латыни. Он обосновался в тихом доме приходского священника в Люттерворте. Он открыл Вульгату, книгу, которую изучал всю свою жизнь, и отрывки, из которой уже переводил. Вокруг него мир сотрясался в конвульсиях; двое Пап бросали друг в друга анафемы. Уиклифф, не потревоженный ревем бури, совершал свою великую работу. День за днем он выполнял предназначенную ему задачу. В то время как стих за стихом переводился на английский язык, реформатор успокаивался мыслью, что еще один луч пробьет

тьму, окутавшую его родину, что еще одна стрела будет выпущена, чтобы разрушить оковы душ соотечественников. За четыре года реформатор закончил ее. Небесное послание было теперь на разговорном языке Англии. Рассвет реформации почти наступил.

У Уиклиффа был помощник в его великой работе. Весь Новый Завет был переведен им самим; но полагают, что Николас де Херефорд из Оксфорда перевел Ветхий Завет, который, однако, был частично исправлен Уиклиффом. Этот перевод - очень точный и живой. Старо-саксонский придает драматизм некоторым абзацам. Перевод Уиклиффа служил не только религиозным целям, но первостепенным и наивысшим. Он значительно способствовал формированию английского языка, усовершенствовав его структуру и расширив словарь. Величие и чистота учения отразились в языке, на который оно было переведено, предав ему простоту, красоту, пафос, точность и силу, неизвестные до сих пор. Уиклифф называется отцом английской прозы, как Чосер – отцом английской поэзии. Никто в его дни не писал так много, как Уиклифф. Когда он писал для простых людей, он научился быть простым и четким. Он был целеустремлен, и энтузиазм его души давал ему точные и яркие выражения. Он писал на высокие темы и его стиль соответствовал возвышенности предмета; он был прямым, ясным, свободным от причудливых метафор и инфантилизма, которые портили произведения других писателей его дней. Но его перевод Библии превосходил все его другие сочинения по мягкости, плавности и достоинству. Хорошо поэтому поводу сказал Лехлер: «Если мы сравним, однако, Библию Уиклифа не только с его собственными сочинения на английском языке, но и с другой английской литературой до и после него, напрашивается еще более важный вывод. Перевод Уиклиффа означает в своем роде довольно значительную эпоху в английском языке, как перевод Лютера – в истории немецкого языка. Библия Лютера открыла период нового высокого немецкого языка, как Библия Уиклиффа стоит на вершине средневекового английского языка. Правда, Джеффри Чосер, отец английской поэзии, а не Уиклифф всегда считался пионером средневековой английской литературы. Но с более вескими основаниями более поздние филологи присудили это звание прозе Библии Уиклиффа. Правда, у Чосера были свои редкие особенности: живость описания, очаровательное изящество выражений, подлинный английский юмор и мастерское владение языком, но такие качества предназначались для людей культуры. Они не были адаптированы к речи народных масс. Чтобы распространять новый язык, нужно было что-то такое, от чего зависело и счастье, и горе людей, и что неотразимо захватывает все, как самое высокое, так и низкое, и как говорит Лютер: «наполняет сердце». Только нравственная духовная истина, охваченная новым вдохновением, должна найти признание и распространение в новой форме речи. Как Лютер активизировал в Германии развитие тевтонского языка, так Уиклифф и его школа стали через Библию

основоположниками среднеанглийского языка, в котором заключались фундаментальные особенности нового английского языка 16 века».

Реформатор завершил великий труд в 1382 году. Какая эпоха в истории Англии! Какое это имело значение, когда тюрьма или темница могли сомкнуться над ним? Он зажег свет, который нельзя было погасить. Он вложил в руки своих соотечественников истинную Хартию Вольностей. Та хартия, которую бароны добились от короля Иоанна в Ранмимиде, мало бы чего стоила, если бы не эта более сильная хартия, появившаяся потом. Уиклифф теперь видел саксонцев, направляемых огненным столпом, твердо шагающих к свободе. Могло пройти одно или пять столетий до окончательного освобождения, но с Библией на родном языке, никакая сила не могла вернуть их в рабство. Двери дома рабства были распахнуты.

Когда работа по переводу была закончена, началась почти такая же трудная работа по изданию. В то время не было печатного станка для тиражирования тысяч копий, как сейчас. И не было издательских домов для распространения этих тысяч по всему королевству. Автору самому приходилось всем этим заниматься. Были разные способы издания книг. Самым распространенным способом было поместить одну рукопись в зале какого-нибудь монастыря или в библиотеку какого-нибудь колледжа, куда все могли придти и почитать, и если книга нравилась, заказать для себя копию, почти так же, как художник в те дни выставлял картину в зале или галерее, где ее достоинства находили поклонников и часто покупателей. Другие ставили небольшие возвышения на перекрестках, в местах общественного отдыха и читали отрывки из своих работ окружавшей их публике и те, кому нравилось прочитанное, покупали рукописи. Но Уиклиффу не надо было прибегать за помощью ко всем этим уловкам. Интерес к этому человеку и его работе привлек сотни опытных рук, которые, хотя и трудились для размножения рукописей, не могли обеспечить всех желающих. Некоторые заказывали полные копии, другие довольствовались отрывками; во многих случаях одни и те же рукописи служили нескольким семьям, и за очень короткое время Библия Уиклиффа получила самое широкое распространение и внесла новую жизнь во многие английские дома. Как день приходит к усталому путнику, пробиравшемуся всю ночь сквозь заросли и болота, то же происходило и с теми англичанами, которые читали Слово Божие, данное им на родном языке. Когда они пробирались сквозь смертельные ловушки суеверий или колючие заросли схоластической философии, неожиданно их осветил великий свет. Они возрадовались великой радостью. Они увидели открытый путь к престолу милости Божьей; и отставив многих посредников, предложенных римской церковью для руководства по нему, но которые, на самом деле, только скрывали его, они смело вошли через единственного Посредника и стояли в присутствии Того, Кто сидел на престоле.

Церковная иерархия, когда узнала, что сделал Уиклифф, оцепенела от страха. Они утешали себя мыслью, что движение умрет вместе с Уиклиффом, и что ему осталось жить несколько лет. Но они видели, что еще одна поддержка, сильнее, чем Уиклифф, пришла на поле сражения; что еще один проповедник был предназначен занять его место, когда голос реформатора смолкнет. Этого проповедника они не могли привязать к столбу и сжечь. Тихой поступью он уже шел по всей Англии. Когда голова величавого аббата или надменного прелата отдыхала на подушке, этот проповедник, который не смыкал глаз ни днем, ни ночью, выполнял свое служение, входя в дома и завоевывая сердца людей. Они подняли великий вопль. Уиклифф напал на церковь, он хотел уничтожить религию.

Это подняло вопрос о праве людей читать Библию. Этот вопрос был новым для Англии по той простой причине, что до сих пор не было Библии, которую можно было читать. И по той же причине не было закона, запрещавшего людям читать Библию, так как считалось бесполезным и неблагоразумным издавать закон против нарушения, которое невозможно было совершить. Романский перевод на разговорном языке юга Европы средневековья существовал два столетия, и римская церковь запретила его употребление. Английский был первым из современных языков, на который было переведено Слово Божье, и хотя этот перевод должен был попасть под запрещение церковью, как и романский, иерархия, застигнутая врасплох, не была готова выдвинуть свои обвинения, и Слово Божье тем временем широко распространялось. Воды жизни текли по всей стране, и места злачной пажити стали украшать пустыню Англии.

Но если не правовой, то духовный интердикт был обнародован немедленно, направленный против чтения Библии людьми. Генрих де Найтон, каноник из Лейстера, издал смешанный вопль скорби и осуждения. «Христос - говорил он – дал Свое Евангелие духовенству и богословам церкви, чтобы они могли направлять мирян и более слабых людей в соответствии со временем и нуждами людей. Но магистр Джон Уиклифф перевел его с латыни на английский и сделал доступным мирянам и женщинам, умеющим читать, а раньше оно было только для самых образованных из духовенства, и даже для тех из них, кто лучше его понимал. Таким образом, бисер Евангелия разбрасывается и топчется свиньями; и что раньше ценилось как духовенством, так и мирянами, выставляется сейчас как насмешка для обоих».

К сожалению, священники и их последователи, которые составляли основную часть населения, подняли большой шум против Уиклиффа. Он был еретиком и кощунником; он совершил преступление, неизвестное в предыдущие века; он ворвался в храм и украл священные сосуды; он поджег Дом Божий. Такими

выражениями говорили о человеке, который принес величайший дар своей стране, не получавшей такого раньше.

Уиклиффу пришлось бороться одному. Рядом с ним не было ни пэра, ни другого влиятельного человека. Должно быть в жизни всех великих реформаторов, а Уиклифф находился в первых рядах, наступал момент, когда покинутые всеми и болезненно воспринимавшие свою изоляцию, они должны были показать совершенство и превосходство веры, опираясь лишь на Одного Бога. Такой момент настал для реформатора 14 века. Во время шторма Уиклифф стоял один. Он был уравновешен и спокойно смотрел в лицо разъяренным врагам. Он выдвигал против них те же обвинения, которые они бросали в него. Вы заявляете, – говорил он – что это – ересь, если говорить о Святом Писании по-английски. Вы называете меня еретиком, потому что я перевел Библию на язык, доступный людям. Вы знаете на кого вы возносите хулу? Разве Святой Дух не дал Слово Божие сначала на родном языке народов, которым оно было адресовано? Почему вы выступаете против Святого Духа? Вы говорите, что церковь Божия находится в опасности из-за этой книги. Как это может быть? Разве не из Библии мы узнаем, что Бог учредил такую общину, как церковь? Разве не Библия утверждает свой авторитет в церкви? Разве не из Библии мы узнаем, кто является Домостроителем и Владыкой церкви, какими законами она должна управляться, и какие права и привилегии у ее членов? Если не Библия, какой хартией должна церковь руководствоваться? Это вы подвергли церковь риску, спрятав божественное предписание, монаршее послание ее Царя, из-за авторитета, которым она обладает, и веры, которую она заповедует.

Распространение Писания облачило протестантское движение в одежды света. Обладая духовным мечом, который есть Слово Божие, оно продолжало шагать, оставляя за собой, как памятники своей доблести, во многих английских домах слепые глаза отверстыми и порочные сердца очищенными. Величественное, как утро, спускающееся с небес, оно шагало в бесшумной славе по земле, таков был успех книги Божьей. Везде оставался след света, куда бы оно ни приходило, в оживленный город, в высокий зал барона, в скромную крестьянскую хижину. Если бы Уиклифф жил тысячу лет и занимался только проповедованием, он бы даже не надеялся увидеть то благо, которое принесло бесшумное действие английской Библии.

Глава 11 - Уиклифф и пресуществление.

Уиклифф стар. – Война продолжается. – Критика пресуществления – История догмы – Учение Уиклиффа о Евхаристии – Осуждено университетским судом. – Уиклифф обращается к королю и парламенту и уезжает в Люттерворт. – Бунт Уатта Тайлера – Архиепископ Садбери обезглавлен. – Кортени выбран архиепископом. – Он вызывает Уиклиффа. – Синод в монастыре доминиканцев. – Землетрясение – Архиепископ заверяет напуганных епископов. – Осуждено учение Уиклиффа о Евхаристии. – Архиепископ убеждает короля. – Первый эдикт о гонениях – Друзья Уиклиффа отходят.

Отдыхал ли теперь реформатор? Он был старым и больным, и нуждался в отдыхе. Его день был бурным, хорошо бы было вечером вкусить немного покоя. Он страстно желал, если возможно, и если на это есть воля Божия, увидеть полное освобождение страны и преображенную Англию, пока он не закрыл глаза и не сошел в могилу. Это было, чувствовал он, днем испытания. Этот день сначала пришел в Англию. О, если бы она была мудра и в этот день знала, что способствует ее покою! Если бы не конфликт, который был совсем близко, то она могла заплатить многими слезами и кровью в течение многих лет, а может быть и столетий. Уиклифф решил, что не должно быть передышки в войне. Он только что закончил одну битву и готовился к другой. Он собирался напасть на доктринальную систему римской церкви.

Он пришел уже к мнению, что система римских доктрин и обряды ее поклонения являются антихристианскими, «новой религией, созданной грешниками», и «препятствовавшей законам Христа, данным апостолам»; но в начале новой битвы он выбрал одну конкретную догму объектом нападения. Эта догма о пресуществлении. Именно в ней суеверие римской церкви достигло своей кульминации; именно скорее в ней, чем в какой-нибудь другой догме, находится источник ее чудовищной власти и ее огромного влияния. Готовясь к этому удару, Уиклифф знал, что он должен быть в десять раз сильнее, чем против другой, менее важной части системы. Если бы он сокрушил жертву священника, то вернул бы жертву Христа, которая сама является Евангелием, потому что через нее «прощение грехов» и «жизнь вечная».

Пресуществление, как мы уже показали, было изобретено монахом Пасхазием Радбертом в девятом веке; оно попало в Англию с кортежем Вильгельма Завоевателя и его англо-нормандских священников; оно ревностно проповедовалось монахом Ланфранком и аббатом св.Стефана из нормандского Кана, который поднялся на Кантерберийский престол с именем Уильям; и со времени Ланфранка до дней Уиклиффа этого догмата придерживалось англо-нормандское духовенство Англии. Вряд ли можно было ожидать, что они узко и критично исследовали основание

доктрины, которая значительно содействовала их власти; а что касается мирян тех дней. То им было достаточно слова церкви, что эта доктрина истинна.

Весной 1381 года Уиклифф вывесил в Оксфорде двенадцать положений, отвергавших догму о пресуществлении, и вызвал всех, имевших противное мнение, на дискуссию с ним. Первое из этих положений было следующим: «Хлеб евхаристии, который видим на алтаре, не является ни Христом, ни какой-нибудь Его частью, а только Его символом, имеющим силу. Он признавал, что слова при освящении наделяют святые дары мистическим и священным свойством, но они никак не меняют их свойств. Хлеб и вино остаются хлебом и вином, как и до освящения. Христос назвал святые дары «хлебом» и «Моим телом»; они были «хлебом» и они были «телом» Христа, как и Он – истинный человек и истинный Бог, без какого-либо смешения двух природ; поэтому святые дары являются и «хлебом», и «телом» Христа – «хлебом» реально, а «телом» Христа метафизически и духовно. Вот, вкратце, взгляд, которого придерживался Уиклифф на евхаристию в начале дискуссии, и на этом основании он продолжал стоять на протяжении всей дискуссии.

Сильное возбуждение было в Оксфорде. Были удивленные взгляды, был гул разговоров, головы склонялись в серьезных, приглушенных разговорах; но никто не принял вызова Уиклиффа. Все кричали, что это ересь, все были единодушны в этом вопросе, но никто не отважился это доказать тому единственному человеку в Оксфорде, который нуждался, чтобы ему это доказали. Канцлер университета, Уильям де Бартон, созвал совет двенадцати (четыре богослова и восемь монахов). Совет единодушно осудил взгляды Уиклиффа, как еретические, и пригрозил разными суровыми наказаниями тем, кто будет учить этому в университете или слушать это учение.

Совет, созванный в спешке, собрался довольно секретно, так как Уиклиффу ничего не было известно о том, что происходит. Он был в аудитории, объясняя студентам истинную природу евхаристии, когда дверь открылась, и посланник совета появился в зале. Он держал в руках решение богословов, которое и зачитал. В нем предписывалось Уиклиффу молчать о своих взглядах на евхаристию под страхом тюрьмы, прекращения любой научной деятельности и отлучения от церкви. Это было равносильно исключению из университета. «Но, - вставил Уиклифф – вы должны сначала доказать, что я ошибаюсь». Единственным ответом было напоминание о решении суда, которому, как было сказано, он должен был подчиниться, или понести наказание. «Тогда – сказал Уиклифф – я обращаюсь к королю и парламенту». До созыва парламента оставалось какое-то время; и реформатор, связанный по рукам и ногам на своей кафедре, решил уехать в Лоттерворт. Сфера полномочий канцлера не распространялась на его приход. Он провел несколько спокойных месяцев в служении «истинного хлеба» «своей

любимой пастве»; он заботился о распространении посредством церковной кафедры и пера тех божественных истин, которые получил из источника откровения, так как не мог более возвысить голос в Оксфорде. Более того, он нуждался в Божественном хлебе для поддержки. «Приди ко Мне и отдохни» было языком этого Божественного Провидения. В причастии со своим Господом стиралась боль прежних конфликтов, и он готовился к новым. Его путь, поэтому был далеко не гладким, но то, что ему осталось пройти, было еще тяжелей. Это, однако, должно быть по воле Божьей; одно он знал, и как радостна была эта мысль, он найдет покой в конце пути!

Новые и нежданные тучи собирались на небе. Прежде, чем Уиклифф подал апелляцию в парламент, в Англии разразился мятеж. Причины и результаты мятежа нас интересуют только в той степени, в какой они отразились на судьбе реформатора. Уатт Тайлер и распутный священник по имени Болл приехали в Англию и возбудили страсти толпы своими яростными речами, зачитывая текст, написанный на их знаменах:

«Когда Адам трудился, Ева пряла,

Кто ж джентльменом был тогда?»

Такие волнения не ограничились Англией, они перешли во Францию и другие страны континента, и как неожиданная зияющая бездна, они показали внутреннее состояние общества в 14 веке. Как не похоже было оно на свою поверхность; театр войн и пышных зрелищ, которые, как думают историки, стоит изображать. Ничего не было в учении Уиклиффа, чтобы возбудить вспышки народного гнева, однако, оно провоцировало его врагов на проявление гнева у его дверей, говоря: «Смотри, что получается из того, когда разрешают учить этим чуждым и развращающим доктринам». Было бы излишне оправдывать Уиклиффа или Евангелие в этом отношении.

Но в какой-то степени эти события были связаны с реформатором. Толпа арестовала архиепископа и обезглавила его. Кортени, злостный враг Уиклиффа, был назначен на освободившуюся кафедру. И теперь надо было ждать более решительных мер против него. Однако Бог защитил Своего достойного реформатора, что могло казаться упущением Рима. Булла с назначением Кортени на архиепископскую кафедру прибыла, но вместе с ней не прибыло облачение. Облачение, как известно, является самым важным из всех знаков и отличий, посредством которых Папа наделяет епископов властью действовать от его имени. Кортени был слишком послушным сыном Папы, чтобы намеренно нарушить хоть одну из самых маленьких заповедей своего отца. Он горел от нетерпения, чтобы сокрушить голову ереси в Англии, но совесть не позволяла ему идти даже против Уиклиффа, пока облачение не даст ему права на полное введение в должность.

Отсюда и освежающий покой и духовное утешение, которыми Уиклифф продолжал наслаждаться в своем сельском приходском доме. В это время Уиклифф выстрелил еще одну стрелу – «Врата».

Наконец облачение прибыло. Архиепископ, обладая таинственным и могущественным символом, мог применить всю власть своей должности. Он немедленно собрал синод, чтобы подвергнуть ректора Люттерворта испытанию. Суд собрался 17 мая 1382 года, в месте плохого предзнаменования, (если учесть с кем Уиклифф вел смертельную войну) в монастыре доминиканцев в Лондоне. Судьи собрались, включая восемь прелатов, четырнадцать законоведов канонических и гражданских законов, шесть богословов, четырех монахов и пятнадцать монахов нищенствующего ордена. Они заняли свои места и собирались приступить к делу, когда воздух наполнился зловещим звуком и здание, в котором они собрались, начало колебаться. Землетрясение сотрясало монастырь и весь Лондон.

Пораженные и испуганные члены суда, обратившись к председателю, попросили об отсрочке. Действительно казалось, что «звезды на своих путях» боролись против архиепископа. Первый раз, когда он призвал Уиклиффа, народ ворвался в зал, и суд разошелся в замешательстве. То же самое произошло во второй раз, когда Уиклифф пришел в суд; бушующий народ наполнил зал, и судьи были выдворены с места заседания. В третий раз вызывают Уиклиффа, и суд заседает в месте, где легко принять меры предосторожности от проникновения народа, и что?! Земля неожиданно поколебалась от землетрясения. Но у Кортени было теперь облачение, и он был выше всех ничтожных страхов. Повернувшись к своим братьям-судьям, он прочитал им небольшую проповедь о земных обыкновениях и мистическом значении землетрясений, и попросил их быть мужественными и продолжать. Это землетрясение – сказал он – служит предзнаменованием очищения королевства от ереси. Так как в недрах земли заключено много губительных духов, которые выходят при землетрясении, и так очищается земля, но не без больших разрушений; так и в сердцах испорченных людей много ересей, и с помощью их осуждения королевство должно быть очищено, но не без раздражений и великих волнений». Суд посчитал, подчиняясь авторитету архиепископа, землетрясение хорошим знаком, и продолжил суд над Уиклиффом.

Судебный исполнитель зачитал двадцать шесть постулатов, отобранных из трудов реформатора. Суд провел три дня в «добром разбирательстве» их. Он единодушно осудил десять из них, как еретические, а остальные, как заблуждения. Среди тех, которые были названы, как еретические, особенно выделяли рассуждение о пресуществлении, о жаловании церковной иерархии, о верховной власти Папы, которая по признанию Уиклиффа могла исходить от императора, но не от Христа. Решение суда было отправлено епископу Лондонскому и всей его братии, викарным

епископам Кантерберийского диоцеза, а также епископу Линкольнскому, с приложением приказов Кортени, как «архиепископа всей Англии», чтобы они следили за нераспространением этих вредных учений в своих диоцезах.

Кроме этих двух посланий, третье было отправлено в Оксфордский университет, который был, по мнению архиепископа, рассадником ереси. Канцлер Уильям де Бартон, который председательствовал на суде, осудившим Уиклиффа год назад, умер, и его место занял Роберт Риге, который по-дружески относился к реформатору. Среди профессоров и студентов были многие, перенявшие настроения Уиклиффа, и, которых надо было предупредить о «ядовитом змее», чьи соблазны они начали уже слушать. Когда архиепископ увидел, что к его совету не прислушались в этом учебном заведении, а напротив, продолжали играть с огнем, он решил спасти их, несмотря, на них самих. Он передал жалобу молодому королю Ричарду II. «Если мы разрешим этому еретику – писал он – обращаться постоянно к человеческим страстям, то наше разрушение неизбежно; мы должны заставить замолчать лоллардов». Короля это убедило. Он дал «распоряжение сажать в королевскую тюрьму всех, кто будет придерживаться осужденных высказываний».

Реформации продолжалась, но в тот момент казалось, что реформатор находиться на грани уничтожения. У него было много друзей, их число увеличивалось с каждым днем, но им недоставало мужества, и они оставались в тени. Его лекции в Оксфорде распространяли Евангелие по школам, Библия, которую он перевел, насаждала Евангелие в домах англичан. Но как увеличивалось число последователей реформации, так и возрастало число врагов реформатора. Иерархия одна восставала и преследовала его, а теперь одетая в броню рука короля поднялась, чтобы сокрушить его.

Когда об этом узнали, все друзья покинули его. Джон Гонт ушел от него раньше. Этот правитель смело стоял рядом с Уиклиффом, пока тот просто противостоял посягательствам иерархии на права короны и независимость нации. Эту область дискуссии герцог еще мог понять. Но когда она перешла в доктринальную сферу, и смелый реформатор не довольный срезанием нескольких наростов, приложил топор к корню, чтобы отвергнуть таинство и разрушить алтарь, храбрый правитель встревожился; он почувствовал, что ступил на незнакомую почву, и опасался, что может быть затянут в бездонную яму ереси. Поэтому Джон Гонт поспешил удалиться. Но также и другие, от которых можно было ожидать лучшего, задрожали перед наступающей бурей, и отошли от реформатора. Доктор Николас Херефорд, который помогал ему переводить Ветхий Завет, и Джон Эштон, самый красноречивый из тех проповедников, которых Уиклифф посылал по всей Англии, дорожили своей безопасностью, а не защитой наставника, и не честью дела, которому они предались. Такое отношение, несомненно, огорчило, но не сломило

Уиклиффа. Его сердце и надежда ни на йоту не ослабли. Он избрал момент, чтобы сделать шаг вперед, и нанести еще более сокрушительные удары по папству, чем когда-нибудь ранее.

Глава 12 - Обращение Уиклиффа к парламенту.

Заседание парламента – Уиклифф приходит и требует радикальной реформы. – Его предложения о монашеских орденах – Церковные владения и доходы – Пресуществление – Его возросшая смелость – Его взгляды находят отклик в парламенте. – Эдикт о гонениях отменяется.

Парламент собрался 19 ноября 1382 года. Уиклифф мог послать апелляцию королю на решение университетского суда, осудившего его двенадцать постулатов. Но прелаты опередили его. Они уговорили суверена одолжить им меч государства, чтобы направить его против Уиклиффа и против тех, кто сомневается в великой тайне пресуществления. Итак, они могли сжечь его завтра, но сегодня он был жив, и двери парламента были открыты. Уиклифф поспешил войти с апелляцией и жалобой. Иерархия тайно обвиняла его перед королем, и он открыто вызвал их на парламент.

Жалоба, представленная Уиклиффом, касалась четырех структур, и все требовали кардинальных реформ. Первая жалоба касалась монашеских орденов. Реформатор требовал, чтобы их освободили от противоестественного и аморального обета, который сделал их позором церкви и паразитами в обществе. «Так как Иисус Христос пролил кровь, чтобы освободить свою церковь, - сказал Уиклифф – я требую этой свободы. Я требую, чтобы любой мог покинуть эти мрачные стены (монастыря), где царит деспотичный закон, и мог обрести простую и мирную жизнь под небесным сводом».

Вторая часть жалобы имела отношение к собственности церкви. Порочность и праздность духовенства Уиклифф в основном объяснял его огромным богатством. Он не ждал, что сами священники откажутся от своих непомерных доходов; поэтому он призывал вмешательство государства, заявляя, несмотря, на противоположное мнение священников, что как собственность, так и субъекты духовенства находились под юрисдикцией короля. «Мировые судьи – утверждал он – есть Божие установление»; он отметил, что апостол Павел, который «ставит всех людей в подчинение королям, никого не избавлял от этого». Аналогичной этой была и третья часть документа, которая касалась десятин и приношений. Пусть десятины и приношения будут в размере, достаточном для поддержания получателей, чтобы совершать сакральные обязанности, а не в таком, чтобы служить их роскоши и превозношению; и если священник окажется ленивым и порочным, то пусть не получает ни десятин, ни приношений. «Я требую, - сказал он – чтобы бедных жителей наших городов и деревень не обязывали обеспечивать обмирщенных священников, зачастую порочных и еретиков, средствами, удовлетворяющими их бахвальство, обжорство и безнравственность, покупая себе выездных лошадей,

дорогие седла, уздечки со звенящими колокольчиками, богатые одежды и мягкие меха, в то время как они видят жен и детей своих ближних, умирающих от голода».

Последняя часть документа шла еще дальше. Она касалась доктрины, занимающей центральное положение в римской церкви, доктрины о пресуществлении. Его взгляды на эту догму не были особо определены в его обращении к парламенту, хотя он сделал это немного позже перед конвокацией, он довольствовался пожеланием свободы в распространении истинной доктрины о Евхаристии в Англии. В своем Триалоге, написанном в это же время, он приводит ясный взгляд на догму о пресуществлении. Ее последствия были особенно вредными и далеко идущими. Это было не просто заблуждение, но заблуждение, которое ослабляло разум человека, принимавшего его, и колебал уверенность в свидетельстве здравого смысла, и, таким образом, готовил к принятию любого абсурда и заблуждения, как бы это не противоречило рассудку и здравому смыслу. Доктрина о «реальном присутствии», понимаемая в плотском смысле, заявлял он, является отродьем Сатаны, которого он рисовал, размышляющим о своем изобретении, так: «Введу я пока один раз в заблуждение верующих церкви, с помощью антихриста, моего наместника, заставив их отрицать, что причастие – это хлеб, и склоню их воспринимать это как простую акциденцию. Тогда не останется ничего, что бы я не заставил их принять, так как нет ничего, что бы больше противоречило Писанию и здравому рассуждению. Пусть жизнь прелата остается такой как прежде, пусть он будет виновен в роскоши, симонии, убийстве. Пусть людей убеждают, что он на самом деле не такой; их, возможно, уговорят признать, что Папа непогрешим, по крайней мере, в отношении христианской веры; и так как он известен как Святейший отец, он свободен от греха».

«Таким образом, очевидно, - пишет доктор Вокхем, комментируя вышеизложенное – что целью Уиклиффа было возвращение сознания человека к логичному руководству рассудком и здравым смыслом при изучении Писания и суждении о всяком христианском учреждении; и если доктрина о пресуществлении претит ему, то значит, эта догма находится в противоречии с благородным замыслом. Для него было очевидно, что пока церковные власти подчиняются этого чудовищному принципу, то, возможно, не будет предела интригам церковного обмана и угнетения.

Враги реформатора, должно быть, пришли в замешательство от этой смелой атаки. Они склонялись к тому, что наступит час, когда Уиклифф сдастся. Херефорд, Репингдон, Эштон, все его друзья, один за другим примирились с иерархией. Священники ждали увидеть приходящего к ним Уиклиффа самым последним, склонившим свою великую голову перед ними, и тогда они поведут его в цепях, как трофей своей победы и доказательство окончательного подавления движения

реформации. Он вышел вперед, но не для того, чтобы отречься, или даже извиниться, но с еще более мужественным сердцем в результате прожитых лет и большего числа врагов, чтобы повторить обвинения и опять провозгласить перед лицом всего народа о порочности, тирании и заблуждениях иерархии. Его настроения нашли поддержку в палате общин, и парламент отменил эдикт о преследовании, который священники и король тайком приняли. Победа осталась за Уиклиффом.

Глава 13 - Уиклифф на конвокации лично, и в папской курии в письмах.

Конвокация в Оксфорде – Уиклифф вызван. – Предъявлено обвинение по вопросу о пресуществлении. – Уиклифф отстаивает учение всей своей жизни. – Он обвиняет судей. – Они пришли в замешательство. – Уиклифф спокойно уходит. – Возвращается в Люттерворт. – Вызван Урбаном IV в Рим. – Не может ехать. – Посылает письмо. – Серьезное предупреждение – Сцена в Ватикане – Портреты Христа и антихриста.

Отвергнутый парламентом, архиепископ обратился к конвокации. Здесь он скорее мог рассчитывать на раболепный суд. Кортени постарался собрать многих священников, чтобы придать известность этому заседанию, и, чтобы они были свидетелями, как он очень надеялся, ждавшей его победы. Кроме архиепископа присутствовало шесть епископов, много законодателей канонических законов и масса более низших священников. Собрание увеличилось за счет высокопоставленных гостей и молодежи Оксфорда. Место действия суда должно было многое напомнить Уиклиффу, и это не могло его не взволновать. Сорок лет прошло с тех пор, как он поступил учиться в Оксфорд. Эти стены были свидетелями трудов его юности и зрелости. Здесь он совершил наиболее выдающиеся достижения; здесь его имя упоминалось с уважением; и его популярность, как эрудированного и талантливого человека, внесла немалый вклад в известность университета. Но сегодня Оксфорд открыл свои древние врата, чтобы принять его в новом качестве. Он пришел, чтобы быть судимым, возможно, осужденным, и, если судьям удастся, быть переданным гражданской власти и подвернуться наказанию, как еретик. Результат дела мог быть такой, что тот же Оксфорд, который позаимствовал свет, отраженный от его имени, зажег бы пламя его мученической смерти.

Официальное обвинение особенно касалось пресуществления. Поддерживал ли он или отрицал кардинальную доктрину церкви? Реформатор поднял свою почтенную голову в присутствии огромного собрания; его глаза искали архиепископа Кортени, на котором он остановил свой твердый и испытующий взгляд, и начал говорить. В этом обращении на своем последнем суде он ни от чего не отрекся, ничего не смягчил, он снова повторил и подтвердил учение всей своей жизни по вопросу о Евхаристии. Его обращение изобилует разными точками зрения

характерными для схоластической эпохи, но оно заслуживает похвалу за непревзойденную остроту даже от тех, кто был с ним не согласен. В нем Уиклифф безошибочно осуждает догмат о пресуществлении, утверждая, что хлеб остается хлебом, и что Христос не присутствует плотью в этом таинстве, что нет иного присутствия, кроме сакраментального и духовного.

Уиклифф защищался с редкой остротой и еще более редкой смелостью. Он не примет обвинительного приговора от такого суда. Во время одной из таких метаморфоз, которые даются только великим духовным натурам, он поставил себя на судейское место, а судей - у барьера. Пораженные, они сидели, как прикованные к сиденьям, лишенные сил, чтобы подняться и уйти, хотя слова отважного реформатора проникали горящими стрелами в их сердца. «Те, кто утверждал, - говорил он – что это таинство было аксиденцией без субстанции, были еретиками. Почему они распространяли свои заблуждения? Потому что, как жрецы Ваала, они хотели продавать свои мессы. С кем, вы думаете, - спросил он в заключении – спорите? Со стариком, стоящим на краю могилы? Нет! С истиной, которая сильнее вас, и опровергнет вас». С этими словами он повернулся, чтобы покинуть суд. У его врагов не было сил, чтобы остановить его. «Как его Божественный Учитель в Назарете, – пишет Д’Обинье – он прошел сквозь них». Уехав из Лондона, он вернулся в свой приход в Люттерворте.

Уиклифф должен был дать показания и в Риме. С семи холмов должны были услышать Папу Урбана, который, не ведая, что творит, устроил так, чтобы возвысился голос великого свидетеля перед тем, как смолкнуть навсегда. Однажды, когда он трудился пером в своем тихом приходском доме, (так как он тем больше трудился, чем становился немощнее, и так как приближалась ночь, когда он не сможет работать) он получил приказ от понтифика явиться в Рим, и ответить за свои еретические взгляды перед папской курией. Если бы он туда поехал, то никогда бы не вернулся. Но это решал не Уиклифф. Божия рука наложила на него арест. С ним случился удар; и если бы он предпринял такое утомительное путешествие, он бы умер в пути, не доехав до ворот города понтифика. Но так как он не мог поехать в Рим лично, он мог посылать письма, что послужило бы Божьим целям, а не целям Урбана. Понтифик, его конклав и весь христианский мир должны были получить еще одно предупреждение, еще один призыв к покаянию, адресованный им, пока реформатор не сошел в могилу.

Джон Уиклифф из своего приходского дома начал обращаться через горы и моря к Урбану в Риме. Ни в чем нельзя найти более глубокую иронию, чем в послании ректора Люттерворта понтифику христианского мира, а по духу ничего более христианского и праведного. Принимая Урбана за того, за кого он себя выдавал, Уиклифф продолжал писать, что нет никого, перед которым он с радостью предстал

бы, чем перед наместником Христа, потому что ни от кого больше нельзя ждать большего почитания законов Христа и любви к Христову Евангелию. Ни от какого суда нельзя ждать большей справедливости, чем от того, перед которым он сейчас стоит, и поэтому, если он отклонится от Евангелия, то он уверен, что ему докажут его заблуждение, и укажут истинный путь. Наместника Христа, как он понимает, не волнует высокое положение в этом мире; о, нет, он оставляет роскошь и суету мирским людям, и довольствуется низким положением Того, Кто быв на земле, не имел, куда голову приклонить, он не ищет никакой славы, кроме славы Господа. «Земная власть», которой он вынужден владеть, является, наверное, нежелательным бременем, от которого он бы рад избавиться. Святой отец, несомненно, не перестает призывать священников всего христианского мира следовать своему примеру, и питать хлебом жизни паству, порученную им. Реформатор в заключении повторяет свое желание, что, «если он заблуждается, поправить его, и если нужно, то смертью».

Легко представить в Ватикане хмурые лица, среди которых открывалось и зачитывалось это письмо. Если бы он писал в оскорбительных выражениях, то те, к кому это послание было обращено, видели бы только критику; но получилось так, что их обвиняли, и они как будто стояли перед реформатором. Суровой и правдивой рукой реформатор нарисовал портрет Того, чьими слугами Урбан и его кардиналы провозгласили себя, и держа его перед их взором, он спрашивает: «Вы похожи на Него? Вы в такой бедности живете? У вас такое же смирение? Имея памятники своей гордыни по обе стороны – дворцы, имения, богатые одежды, великолепные экипажи, роскошные столы, (их тирания – бич, жизнь – позор для христианства) они не посмели сказать: «Мы похожи». Итак, если они были осуждены, то осудил их Христос. Это – все, что получил Урбан, вызвав к себе Уиклиффа. Он соорудил себе кафедру на семи холмах, с высоты которой английский реформатор мог провозгласить всем народам Европы, что римская церковь является антихристом.